

ЕВРЕНТИЙ КОЗЛОВ

АНГЕЛ АСПИДА

16+

Евгений Александрович Козлов

Ангел Аспида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66930748

SelfPub; 2021

Аннотация

Что если в птичьем гнезде однажды окажется змееныш? Обитатели поместья “Терновый куст” еще не раз будут задавать себе этот вопрос, смотря на подкидыша, плотноядно взирающего на их обнаженные души, накапливающего яд на своих устах и в своем сердце. Нерожденный и хладнокровный, ему предстоит многое погубить или же сбросив с себя змеиную кожу, стать совсем другим существом.

Содержание

Начало всех историй	5
История первая. О подкидыше и семье баронетов	8
История вторая. О скорпионе и о том, насколько вольны современные своенравные нравы	29
История третья. О василиске	51
История четвертая. О забытом отроке и о безумном величье	58
История пятая. Для чего жить реальностью, когда есть воображение	74
История шестая. Об искушенности жизнью в невозможности смерти	94
История седьмая. О мудром голубе и кротком змее	127
История восьмая. О неудачах поражений	145
История девятая. О свидании и о мистическом восприятии действительности	164
История десятая. О пустых сосудах, в которых тьма	178
История одиннадцатая. О воздаянии и о том, как умирают кукловоды	189
История двенадцатая. О том, как начинаются и оканчиваются истории	196

Евгений Козлов

Ангел Аспида

“И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив”.

Числа. 21:9.

Начало всех историй

Темнота души подобна колодцу без дна, когда воды достаточно, чтобы напиться ею, но глубина не позволяет зачерпнуть влаги живительной, там лишь холод сковывает сущее, ибо не проникает луч солнечный в те просторы узкие. И потому находящийся во тьме, будет видеть тусклый единый светоч наверху, а вокруг лишь тьму беспросветную.

Внимайте слову моему и не уподобляйтесь аспиду сему – скажу я вам, взглянув на ужасное отражение своей души и на абрисы омерзительного тела, ибо это мое страдальческое бремя. Змей искуситель ползает на брюхе и жалит в икры прародителей незрячих, но та ступня и в грязь втопчет сего гада. Змей мудр, но кротость голубя неведома ему.

О как несчастны вы потерявшие опору мира, основы нравственности, этики морали и незримой связи с Богом. Как вы упрямы отроки, познающие лживые науки, ваши души испытывают муки, вы изнываете от боли рвущихся оков, вы свободными кажетесь весьма, однако неспешно зло прокрадывается в ваши юные уста, что глаголют любострастно и самолюбиво. Увы, и горделиво.

Заклинаю – не помышляйте о дурном, являйте правду там, где правят вероломно двуязычно, закон твердите там, где бесчинствует беззаконье, и мыслите своим умом, обрати-

тесь к Господу с прощением о милости откровенья и с Божьего повеленья, обрящете вы тогда доброты смирения познанья. Помните – душа есть идеал, что искажается порой пороком. Низвергнув страсти, в чистоте откликнется нам Свет и в Свете том уже не будет тьмы.

Впредь искушаемы вы будете привольно, опишу дословно сторону души своей отроду безумной. Вот грозные виденья предо мною драмою встают, вот и сюжет известен с самого начала. Строфы слагаются в абзацы, сплетаются, словно обручи змеи, от главы перейдем к хвосту, иль в ином порядке зачнется повесть великая по смыслу и значенью. Позвольте явить вам мою гордость в обличье тварном. Ныне сотворим воображеньем образ странный, мой реальностью зеркальный, или лишь воображаемо астральный.

Замедлите сердца, успокойте вечный кровеносный механизм, не сочтите сказ за афоризм. Не обессудьте, не травите скулы зловредною усмешкой. И пусть исторгнется творенье из пучин муз тлеющих моих. Вот рукописи в пепел превращаются, бывши некогда белыми листами, заведомо до суда забвеньем стать желают. Пускай они свою переломную судьбу, свой едкий фатум знают, но я лишен порядка, или перевоплощенья. Еще одну мне предстоит жизнь прожить. О сколько лет минуло с тех пор, я жил видимо более Адама! Вот только семя мое останется во мне и не расселится по миру, только семена души будут жить в веках, в потомках, после остановки моего покойного дыханья. Плоды мои не гни-

ют, трупный яд не источают, но эфирной радугой в живые души благословленной лирой проникают. Позвольте, в муках творчества дитя премудрое рукописное зачать. Ныне историю приступаю неистово слагать.

Боже, позволь мне сей творенье дописать.

История первая. О подкидыше и семье баронетов

Барон Дон-Эскью не отличался отличительной сдержанностью нрава, посему навязчивое утомление всюду сопровождало его будничные разъезды и кратковременные вылазки в заграничные страны, особенно в праздничные дни, настрой его претерпевал неминуемое падение в непролазные топи суетливых дел и мелкосортных делишек. Именно сейчас он нетерпеливо ожидал заключение неторопливого нотариуса о расширении родовой усадьбы по причине многочисленности знатного семейства. Ибо его верная супруга зачала, выносила и явила на свет Божий трех здоровых деток с высокими заблаговременными видами на будущее, особенно на процветающую земную жизнь. Посему, барон, повинуясь обыкновенному чувству защитного оберега, замыслил постройку ряда новых домов на подданных ему землях, как для прислуги, так и для семейств, мужей и жен своих кровных отпрысков, если они изберут столь важное общественное поприще создания ячейки общества – как думал он всегда, не гнушаясь сомнениям. Имея баснословное положение в светском обществе и некоторое уважение среди церковной иерархии, всё же барон не слыл миллионщиком

или чрезмерно расточительным богачом, скорее он являлся удачливым предпринимателем и человеком, который удачно родился в семье честнейших аристократов. Однако барон несколько не располагал типичными чертами сребролюбцев, особенно его крестьянский нос картофелиной всегда вызывал в нем отвращение к самому себе, но в характере джентльмена не имелось сентиментальности, разрушительных самобичеваний, тем паче ущемления самооценки. Потому что барон, гордо приподняв кустистые брови, всегда шел напролом, невзирая на внешние особенности видимых и невидимых препятствий и всяческих ограничений. И люди всех возрастов и родов за маской надменного темперамента не замечали обильные греховные недостатки барона.

В это непогожее утро, размахисто махая скомканной бумагой перед колким носом юриста, словно услужливо обдувая его веером, или опахалом, барон бурно толковал свои резоны, обходясь со средним классом по обыкновению грубо, не ставя нотариуса ни во что ценное. Краснея, источая липкий пот, или таким химическим образом французские духи преобразовывались из газообразного состояния обратно в жидкое, он прикладывал толстые руки к пухнувшей голове в знак непонимания трудностей возникших с разрешением сего недвусмысленного вопроса. Неужели так трудно поставить всего одну печать, крючковатую подпись, и сразу все станут довольны и обогащены. Но уважающий себя юрист противился желанию барона, имея на то веские ос-

нования, его предпочтение складывалось не в пользу просящего возрастного лица, если судить по шкале заслуг перед обществом. Ведь когда барон с честью пополнил население родной страны несколькими податливыми внушению умами и рабочими руками, он уразумел в том неоцененный подвиг, вклад – если сказать грубо, и посему желал, чтобы раскормленное государство ответило ему тем же резонном, увеличило его земли минимум в три раза, по тридцать соток на ребенка. Объективно, никто, конечно, не считал сей заслуги чем-то достойным особого восхваления. “Знаете, мсье, сколько у нищих людей рождается детей, десятки, и что, прикажите всех немедленно обеспечивать бесплатным жильем? Это весьма не прагматично” – хотел было высказаться юрист подобным откровенным образом. Однако, слуга юриспруденции, одетый в классический фрак и с основополагающей залысиной с одной стороны немного удлиненной главы чуть выше выпуклого лба, на коем уже появились горизонтальные складки, а мышинные глазки то и дело опускались в знак наигранного почтения, он-то и хотел протестным возгласом ответить барону, но иступленно промолчал. Барон в свою очередь не унимался, заискивал, угрожал и всячески властно воздействовал на ум упрямого государственного деятеля. Затем барон начал подумывать о взятке, вот только легче самому купить землю, чем даровать ту же самую сумму чиновнику, который может прогореть на принятии черной mzды. В общем ракурсе, перспектива виделась далеко не радужной.

– Подписывайте. – говорил барон. – Или не считаете нужным удовлетворить мои веские предпочтения, не боитесь моего весомого положения и чиновничьих связей. А вот если я посету вашего работодателя и явлю тому зловредную жалобу о вашем неподъемном положении, неподкупном нраве. Но нет же, вы умно предохранились, вы частное лицо и не страшитесь никого. Так что вы хотите? Денег? Повышение? – не различив и йоты смягчения на лице юриста, барон заискивающе воскликнул. – В толк не возьму, как можно быть таким лиходейским истуканом, не в меру своенравной брюзгой!

– Ошибаетесь, мистер Дон-Эскью, я по своей природе учтив и податлив, если всё распределено по закону. Правила – это моя жизнь, мне скажут за порогом этого дома – а чем вы лучше других, когда законники сами же нарушают свои законы. Но помимо прочего есть суд. Идеология моя такова, и идти наперекор суду я не намерен.

– Как можно обойти этот дрянной закон? – вопросительно пробубнил барон.

– Никоим образом. – вкрадчиво ответил нотариус.

– Неужели нет лазеек, оговорок, черных пятен? – не унимался истец.

– Только одно условие сможет вам посодействовать. В семье истца должно быть четверо детей, или более того выше названного числа граждан младшего возраста, верноподданных нашего суверенного государства. Тогда закон смягчает-

ся, и в частном прощении могут возникнуть положительные аспекты, посему рассмотрение сего дела, возможным станет в скором времени. К примеру, могут быть предложена как компенсация, некоторая скидка на приобретение земельных участков.

– И это весьма затруднительно. – проговорил с неудовольствием немного успокоившийся барон. – Порох в пороховнице иссяк, детей я более иметь не могу, да и незачем обременять себя лишними ртами. Моя неосведомленность сыграла со мною злую шутку. Все эти препирательства мне толком наскучили. Вы, милейший, подчиняетесь законам властей земных, даже если те законы противоречат вашей совести, какой тогда может быть между нами диалог. Вы выучены по книге и сами стали ее кожаным переплетом.

Юрист в силу системной должности сносил все обвинения стойко, пропускал мимо ушей всякого рода описательные иронические выражения, отмалчивался с не посрамленным достоинством.

– Бюрократия. Позорные бумаги. – причитал барон слегка угрожая. – Вот поеду сейчас же домой, открою шкафчик с документами и предам их честному огню. И что? Что вы на это скажите? Неужели я сразу потеряю имя, имение, детей и супругу, уважение, немалый достаток. Бумаги лишь подтверждают то, что и так всем известно. Как впрочем, да будет вам известно, признания в любви словесно звучат, куда искренне, чем на листе письма.

– Если вам не нужны свидетельства, то для чего явились в мою многострадальную контору? – изъяснил узнать юрист.

– Да что с вами попусту язык мучить. – махнул рукой барон поднимая правую бровь в знак прощения, но нотариус слыл покорным почтением, однако не выказал ни грамма одобрения нестерпимым потугам богатого человека.

В расстроенных чувствах барон Дон-Эскью долгое время справлялся о других коллегах правового института общности, коих, впрочем, достойных не оказалось. Проблемы нарастали снежным комом, хотя погода была неодобительно дождливая, видимо ей пришлось по духу роль плакальщицы, которая, как известно особенно обладает талантом источать слезы, даже если ее настроение не располагает к черной меланхолии.

И в довольно живописной обстановке на улице господина дожидался лакей Эстебан, загорелый и поджарый слуга находящийся в зачарованном томлении. Редкие капли стекали по его черной замшевой куртке. Он всегда сопровождал барона, с доблестью исполняя предназначение охранника или хранителя пожитков. В эту минуту он сторожил с верностью экипаж с изрядно подвыпившим кучером на козлах, последний более нуждался в пристальном наблюдении, нежели чем вещи.

Имея почтенный вид, несколько туземный, Эстебан походил на взрослого обеспеченного представителя рабочей молодежи, ведь зим ему минуло не так много, чтобы зачислять

его в старики, судьба назначила ему прислуживать уважаемому человеку и обогащаться за счет чужих накоплений. Первая его встреча с бароном состоялась в экстремальной ситуации. Однажды какой-то взбесившийся старик ринулся напрямик к Дону-Эскью, сверкающей заточкой гневливо требуя денег. И господин уже готовил кошелек, уже оставлял себе мелочь на дорогу, как вдруг появился, словно из неоткуда, Эстебан, настолько похожий на бродягу, что барон начал было готовить подать и второму бандиту. Однако сын итальянца нисколько не смутился, не стушевался, а заступился за господина мирным образом, подставив свою коричневую грудь под непредсказуемое лезвие. Тот злой старик, безусловно, не ожидал в своем плане такого поворота событий, посему наскоро испугавшись, убрал холодное оружие, дабы выстрелить из самодельного карабина. Но Эстебан не дрогнул и перед этой нависшей опасностью, он словно был готов принять на себя все удары, все смертельные пули. Барон естественно хотел, чтобы защитник вырубил пожилого разбойника одним хуком справа, завершив победную цепочку апперкотом, но вот странность, иноземец оказался до жалости миролюбив, и поверг своей неприступностью нападавшего в ужас, отчего тот, побросав всё свое оружие, прокляв саму затею несостоявшегося грабежа, ретировался обратно в трющобы. Так Эстебан снискал работу, некоторое благополучие и ауру высокой необходимой непоколебимости.

Тем временем в доме, сосредоточенно преумножая нерв-

ные процессы, барон вскипел самоваром, юрист даже от чувства самосохранения отошел к окну и жалобно воззрился на баронского слугу. Тот в свою сострадательную очередь всё понял с первого вопрошающего взгляда. Но быть третьим участником в споре он не желал, к тому же его господин лишь кипит, но не выплескивается наружу, слишком уж крепко-накрепко привинчена крышка его раскаленного черепа.

В последующие минуты Эстебан начал ощущать холод и некоторое душевное беспокойство. Показалось или и вправду, возле кареты кто-то прошмыгнул, призрачная тень или тень призрака, бродяга или уличное животное. Не страдая галлюцинациями, кучер своим заплывшим глазом ничего странного не приметил. Однако. Что-то явственно произошло, чуткий Эстебан всегда за милю чувствовал нарастающие передраги, предрекал подкрадывающиеся опасности. Тогда его сердце по обыкновению начинало бешено колотиться, указывая на эпицентр зарождающегося конфликта. Может потому что хозяин сегодня не в духе, потому не откажется зацепить и отругать слугу за малейшую несерьезную провинность, всегда столь молчаливого и терпеливого, может по этой причине барон нанял его, за недвижность чувств.

Женские истерики выражаются в звуках, в таких как крики и бранная оскорбительная ругань, а мужские истерики заключаются в физических действиях, драки то или простое пьянство. Господин себе, естественно, такого не позволит,

не станет бушевать до критической степени, но всё же слуга намеренно предвосхищал, заведомо готовился к сим срывам основательно и продуманно.

Посему Эстебан, верноподданно дожидался барона неукоснительно, не двигаясь с должного места. Вскоре мечтательные видения пропали, возле кареты более никто не промышлял.

Дождь тем временем усилился, посему закурить папиросу оказалось делом невозможным, да и сменить пост на более сухой не было никакой возможности. Он всегда, сколько себя помнит, был непреклонен в своих убеждениях. Однажды судьба приготовила Эстебану сложнейший по трудности выбор. Один злодей хотел побить его друга, а в руке Эстебана был камень или иной тяжелый предмет, не суть важно. Главное состояло в деянии, как поступит он – может кинуть камень в мнимого врага и тот отстанет от них, но тогда причинит человеку боль, что есть бесчеловечно, чего пророк Иисус Христос из Назарета не допускает, или не вмешаться и всё происходящее доверить рассудительной судьбе. Любой другой араб на его месте незамедлительно бы ударил обидчика, хвалясь направо и налево своим злым поступком, но Эстебан поступил иначе, он встал между врагом и другом, и те растерялись, познав его самопожертвование, посему более никто не посмел более нападать на них. Если желаешь кого-то ударить, то бей меня, всегда бей одного меня, но никого более не трогай – сказал Эстебан злодею. И тот пора-

женный поведением странного туземца, решил более не посягать на жизни людские, ведь есть те, кто готов отдать свою жизнь за человека, не совершая греха. С того дня, Эстебан поступает подобным образом всегда и везде где свершается злодейство.

Его сородичи, имея воинские нравы и обычаи, не поддерживали его миролюбие, даже унижали его по сему поводу, поэтому теперь ему живется куда лучше среди европейцев, культурно и нравственно обогащенных. Однако он не знал, насколько губительно в дальнейшем изменятся времена и как развратятся нравы.

Переворот в душе Эстебана произошел, когда он находился в паломничестве по святым землям, почитая пророков единого Бога, он посещал реликвии, молельни, храмы. Восточная культура растила его, но мудрость он приобрел в ином мировоззрении, однажды он узнал о другом пророке.

Многие арабы из Египта, Сирии, Турции, приезжали в Иерусалим для поклонения. И многие почитали Иисуса Христа основателя христианской веры за пророка, ибо Он проповедовал о Боге, о добродетели и обличал иудеев. А с евреями у них имелись некоторые недомолвки и пересуды, те также воинствующе настроенные, с мерою – глаз за глаз, никак не могли поделить с мусульманами целые города. Отсюда вытекали конфликты и междоусобицы. Меж двух огней, в это время, Христос виделся Эстебану золотой серединой, словно Он встает между людьми и успокаивает их Истиной.

Словно любить необходимо не только свою семью, свой род и свою страну, но и весь мир, всех людей от мала до велика, вне рас и религий. Тогда для Эстебана всё разрешилось, теперь и он подобно светлому пророку будет разделять людей любящим духом своим. Особенно ему понравился меч в Его деснице на иконе Страшного Суда, словно луч неведомого света, прозрачный, духовный меч и Эстебан нарек себя сим орудием правды.

Дверь внезапно с треском отворилась, был ли это увесистый пинок или выпад руки барона, так и осталось загадкой. Видимо переговоры безрезультатно окончились. Отчего слуга торопливо выдохнул, встал по струнке готовый к принятию излияний желчи на свою марионеточную персону, но барон напоследок решил крикнуть несколько манерных аристократических инсталляций и весьма витиеватых ругательств в окно нотариуса. Если бы поблизости был снег, то он, подобно вздорному мальчишке не упустил бы возможность швырнуть смачный комель в высокомерную физиономию юриста. Однако, схватившись за область сердца, господин отчаянно махнул рукой, словно отгоняя назойливых насекомых или прогоняя дурные мысли, обратился к слуге.

– Вылупился словно затравленная мышь. – воскликнул он, и тут же поправился. – Да не ты. А этот консультант недочка, смотри, то и дело глазеет на меня и посмеивается злорадным хохотком. Сказал, что мне нужно завести четвертого ребенка. Может мне тебя усыновить?

Эстебан утробно сглотнул.

– Нет, ты чересчур стар для ребенка, во внешности конечно, ума-то у вас у всех ни на грамм не прибавилось! А еще смеете поучать меня.

Обычно барон Дон-Эскью не столь нахально дерзок, но сегодня не на шутку разгорячился.

– Поехали, что попусту время терять. – он взглянул на часы. – До обеда управились, а я думал, придется рыть яму и подключать полицейских, слышал они на изошренные пытки мастера. Увы, юрист крепкий орешек, который расколется, если только самолично упадет с ветки орешника. И на земле уже станет неинтересен, потеряв всякую ауру недосягаемости. – тут барон затопал к карете. – Поехали, Эстебан, должно быть и у тебя в желудке колоннада залпов пушечных выстрелов королевского флота разыгралась.

Речь барона слуга снес безмолвно, практически без внутреннего ропота. Эстебан отворил ему дверь экипажа, покорно приклонив голову. Кучер тем временем проснулся от непреодолимого сна. Всё казалось на редкость обыденным, богатый человек присаживается на бархатные сиденья во всю широту своей тучной фигуры, как вдруг совсем рядом послышались странные всхлипывания, нечто схожее с плачем.

– Проверь, что там. – приказал барон погружаясь в насыщенные мечтания о еде, какие блюда ему подадут на стол, каков будет отварной суп, каким аппетитным станет второе ку-

шанье, затем сладкий молочный десерт...

Эстебан опустился на колени, отчего угодил прямиком в лужу, однако это влажное обстоятельство его нисколько не смутило, ведь он уже до этого был изрядно намочен дождем, но не в репутации. Заглянув под карету, обшарив глазами дно, слуга ничего не обнаружил. Встал с земли, обошел карету кругом, и также ничего странного или подозрительного не усмотрел. Может быть, им всем показалось?

– Господин. Это видимо грязевое хлюпанье под колесами коляски. – высказал свое мнение, свою осмысленную версию случившегося Эстебан.

– Тогда прикажи этому лентяю на козлах трогать и быстрее. Покуда мы вовсе не завязли возле этого омерзительного дома. – неопратно проговорил барон.

Эстебан захлопнул дверку кареты, уселся рядом с кучером, и приказал, как было велено – ехать до усадьбы. И вправду, тронуться с первого раза не вышло, колеса прокручивались вхолостую, пока изрядно не врылись, достигнув твердого грунта, и соскочили с места весьма протяжно, с надрывом. Изнутри кареты доносились уловимые обонянием запахи всяческих деликатесов, различных вкусов, таким изощренным обликом миража барон Дон-Эскью талантливо размечтался, что его грезы вышли за пределы души и начали материализоваться. А Эстебан всё пытался счистить со штанин липкую грязь, но ничего не выходило, поскольку жижа лишь размазывалась по ткани, и видимо у прачки се-

годня будет много работы.

Ноябрь таинственно скрывает свое томное великолепие, от того так неодобрительно отношение людей к сему прекрасному дождливому месяцу. Истошные порывы поэта сопровождают настроение последнего месяца осени, некогда опасные для дорогой обуви лужи, ныне заледеневают, превращаясь в зеркала. Взгляните, кого увидите вы там? Отражение, которое так легко разбить. Порою одинокие снежинки вальсируют, создавая пародию первого снега, иногда показывается солнце, в поздние часы сгущаются сумерки, отчего на небе опечаленно красуется бледная луна. О сколько всего таит в себе отверженный ноябрь, он как истинный поэт толпою ненавидим, он лишает влюбчивых пар романтических свиданий, ибо ноябрь влюблен трагично безответно в красавицу весну, он рушит свадьбы, потому что грустен он в тоске. Этот месяц благоволит одиноким прозаикам и поэтам, родившимся без чувства такта и задушевного ритма, их сердца бьются нервно неровно, словно умирают, а руки дрожат, и мысли столь беспокойны. Ноябрь – это последние стоны расколотого сердца увядающей молодости. И некто родился при проливном дожде, ему суждено всю жизнь лить слезы и проклинать судьбу, свои слабости, свою нищету духа. Он видимо единственный кто радуется ноябрю.

Карета катила неровно, постоянно подрагивая на ходу. Слуга временами различал писклявые крики, цыплячий стон, доносившийся неизвестно откуда, может так урчит в

голодном желудке господина – подумал он и немного успокоился.

Усадьба Терновый куст располагалась неподалеку от города, но уже считалась полноправной провинцией. Название поместья произошло из-за не ухоженности здешних садов, но то было в прошлом, ныне здесь произрастают барбарис и шиповник с яркими ягодами, которые кажутся, вот-вот лопнут от огневого цвета. Однако сей именование прилепилось накрепко, засело надолго в память здешних обитателей и в течение последующих столетий.

Обширное баронское семейство выглядело скромным, в сравнении с плодовитостью крестьян, всё же у барона помимо супруги Мари Дон-Эскью, довольно ленивой и несколько не прогрессирующей женщины, отвергающей всякие этические новшества, такие как приступы сумасбродного феминизма, по дому сновали наследники: Олаф трех лет отроду, также семилетняя Джорджиана и крохотная Сара, упрямо ползающая вдоль стеночки как барон в дни предродового запоя. А еще говорят, будто мужа несколько не участвуют в рождении детей, ведь столько нервов и переживаний не вместит ни одно женское сердце. Впрочем, родители, безусловно, очень гордятся своими детьми, особенно выделяют сына, сам барон дорожит им как продолжателем знатнейшего рода. Вдобавок в доме живет сестра Мари с новорожденной дочкой по имени – Хлоя.

И именно в этом самом жилище, когда барон отлучился по важному делу, девочка появилась на свет Божий в полном здравии и сохранности. Неукоснительно все родственники удосужились съехаться, дабы почтить роженицу и ее первого ребенка. Также дом наполнили врачи и медсестры, те ухаживали за новоиспеченной матерью со всей заботливостью, во всю цену тех монет кои наполнили карманы их белых халатов, и их усердию можно было позавидовать. Однако многие были заняты своими делами, к примеру, слуги побросали все свои бытовые обязанности, лишь бы передать из уст в уста последние слухи о мирном протекании окончания затянувшихся родов. Кои миновали благополучно, девочка родилась мучительно, хотя выглядела впоследствии весьма маленькой, но симпатичной. Все обрадованные домочадцы со скакивали со стульев, нескромно радуясь как на празднике. Посему барон, так усердно мечтавший об аппетитном обеде, сильно огорчился, узнав, что повара в его отсутствие были заняты не менее важными делами, чем готовка наваристого супа.

Усадьба славилась укоризненностью жизненных ценностей, никаких вульгарных странностей здесь не наблюдали. Впрочем, до той поры, покуда однажды, экипаж барона не подкатил к входу поместья. При продолжительном дожде господин с предвкушением на влажных губах и со сварливостью эгоистического характера самочинно отворил дверку кареты, спустился на грязную землю, поворчал немного для

укоризны, и направился напрямиком к главным вратам. Как вдруг, он услышал отчетливый скрипящий детский плач, доносящийся возле кареты.

– Эстебан, ты тоже слышишь эти звуки или мне мерещиться?

Слуга спустился с козел и подоспел к хозяину.

– На протяжении всего пути. – ответил тот.

Барон хмыкнул и отвел взор в сторону. Но тут как назло крик усилился. Эстебан, нынче самостоятельно поняв свои обязанности, без приказаний вновь заглянул под карету, затем осмотрел багаж, однако ничего сверхъестественного не обнаружил. Отчего он сделался крайне раздосадованным и даже напуганным, будто сейчас барон вскипит и уволит его, если надоедливый скрип не прекратится. Затем он заглянул под круп лошади, и тоже ничего не сыскал. Кучер тайком прошептал Эстебану – загляни под колесо, вдруг какая живность попала. И вправду, над колесами есть впалые пространства. Последовав верному совету, Эстебан опустился на колени, изогнул голову под невероятным углом и оторопел от увиденного. С ожесточением протиснулся под дном кареты, изрядно испачкавшись в грязи, затем что-то долго пытался выудить из колесных ложбин, что-то чужеродное, словно занозу.

– Это по-видимому кошка прокатилась с ветерком. – подзадоривал слугу барон Дон-Эскью.

Но создателем шума оказалось вовсе не животное, а су-

щество далекое от зверя. То был новорожденный младенец, нагой, ибо покрывалом ему служила запекшаяся грязь, кое-где были видны пятна материнской крови или то была кровь самого ребенка. Эстебан судорожно вызволил бедное дитя из-под колеса, этот живой комочек, и немедля явил под любопытствующие очи господина. Тот в свою очередь удивился, но, несколько не сжалившись, хладнокровно приказал.

– Мне подкидыши без надобности. Положи его обратно в грязь, посмотрим и проверим насколько велико его желание жить.

Эстебан всегда знал, что барон весьма циничен в отношении чужих людей. Но чтобы настолько! Слуга представил, как маленькое тельце поглотит серая грязь, и в земле упокоится сей невинная малая плоть, от младенца останется лишь крохотный скелет и вечный плач несчастной беспутной матери развеет ветер по захолустным здешним окраинам. А безгрешная душа ангела на Небесах будет молить о жестоком бароне, о прощении его скверных грехов. Как они сейчас похожи, Эстебан и это дитя. Оба в грязи, в пыли, оба подчинены одному властному человеку, их жизни зависят от его сумасбродной воли. Но есть и тот кто выше всех, Он Царь царей, Господь не оставит сего новорожденного младенца – с надеждой уповал слуга.

Жаль, шансов выкарабкаться у ребенка было мало, ибо он еще не умеет должно передвигаться, преодолевать препятствия, он плохо видит и плохо слышит. Жаждающий ма-

теринского молока содержащего немислимое многообразие информации об окружающем мире, ту защиту иммунитета, младенец плачет, предвкушая свою трагическую судьбу. Бедное беспомощное дитя, рожденное в дождливые туманные хляби.

Но отлучиться от указания Эстебан не решился, посему аккуратно положил подкидыша в болотистую борозду оставленную колесом кареты, где собиралась влага, где месилась чернеющая жижа вместе с могильным дорожным песком. Он аккуратно положил его на живот. И отошел с поникшим духом, с чувством судорожной обреченности, невзирая на удушьяющие пытки внутреннего самосуда.

А барон стоял гордо и самоуверенно, как вельможа близ рыжего Нерона, радуясь невероятно бесчеловечной потехе Колизея.

– Посмотрим, насколько он силен. – вымолвил он.

– Это всего лишь ребенок. – в ответ боязливо проговорил Эстебан.

Дон-Эскью не удостоил слугу ответом, вместо этого он пристально глазел на жалкое создание, на неповторимое зрелище. Затем присел и гадливо проговорил.

– Это не ребенок, это песчаный червь. Смотри, как он грациозно извивается.

Ноябрьское дитя разлепило ослепленные глазки, прозрачная пленка расслоилась, и светло серыми радужками оценило окружение. Во взоре ребенка не было ни трепетного стра-

ха, ни лицемерной покорности. Он с нескрываемым высокомерием воззрелся на обидчика, избравшего вместо заботы безразличное зрелищное истязание, отчего в отместку сжал кулачки, впился пальчиками размером со спички в грунт и начал ползти, его по-лягушачьи скрюченные ножи рьяно рыли грязевую массу. Понемногу ребенок вылезал наружу из недр бурлящей ямы.

Словно из бездны, из небытия Творцом творился человек, ибо застлал Творец душу человека забвением, по слабости новорожденного, и не может человек познать, что един у него разум с разумением Творца. И то творение было благодатным и мучительным, ибо не ведал человек себя, но ныне он познал себя, познал Создателя сотворившего его.

Заботливые дождливые капли омывали бледное тельце. К концу пути он стался чистоплотным подобно царскому сыну. Не источая слез и не извергая рыдания, он преодолел всякую преграду и с чувством собственного превосходства над всеми людьми, над их жалкими возможностями и препирательствами, взирал на барона, будто пред ним не богатый человек, а провинившийся слабый слуга.

Подойдя ближе, в меру растроганный барон с горячностью произнес.

– Нет, я видимо совершил грубейшую ошибку, назвав его червяком. О, это самый настоящий подлинный – аспид, змей, рожденный в пыли и в грязи, лежа на брюхе, в чужой

крови. Который так неистово стремится попасть из грязи в князи. – тут он обращается непосредственно к ребенку. – И я дарую тебе такую неопределимую возможность. Хотя ты и слаб физически, дух твой силен, я это ощущаю в тебе всем своим нутром. Дух человеческий всегда трепещет пред величием. – говорил барон, а затем обратился к слуге. – Эстебан, заверни младенца во что-нибудь и отнеси его в дом, там уже служанки разберутся, что с ним делать, пеленать, кормить и тому подобное. А я пойду чего-нибудь перекушу, как говорят римляне – после всякого зрелища положен хлеб. А то с голодухи я становлюсь жутко лютым и падким на всякого рода непотребства.

Бережно, словно свое собственное дитя, Эстебан завернул его в свою куртку, и тот, кажется, заснул с крохотным пальчиком на устах. Но напоследок, перед самым уходом барона, тот обратился к господину.

– Как мне объяснить его появление? И какое дать ему имя?

– Аспид. – небрежно только и сказал барон, принявшись следить за тем как кучер управляет с багажом.

На том будущая жизнь незваного подкидыша определилась благовременным стяжанием.

И имя, дарованное ему, заключило заветом его дальнейшую судьбу.

История вторая. О скорпионе и о том, насколько вольны современные своенравные нравы

Аспид нежной кожей ощутил как грубые и в то же время заботливые руки прикоснулись к нему, затем понесли над землю в неизвестном направлении, в этом коконе было тепло, здесь приятно пахло. Недавно он ощущал лишь как грязевые капли, небрежно окропляющие его личико, охладили кожу, и совсем рядом вертится нечто большое, готовое в любой момент погубить его жизнь. Несколько минут назад, то смертоносное устройство постепенно замедлялось, затем вообще остановило свой бешеный бег и, разлепивши глазки, он начал созерцать фигуры, контуры предметов, затем коричневые пальцы, прикасающиеся к тому месту, где он находился. И эти самые туземные десницы уволокли наружу его озябшее тельце, когда недружелюбный человек что-то произнес, те загорелые руки крепко сжали находку и отпустили в новое место, которое было куда хуже, чем предыдущее. Однако он, венец творения, не приклонился пред этим огромным миром, ибо он больше всего мира.

Отныне же, то стало минувшим прошлым, которое вскоре забудется, слишком мучительно рождение человека, и может

быть, смерть также однажды предастся забвению. Память не соизволит запечатлеть начало и конец, значит, мы не рождаемся и не умираем, мы живем вечно – думал малыш, наблюдая за мелькающими видениями окружения – люди вокруг суетятся, хлопочут надо мной, и думают, будто я ничего не понимаю, но я ведаю все тайны мироздания, во мне более знаний, чем в них, моя мудрость не ограничена мнимой реальностью и не извращена воображением, я прибываю в первоизданной Истине, которая по сути своей непостижима. Покуда Аспид мыслил, его подхватили другие длани, он ощутил другое, женское тепло, прикасания были усталые, наиграно любящие.

Тем временем около крыльца поместья духовно растерзанный Эстебан хватался за свою буйную голову, невольно рвал волосы, смахивая крохотные слезы и нескончаемо причитал, не щадя укорял себя за аморальный поступок. Ужасное злодеяние он свершил, минуя все нравственные устои своей стойкой натуры. Ведь жизнь, ведь само Провидение явило ситуацию, в которой нужно было встать между сильным и слабым, виновным и невиновным, грешным и невиновным. Но он лукаво избрал надругательство над человечностью – скверное невмешательство. А что если бы тот ребенок захлебнулся в луже, погиб от бессилия, тогда бы вся кара Небес пала на слугу, а не на господина, ведь руки злодея чисты, тот не прикасался к подкидышу. Долго такой укоризной он терзал себя, изнурял себя вопросом – кто важней

для Вселенной – тот, кто нападает, или тот, кто испытывает гнет и боль, если одинаково любить их обоих, то чью сторону выбрать, кого принять в лоно своей любви? Нельзя служить двум господам – учил пророк Христос, а я лукавлю, нужно было отнести дитя в дом, под покровительство Мари Дон-Эскью, послушаться приказания барона, но не потворствовать тому беззаконию – сожалея о своем выборе, говорил самому себе Эстебан.

В Терновом кусте произошел настоящий театральный переполох, ведь помимо рождения Хлои, барон привез некоего младенца неизвестного дальнего родства, однако с виду вполне спокойного, в меру детства уравновешенного. Сестра Мари, познав счастье материнства, настолько переполнилась любовью к детям, что охотно приютила возле своей груди и Аспида, пригрела змейку – как подшучивал в своей злорадной душе барон. Безусловно, об имени младенца пока никто не ведал, поэтому все начали придумывать всякого рода несуразные глупости. Смуглый слуга, принесший новорожденного, куда-то подевался. Барон Дон-Эскью задерживался с багажом, или готовил речь для поздравления сестры своей любимой супруги. Впоследствии оказалось что ни то, ни другое не входило в его скоропалительные намеченные планы. В первую наиважнейшую очередь, хозяин усадьбы отправился скорым шагом на кухню, дабы заморить огромного червячка, следуя нежным запахам всевозможной снеди. Однако обещанного супа ему не подали, поэтому пришлось

напитаться, чем попало, и такой свободный рацион весьма позабавил тучного барона.

Затем прибрав свой раздутый живот, минуя всех возбужденных слуг, он вышел из дому и как, кстати, ему попался Эстебан в отличном огорченном виде, посему подсел рядом с обиженным мавром, без оправданий, заявив.

– Помнишь, Эстебан, у вышивальщиц имеются подушечки для иглонок, вот и твое сердце подобно сему предмету, слишком мягкое оно у тебя, а жизненные укоры – колкие вещи, впиваются, остаются внутри, покуда их не вытащит мудрый человек. Знаю, ты сейчас ругаешь меня, даже, думается, презираешь. И это правильно, меня помимо прочего еще можно пожалеть, ведь я так ужасен в твоих глазах. Однако мне придется пояснить свое сегодняшнее поведение. – барон рассуждал здраво на сытый желудок, или злодейски хитроумно. – Во-первых, в том ребенке я различил явственно перст судьбы, некий высший дар, который неукоснительно необходимо принять, потому я бы ни за что не бросил его на произвол фатума. Во-вторых, бросают или отдают в приют по обыкновению нездоровых детей, с отклонениями в физическом здоровье или с помешательствами в уме, что весьма затруднительно определить. Посему наглядно удостоверившись в обратном, я принял Аспида в свою семью, еще и потому что он родился в год змеи по восточному календарю. Меня в последние месяцы крайне завлекла тема востока. Да, кого я обманываю, конечно, я назвал его подобным образом

из простого презрения. Я оказал ему великую честь. Я готов предложить ему выбор – быть моим сыном или слугой.

– Вы лукавите, господин. Я воочию видел правду в ваших алчных до чужой жизни глазах. Вы играли с ним, как играете со всеми.

– Это слабость власти. А что ты хотел, чтобы сила, предназначенная для разрушения, созидала? Если только после того как всё уничтожит. На обломках возводят города на костях. Не так устроен мир, как ты себе воображаешь. Всем царям военачальникам нисколько не жаль чужие жизни. Но не будем об этом. Ты, Эстебан, потрясающий психолог, и по этой причине я нанял тебя, ты помимо внешней оболочки человека, пытаешься проникнуть внутрь вещей, в души людей. Потому-то и бандиты бросают оружие, завидев твой прозорливый лик. Ты заглядываешь им в души, и они обнаженные, прикрывая срам, убегают прочь, ища новую одежду. А в Аспиде ты заметил что-нибудь странное?

Внезапно показалась миссис Дон-Эскью и громко сказала.

– Лютер. Вот ты где. Неудивительно, что мы обыскались тебя. Правду глаголют, что пропажу всегда нужно искать в самых обыденных местах. Но сейчас ты должен поздравлять мою сестру с рождением замечательной девочки, а не слабоумно торчать на холоде. Пойдем, хотя бы увидишь малютку.

– Конечно, дорогая. – ответил барон и напоследок шепотом обратился к слуге. – Скоро ты займешь еще одну должность. Готовься стать крестным отцом. Ты чувствуешь бре-

мя греха, и ты будешь за него отвечать, ты возьмешь его на свою душу, Эстебан. Готовься.

Они вдвоем миновали широкие коридоры, стены были обклеены узорчатыми обоями, картины висели разных размеров и фактур, занавеси на гардинах всевозможных атласных фасонов, остальное чуть уходило в тень, не раскрепощаясь особой роскошью. Интерьер выделялся своеобразностью дизайна, декоративность отдельных предметов мебели являло собой некую особенную пластичность, меняя места дислокации, ощущение уюта не ускользало сквозь призму привычности, словно вещи составляли единое целое с объемными комнатами. Усадебный дом многогранно обширен, здесь и спальни, двое гостиных, число коих зависит от численности гостей, кухни, кладовые, игровой зал, где расположен бильярдный стол, обитый лазурным сукном. Всего не перечислить, так велико многообразие нюансов здешнего декора. Родовое поместье передавалось из поколения в поколение, как крепкое гнездо, свитое первыми важными птицами, или то был скворечник, сотворенный вне их ведома, но для их удобства, и весьма приглянувшийся им для благополучного жилья. Род Дон-Эскью никогда не слыл особой задумчивостью, отрешенностью или религиозностью, скорее наоборот, они всегда жили свободно на широкую ногу, вели действительный образ жизни. Но лишали себя свободой мысли и мечтания, ведь круг их интересов сводился к простой диаграм-

ме – обогащения, удовольствия и деторождения. Что можно в общей сложности или простоте слить в единый термин – мирское мировоззрение. И сему они придерживались, не уступая ни на шаг в сторону. Книг в доме имелось великое собрание сочинений, но, увы, брались в руки лишь те, в коих подтверждалось сей бессмысленное импульсное кредо семьи Дон-Эскью. Каждый раз, когда очередной родственник умирал, то уходил тот человек, как правило, беспрекословно с пустым стеклянным застывшим взором, словно жизнь прошла, а он так и не задумался ни разу о жизни. И погребальный саван покрывал наготу их хладных сердец. А душа стояла рядом и плакала не о своем исходе, а о тех, кому предстоит уйти нераскаявшимся.

Барон весомого вида, с прилизанными короткими волосами на шаровидной голове, не имел офицерскую выправку, но вполне походил на зажиточного мэра, длинный сюртук частично скрывал его форменную полноту, а лицо его походило на гротескное изображение семи погубителей душ человеческих. Мари Дон-Эскью, баронесса, напротив была худа, излишне разговорчива и высокомерна, исполнив свой смысл жизни, что неукоснительно является деторождением, она горделиво возносилась над теми, кто еще не вступил на сей тяжкий труд, кто еще не принял на плечи свои сей непоколебимый груз ответственности. Она из тех кто везет ребенка в коляске, желая, чтобы все вокруг уважительно расступались, чтобы все одинокие люди видя ее счастье чув-

ствовали себя никчемными и униженными. Она из тех, кто кичится своими детьми, но участие в воспитании оных принимает весьма посредственно, но педантично подходит к науке возрастания будущих поколений. Прическа ее непременно уложена в конский хвост, на ней строгое платье без излишеств, несколько сверкающих украшений для создания завистливых взглядов и абсолютно надменный вид, таково поверхностное описание баронессы.

Таким несовместимым тандемом они шли к своей родственнице, дабы поздравить ту или утешить, это зависело от причуд настроения.

– Я где-то вычитала, что змеи порою подкладывают свои яйца в гнезда птиц, и пернатая мамаша ничего не подозревая, усердно высидивает подкидышей. Затем вылупляются цыплята и вместе с ними и маленькие змееныши. Представьте, как косо смотрит отец выводка на деток столь непохожих на него. И должно быть те змеи вскоре пожрут семью, в которой так удачно оказались. Я это всё рассказываю к тому, что ты поступил нецелесообразно. Нужно было оставить этого ребенка, там, где ты его нашел.

Барон внимательно выслушал жену и ответил.

– Либо поможет возвеличить наше укромное гнездышко. Этот несчастный нотариус не поддается моим уговорам, говорит, будто для увеличения земель необходимо иметь более трех детей, ему необходимо четыре имени. Я, безусловно, подумывал удочерить ребенка твоей сестры, на время,

конечно, но судьба подарила мне этого заморыша с голодным взглядом как у змеи. А еще говорят, будто наши думы черствы, но в дни веселья мы радостны, пьяны, мы наполняемся беззаботной закваской, комичным хмелем. Он же истинно бездушное создание, его усталая душа словно пытается двигать давно умершее тело.

– Да, он весьма странен. – ответила баронесса. – Думаешь, твой план стоит выделки? Ведь понадобится куча бумаг, усыновление дитя без матери нелегкая бюрократическая задача. Много времени потребуется на оформление опекуинства. Но зато, сколько выгоды! Какой явственно благородный поступок! В аристократическом кругу это обстоятельство выбелит нас. Представляю, как миссис Клэй будет умиляться, и благодарить меня за добродетель. Особенно когда узнает, где именно ты обнаружил подкидыша.

– Я знал что ты меня поддержишь. – радостно воскликнул барон. – Деньги ускоряют время, развязывают языки и покрывают чужие руки мозолями. Поэтому проблем в будущем я не наблюдаю.

Супруга не удивилась предложению барона оставить и даже усыновить младенца, напротив, стала солидарной с этой корыстной благотворительностью. Впоследствии возникли некоторые сомнения, однако имея врожденную хитрость и реализованное приспособленчество, она знала, что усыновленный мальчик не станет полноправным членом их семьи, не будет вмешиваться в жизнь ее кровных детей, в их наслед-

ство, барон и баронесса используют его как причину для обогащения за казенный счет. Затем, когда все формальности будут позади, они отлучат отрока от богатой жизни, тот станет простым слугой, который в силу малого возраста не запомнит ту потерю положения в высшем обществе. План вырисовывался весьма удачный, степенный, рассудительный. Если и есть судьба, то она и впредь будет сопутствовать нам – думали супруги, как полагается едино в единстве помыслов.

Их крепкий брак по естественному закону рационализма был по расчету. Оба состоятельные люди, они словно золотодобытчики прилепились к брачной руде, это означало, что больше им не нужно было с кем-либо делиться имуществом, им в меру привилегированным особам, не было необходимости заводить новые знакомства, так для чего тогда ожидать заколдованных принцев и принцесс, когда можно условиться на данностях. Поэтому в их диалогах отсутствовала всякая нежность, лишь сухие комплименты слетали с их напомаженных уст ради поддержания культа этикета, прикосновения меж ними также были редки, не потому что они дорожили телесной чистотой, а по причине искусственной холодности, их союз не был платоническим, небесная высота любви не затрагивала их. Не существовало соединяющей любви между мистером и миссис Дон-Эскью, однако единение помыслов и желаний в некоторой мере являлось чудесным образом в их совместной жизни, словно то была пародия на брак, и окружающие почитали это явление за вышние отно-

шения, отмеченные чуткой искренней любовью.

Лакей церемонно отворил дверь в комнату, довольно просторную, немного душную. В тяжелом воздухе, словно по-прежнему висели те болезненные крики и неумолчные стоны, боль и конечная радость. И всю эту удушающую обстановку разрезала утопическая мирная идиллия лежащая на пышной кровати. Сестра баронессы благотворно возлежала, прижимая к груди малютку Хлою, а рядом покоился Аспид, чуть дремлющий, он внимательно слушал разговоры взрослых, сложивши ручонки, научно изучал полураскрытыми веками дивный процесс кормления новорожденной девочки. Рита прикрыла действие покрывалом, дабы не показывать избыток обнаженного тела и дабы, не смущаясь, господу выказали ей уважение, представительно войдя в эту временную палату. Слуги к их приходу, безусловно, прибрались.

Барон остановился возле кровати и нисколько не смущаясь, приготовился держать речь, но тут он заметил Аспида, отчего с неприязнью воззрившись на него, желчно проговорил.

– Неопределимое желание лишить его жизни возникает во мне, словно он живет вопреки всем законам мироздания. – откровенно прошептал он, дабы никто не расслышал его мысли. – Вижу, дорогая, ты приютила нашего с Мари ребенка. Это меня радует. Познакомься Хлоя, это твой дядя Аспид. Но историю его краткой жизни я расскажу как-нибудь позже.

– Чудесный малыш. – подтвердила Рита. – Только немного странный, не плачет и не улыбается.

– Малышка Хлоя куда прекрасней, только посмотри какие у нее глазки. – мгновенно сотворила льстивый комплимент баронесса.

– Мари, ты не представляешь насколько я счастлива. – говорила ее сестра.

– Жаль только что они оба родились под отвратительным знаком скорпиона. Все знаки зодиака достойны, но яд имеет только один. Упрямость и свободолюбие, нетерпимость и хладнокровие, меланхолия, всё это отравляет их. Как жаль.

– Жаль, если верить этим бредням. – заявил твердо барон. – Рожденные в год змеи – мудры, и это мне куда больше нравится.

Рита, не ожидавшая таких скверных восклицаний, запротестовала.

– Какое это имеет значение в данную минуту, когда их жизни обрели новый виток, вопреки всем вашим звездам и календарям, мою Хлою ожидают великие свершения, я это предчувствую и без ваших глупых гороскопов.

– Таким образом, каждый родитель думает о своем первом ребенке. Хотя наш Олаф не первый, всё же он настолько представителен и занятен, что порою дух захватывает. – сказала Мари не позабыв прибегнуть к самолюбию заявив о своих достижениях в жизни.

В замешательстве прибывал барон, разглядывая новорож-

денных, они казались ему чересчур бледными и спокойными, в них нет той бурной крови родства Дон-Эскью, а значит, в них нет ничего путного. Подкидывш тем временем с любопытством кокетки рассматривал окружение, словно анализируя свои возможности в данную пору жизни, кои весьма невелики.

– На сим всё улажено. – сказал барон. – Если тебе, Рита, не противен Аспид, то пусть обитает подле тебя некоторое время, а после, когда он подрастет, пусть перейдет в сан слуги, это единственное что он заслуживает. Теперь осталось только усыновить его, для этого необходимо несколько мелких взяток и пару часов писанины. И мы с гордостью получим приданное принадлежащее нам по праву кровного родства. – рассудительно проговорил барон и широко зевнул позабыв прикрыть рот ладонью. – Позвольте мне чуточку вздремнуть, ведь этот несносный нотариус выпил залпом все мои нервы, столь искусно, что я бездушный сейчас же рухну прямо на этом месте.

Супруга поцеловала мужа в щеку, и он поспешно удалился, миновав все условности.

Отныне дамы могли побеседовать в уединении, не стесняясь посудачить в открытую, однако послеродовое состояние сестры не позволило той долго сплетничать и хорохориться. Их диалог стался коротким, но весьма витиеватым.

Мари села на край кровати Риты, лаская взглядом малютку Хлою.

– Константин видимо не слишком обрадуется рождению дочери, мне всегда казалось, что он желал иметь наследника.

– Безусловно, ты же знаешь этих мужчин. Однако девочка куда интересней для него, ее взросление он воочию увидит, как будут меняться ее платья, прически. А мальчиком он и сам был, чего тут занятного. Миленькое создание, не правда ли.

Тут произошло нечто неожиданное. Аспид незаметно подполз к Хлое, протянул ручку и коснулся ее порозовевшего личика. Отчего девочка пробудилась, но не заплакала. Тот словно ласково хотел погладить ее по щечке, однако пальчики еще плохо распознавали сигналы души, и не позволили ему проявить порыв нежности.

Рита отреагировала не сразу, она наблюдала за этой своеобразной игрой, затем рукой усадила Аспида на место. В чувствах матери включилось чувство защиты смешанное с удивлением.

– Какой необычный ребенок. Мне кажется он недостоин своего имени. – заявила она.

– Зато как оригинально. Знаю, что Лютер как всегда пошутил, это его своеобразный каламбур, который так неудачно восприняли всерьез. Жаль, теперь на нем лежит это змеиное клеймо. Я не чувствую к нему ничего доброжелательного, ведь Аспид такой холодный.

– Дети отверженные родителями всегда обделены теплотой. Чему тут удивляться. Настоящая трагедия может произой-

ти, если в детстве не получив любовь матери, он вырастит и полюбит девушку, но та будет безразлична к нему. Словно специально его сердце изберет ту, которая будет причинять ему страдания, наравне с матерью. Тогда он вовсе обретет змеиное хладнокровие, и лед заточит сердце юноши. Боюсь, что женщины тогда потеряют для него всякую значимость. Он возненавидит женщин, считая их бесчувственными одинаковыми фуриями, меркантильными созданиями, которые неспособны любить. И он ошибется, ведь только его они не любят. Они любят только других. Но надеюсь это не случится. – говорила Рита.

– Разве Аспида возможно любить. – вслух произнесла Мари свои мысли. – Современные нравы отвратительны. Не понимаю тех матерей, которые бросают своих детей, отдают их в приюты, затем являются, минуя десятки лет и начинают качать права, дескать, я тебя родила, значит, ты мне по гроб жизни обязан служить. О, я бы им прочитала лекцию, начав с такой истины. – она приняла серьезный вид. – Родители, если вы хотите чтобы ваш ребенок достиг благ и высот, вознесся до пика совершенства, то начните с самих себя, сами заслужите почет, достаток, университетское образование, славу, и только после, своим примером требуйте от детей стремление ко всему этому. А если вы безграмотны в жизни, то и создаются такие подкидыши. Вы, конечно, можете оправдать слабую неразумную мамашу, сказав – у нее трудная жизненная ситуация, но не забывайте что она чело-

век, а значит, может всё что угодно, да и вообще, чтобы не было проблем, дети должны зачинаться в законном браке. Так я всегда думала, и знала, что мои дети не будут мною кичиться. Я имею хороший жизненный диплом, значит и мои дети, будут куда лучше меня.

– Будьте совершенны, как Отец ваш совершен – так гласит Священное писание.

– Может быть. Я не читала. – заявила Мари.

“Не познала книгу книг, и считает себя образованной, какая выдумщица, и вертихвостка” – подумала Рита и мысленно усмехнулась – “Или не хочет сознаться в том, дабы не выглядеть религиозной, ведь это сейчас так немодно”.

– Ты права, современные люди плохо оценивают свои силы. Точно также неуместно располагать крохотным желудком и набивать его съестным до боли и тошноты. Нужно чувствовать уместность, испытывать уместно чувство любви. Только тогда возможно рождение ребенка, чтобы затем перейти ему в объятия нежной матери. Но ты, Мари, всё же, слишком сурово осуждаешь матерей, а что если у них нет средств на жизнь, нет мужа, или она недееспособна, что прикажешь ей делать, для такого созданы казенные дома. Женщине трудно устроиться на работу, тем более с новорожденным ребенком на руках, без поддержки легко отчаяться. – говорила Рита.

– Сильная женщина всегда найдет выход, ведь можно попросить помощь у государства, или отыскать достойного му-

жа, нужно стучаться в двери, а не оставлять пред решетчатыми преградами всевозможных подкидышей. Вспомни рассказ Лютера, о плаче под колесом кареты, это, по-твоему, также необходимость? Это благородно? – строго произнесла баронесса.

– Посмотри на меня, Мари. Разве я в таком состоянии могу бороться за свое счастье, нет, ты сейчас говорила о здоровых женщинах, а изможденным слугам своей судьбы не нужны лишние трудности. А насчет Аспида. Это лишено всякого человеколюбия. Это чудовищно. – укоризненно произнесла сестра. – Однако и этому есть оправдание.

– Да неужели. – усмехнулась баронесса.

А Рита, невзирая на ее утомительные укоры, продолжила защищать матерей, ведь в эти часы та испытывала некую обоюдную связь, ощущала тяжесть бремени женской доли, сострадала их страданиям, ибо самолично недавно прониклась той неповторимой глубиной переживаний. Она начала объяснять так.

– Мать Аспида, насколько бы она не была беспутной, она знала, что это карета богатого человека, судя по гербу, и знала, что сей коляска определенно понесется в почтенный дом, предполагала что барон, скорее всего, сжалится над ребенком, примкнет новорожденного в свои слуги, отдав нянькам, каких проживает на усадьбе превеликое множество. Ваши кухарки сплошь незамужние особы, потому с надуманным неистраченным чувством материнства, не отка-

жуются кормить подкидыша и всячески поощрять его своим вниманием. В общем, она поступила мудро, сделала всё возможное, чтобы ее сын рос в благополучии.

– А мне кажется, она просто-напросто хотела лишить Аспида жизни, причем таким жестоким образом. И все обвинения впоследствии пали бы на Лютера. Невинный понес бы незаслуженное наказание.

– Это уже в прошлом. – отмахнулась Рита. – Всё обошлось. И если его мать явится к вам, то не препятствуйте ее чувствам, прошу, ради меня. Не делайте сердце мальчика еще более холодным, чем оно есть. Ведь каждый рожден для радости, продолжительной или мимолетной. – на этих словах сестра баронессы явно подустала и притомилась, подобно спящим деткам возле нее, смежая веки она попрощалась с Мари желая доброго дня. Та в свою очередь последовала примеру мужа, удалилась в свои покои с поспешностью утоленной дикой серны.

Аспиду было трудно пошевелиться, туго скрученный пеленами он лежал в кроватке и непрерывно размышлял. Вспоминал и анализировал лица, увиденные им, прокручивал то быстро, то медленно услышанные диалоги, внутренние монологи, явленные в человеческих очах. Пытался проникнуть глубже в их души, которые излучали потаенные откровенные чувствования. Оказывается приятные люди, приятно пахнущие, много говорят о материнстве. Но что такое

мама? – спрашивал младенец. – Неужели я был некогда частью тела женщины, затем я родился, увидел свет, но, увы, это не то свечение, которое я видел на Небесах. Я помню, как очнулся эфирным духом, бестелесного меня сотворил Творец, дабы вскоре я обрел плоть. Но для чего? Почему бы не быть духом. – всё никак не мог осознать человек в люльке. Над ним висят погремушки, но он еще не способен до них дотянуться. Лишив Аспида движений, взрослые люди обрекли его на продолжительные изнурительные размышления. И поэтому всеми мыслительными импульсами изучающей души малыш постигал сакральные пространства вселенной заложенной в нем Творцом, и необъятную Вселенную вокруг себя.

Его пугала мысль – а что если я навсегда останусь таким маленьким и беззащитным, и не смогу пересечь те решетки. Для чего я родился и где моя мама? Я помню ее аромат, цветочное благовоние кожи и свежесть волос, я помню, как она взглянула на меня, радостно и в то же время испугано. Но здесь меня ласкают чужие женские ладони и грубые мужские осматривают меня, крутя до тошноты. Но руки мамы более не прикоснуться ко мне. Улетучился куда-то ее душистый запах, неслышно ее томное дыхание, я так долго слышал, как бьется ее сердце, я был рядом с ее сердцем, иногда мне казалось, что я могу протянуть свою ручку и коснуться мамино сердечка, прижаться губами, но сейчас я потерял то единение плоти, теперь я один. Ее нет рядом. Ее рядом

нет. Я некогда душой прибывал в таинственном едином соитье двух клеточек, зигота, то было мое тело, я рос и размышлял о Боге, о Рае, думал о том, как сложится моя земная жизнь. И вот из малой клеточки я возрос. Вскоре во мне начали просыпаться другие ощущения. Помимо разума, я чувствовал ее, я в ней, а она во мне, она питает меня, а я воздействую на нее, мама жива, значит, жив и я, мама радуется, и я радуюсь вместе с нею. Я ее никогда не видел. Интересно, какая она? Должно быть, она очень красивая. Я помню, как ладонь папы ложилась на животик мамы, и я ощущал тепло исходящее от его любящей руки. Сердечко мамы в те мгновения билось сильнее. И мы втроем блаженствовали в единстве любви. Папа. Зачавший мое тело, какой он? Как странно. Я недавно созерцал Творца во всем величии Его, сонмы Ангелов парили надо мной и сонмы новых душ в свете невинности радостно прибывали. И мне было достаточно всего этого. И даже больше. Но вот я здесь. Я обрел тело, но я ничего не знаю о мире, как мне жить, и кто мои родители? Неужели я забуду Бога, забуду Рай и Ангелов, неужели я больше люблю этот мир более Небесного царства? Поэтому я попросил у Творца вечную память, пожелал помнить всё и ничего не забывать. Память, это всё что у меня есть.

Защитная черствость барона показалась Аспиду чересчур напыщенной, все его страсти были налицо, нескрываемые они с прямолинейностью отражали беспокойную душу сего богатого человека. Его супруга виделась во всех отношени-

ях фальшивой, наигранной, не ставшая актрисой, как мечтала с молодости, ныне она повсеместно играет небольшие сценки из буржуазных пьес, следуя эпитетам жизненного закономерного сценария. Сестра баронессы выделась обычной леди, весьма наивной, но умной, которая живет лишь благодаря покровительству достопочтенной родственной семьи, без той опеки она явственно негодна. И последнее важное лицо, встреченное на его кратком жизненном пути это Эстебан, лакей с ленивым желанием стать камердинером, однако его восточное происхождение, особенности во внешности не позволяют ему достигнуть аристократической бледности, для этого ему необходимо потерять себя. В общих чертах тот очень даже думающий занятный человек, переживания и метания чувств выдают в нем многообразность незапятнанной рассудительности, многогранность натуры, сложность восприятия изменчивой действительности, однако он избрал послушание, посему не решается противостоять укорам власть имущих.

Вот небольшой перечень персонажей явленных в жизни Аспида за двадцать четыре часа. Он предвкушал новые события, новые лица, новые объекты для познания, ему хотелось разобраться в каждой душе, дабы постичь свою собственную душу.

Однако среди прочих ему повстречалась еще одна душа, знакомая ему по Раю, та ангельская девочка по имени Хлоя, родившаяся в тот же день что и он, она знакома ему, в ее

глазках осталось теплящееся прошлое блаженство. Интересно помнит ли девочка их встречу – спрашивал себя Аспид и не находил ответа. Он не мог прочесть Хлою, эта книга пред ним пока что не раскрывалась. Как впрочем, и другие вопросы для Аспида оставались сокрытыми.

История третья. О василиске

И взором единым василиск обращал людей в статуи живые, не мертвые, но спящие.

Чем более человек навешивает на себя ярлыков и штампов, тем проще им управлять.

Однажды в мир явилась война в образе властителя разрешающего грех и насилие. И вы совершающие беззакония поклонитесь ему? Или же нет? Он отворит для вас вседозволенье страстей, развеет мораль ветром цинизма, оправдает неоправданное, разрешит неразрешимое и разделит нераздельное. И вы грешники возрадуетесь ему как освободителю, но заключит он дух ваш глубоко в темницу телес блудливых, поставит на ваших челах печать безумия и слабоумия, явит малодушие и черствость сердечную. И подобно неприкаянным камням царства своего, подсчитывает каждый кирпич, закалённый в адовом пламени. Вы жаждете явление его, но явится вам падение его.

Дергая ниточки марионеток, он станет повелевать поступками, речами и даже мыслями. Но прежде ему необходимо осмыслить те видимые и невидимые грани бытия земного человеческого, дабы познать, по какой причине он цепляет-

ся за жизнь.

И Аспид, имея обширное свободное время, много размышлял, ему четко виделись те подвешенные ниточки, держащие живых кукол, посему вскоре он избрал быть никем в этом мире, дабы индивидуалистично завладеть столь слабыми душами. Они будут считать его маловерным ничтожеством, пока он будет невидимым, незримым зрячим кукловодом. Вот, например, сейчас, стоит ему заплакать, как тут же сразу прибегает услужливая служанка, начинает ухаживать за ним, кормить, менять пеленки или убаюкивать его. Эту наивную девушку можно таким легким способом довести до изнеможения, призывая ее к службе каждые полчаса. Конечно, она вскоре привыкнет к такому распорядку, но стоит убыстрить тот временной цикл, как мгновенно произойдет сбой в ее нервной системе. Однако Аспиду не были интересны люди служивые, поверенные, владеть выгоднее зрелыми состоявшимися умами, заглохшими в скупости и глупости, но с обширными возможностями и привилегиями.

Он ощущал, как тело его растет ежедневно. Отныне он лежал открытым от плещаницы, и обуреваемый отчаянием спешил отыскать маму, но ее нигде не было, ее запах навсегда покинул его младенческие легкие.

Он воображал, будто это его навеянные чувства, однако читая душу Хлои, Аспид принимал ее чувствования в себя, так чужие воспоминания смешивались со своими собствен-

ными памятованиями. Он явственно помнил Небеса, зарождение его души. Но родители, были ли они на самом деле, чью мать он зовет, и был ли он рожден? Младенца мучили разрозненные думы. Его глаза начали наливаться светлой небесной лазурью, словно слезы смыли с радужек всю черноту и карие тусклые оттенки. Многие несообразные раздумья откладывал на потом, слишком мал он еще, слишком узок тот мирок, что окружает со всех сторон. Он слышал свое имя, оказывается, его называют – Аспидом. Жаль, со временем, его перестали так величать.

Однажды, месяцы спустя, сын барона Олаф забежал в комнату Риты, подошел к кроватке, заглянул внутрь и протянул руку, дабы прикоснуться к странному ребенку, оттого угодил пальцем прямо в рот Аспиду. И тот, проснувшись, сделал движение челюстью и захлопнул ловушку с редкими первыми молочными зубками, которые вот-вот начали прорезываться, отчего вся кроватка была изрядно искусана. Олаф от неожиданности закричал от боли, яростно выволил палец, тем самым поцарапав небо малышу, и, безусловно, побежал жаловаться родителям. Аспид ощутил во рту незнакомый необычный вкус, несколько капель показались ему крайне невкусными. Вскоре явилось раздосадованное семейство во главе с бароном. Хозяин усадьбы долго ругался, со всей упорностью не различая вины сына в произошедшем, а Аспид, невинный ребенок, всё понимал, но не мог ответить.

– Я уж было начал придумывать другое имя этому злодею, а он неблагодарное создание, подобно змее укусил моего Олафа, и тот лежит теперь в горячке. – не на шутку вскипел барон. – Василиск ядовитый, вот кто он, нет больше у меня сомнений. Аспид. И точка! – крича, ерепенился барон.

Как вам будет угодно – мысленно ответил ему обвиненный младенец.

Олаф, минуя недомогания и слезы, вскоре выздоровел, однако доктора сетовали о смертельном заражении крови, но яд благополучно растворился в теле мальчика и не изнурял более плоть повышенной температурой и головокружительной тошнотой. Больше наследник не посещал покои змея-отравителя. Как впрочем, и остальные отпрыски Дон-Эскью отказались от губительного общества Аспида.

Аспид не ведал, как он выглядит, должно быть он сильно отличается от остальных, раз к нему так пренебрежительно относятся. А может, он точная копия малышки Хлои, которую порою укладывают рядом с ним. Девочка часто спала и Аспидом, поворачиваясь на бок, отчего он долгое время смотрел на чудесное создание, как умиротворенно спокоен ее сон, как невинны ее помыслы. Вскоре повзрослев, она уже не вспомнит о Небесах, о Небесной кузнице душ, о рождении, о своем детстве, о той боли, чудовищной боли явления в сей мир, а он будет помнить всё, всю жизнь, все подробности тех немислимых страданий. Испытав муки рождения ему уже нестрашны другие раны, потеря мате-

ри велика, поэтому иные лишения видятся ему несерьезными, и покуда другие суетятся, рисуют солнышки и радугу, он будет изучать человеческие души, подобно зрячему кроту будет рыть их глубины, подобно Ангелу будет возноситься ввысь, дабы покровительствовать над людьми. Может быть, только он из ныне живущих людей на земле воочию помнит Творца и Царство Его. Значит, он уникален, он послан править и властвовать над людьми – от этих мыслей Аспиду становилось действительно страшно, даже миленькое личико Хлои не успокаивало тот зной всепоглощающей гордыни. Все эти люди слепы – думал он – Так легко стать пастырем, как же легко вести их, по тому пути, который я укажу им.

С днем за днем в младенце созревают черные одурманивающие побуждения, но никто не смеет прервать его глубокомысленные суждения.

Он помнил, как другие души склонялись над водами Леты, упивались ее сладким нектаром. И всякая память потухала в них, покуда не испарялась влага реки забвения на их эфирных устах, они сохраняли чувства, но затем словно чистые белые листы бумаги, готовые к написанию, уходили туда, где их ждут или вовсе не ожидают, дабы проблесками воспоминаний о добре, жили, любили. День смерти для них, станет днем рождения, ибо возвратятся они обратно в первородные пристанища духов. Но Аспид, зачерпнув ладонью прозрачную воду, не смог сохранить хотя бы каплю в той духовной чаше своих дланей, влага пространством образом про-

сачивалась сквозь фаланги его пальцев, и истекала обратно в реку. Затем вспышка яркого света озарила его, и вот он уже заключен в крохотной клеточке, в оплодотворенной яйцеклетке. Некогда он находился в вечной безграничности мира, но будучи в таком малом теле он по-прежнему всё помнит, ничто не ускользнуло из его памяти. Или то была память Хлои, которая нисколько не противилась проникновению в ее прекрасную чистую душу, и Аспид жадно вкушал ту амброзию ее девственных помыслов.

Любовь матери не коснулась его, как впрочем, и забота отца. Отчего его врожденно хладное сердце еще более охладевало, и только Хлоя пробуждала в нем человеческие чувства. Незвестных родителей он не винил, более не искал мигающими глазками по комнате их незримое присутствие. В этом мире он один, совершенно один. Ведь он – никто.

Однако окружающие были иного мнения, ощущая в Аспиде некую потустороннюю угрозу, словно тот обладает тем, чего нет у них, дар его не от мира сего, а они привыкли верить земле под ногами и всему что на ней растет. Их шеи затекли, их спины изогнулись, а Аспид взирал на людей сверху вниз, а тем страстно хочется взглянуть на неведомую птицу, но каждое поднятие глаз от земли дается с болью, с превеликим преодолением. Посему сей чадо всячески интриговали, задирали, провоцировали, проверяя на уступчивость и внутреннюю силу стержня, часто словом, реже деяниями.

К следующему возрасту, Аспид подробно ведал обо всех

слабых и сильных сторонах обитателей усадьбы.

Терновый куст сплетался возле них, наострив ядовитые шипы, алел розовыми цветами молодости, а они не замечали, как плетет он им терновые венки, кои возложит на чело каждого, кто осмелится противостоять его величью, его непреложной уникальности. Но Аспид был юн, и не понимал что тот венец, та корона уготована ему самому, люди изуечат его главу, но мыслью его, им не завладеть, им не завладеть его душой, от того они столь жестоки и злы, столь слабы. Аспид сменил кожу, сбросил старую, дабы облечься в новую змеиную ипостась. Но это уже иная история.

История четвертая. О забытом отроке и о безумном величье

Неприкрытая отчужденность, протестное восприятие действительности, самомнение и дерзновенное самолюбие, возвеличивание над прочими, с большим укоренением преобладали над разумом и сердцем мальчика. Беспринципность, бескорыстность и безупречность, вот три неизменных статуса его идеологии. Будучи невинным ребенком, Аспид прекрасно прозревал несовершенства людские. Его не интересовали игры, причуды и шалости молодости, иные формы бытности завладели времяпровождением юного мыслителя. Аспид чувствовал себя созданием вневременным и непространственным, вне тленных ценностей и вне суетливости. Он жил одними лишь глубинными разумениями и помыслы те носили странный, порою пугающий характер. Взрослые не замечали в нем особые оттенки гениальности, всплески одаренности, вовсе наоборот, его всегдашняя замкнутость являла сравнительное отношение с глупостью, дурновкусием, по сему мальчика не трогали, не штурмовали его непреступное королевство одинокой души. Так поступают дети, когда кто-то не соглашается играть с ними, они просто-напросто перестают контактировать с тем недотрогой, дабы тот, познав

вкус уединения, вскоре самолично начал молить о дружбе, но Аспид не поддавался на простецкие уловки. И он сохранял непогрешимость, непоколебимость дум, тщательно наблюдая из укромной засады своих светлеющих глаз, и никто не мог прочесть его душу по зеркалу очей, они ничего не выражали.

Вскоре змей выглянул из своей норки, ведь подвернулся удачный случай высказаться во всеуслышание, явить свое могущество в полной нестерпимой мере. Раздвоенным язычком Аспид изучал окружение, дабы подобно королю взойти на уготованный ему судьбой величественный трон.

Барон Дон-Эскью потерял всякий досужий интерес к незначительной маловажной персоне подкидыша, ибо не снискал заслуженные завещания с усыновлением сего бездомного ребенка. Бумаги нотариусу со всей расторопностью и воскресшим уважением были подданы, и тот с долей умиленного сарказма принял документы, однако мечтательное расширение угодий не последовало. Дело не разрешилось. Сильно обидев юриста, барон навлек на себя немилость праведного гнева юриспруденции и бюрократии во всем своем ленивом несравненном амплуа, в изуверских личинах многих чинов и званий. Барон ожидал. Посему шли годы, он по-прежнему ожидал, убыток на кормление Аспида был велик, но выгоды ни гроша. Сильно разочаровался тогда хозяин усадьбы Терновый куст, да так гневно начал обращаться с подрастающим мальчиком, что те выплески недоброже-

лательности вскоре переросли в постепенное изгнание. Первым явился выгон из спален, затем из гостиной, из семейного общества, потом и вовсе тот определил Аспида в услужливый штат прислуги. Безусловно, юнец был непригоден для конюшни, кухни или огорода, сада и кладовых, с его снежными белыми ручками и белой меланхолией – вездесущей спутницей его настроения, отпрыску кареты некуда было податься. Но мир не без добрых людей, в толпе безучастных слуг отыскался Эстебан, вездесуще ощущающий непростительную вину пред Аспидом, он-то и помог мальчику не сгнить в беспутных скитаниях.

К тем летам мальчик уже многое познал, возмужал ростом, хотя неизменно имел худощавое неприглядное телосложение, практически бесформенное, светлые глаза его выражали безвозвратное мудрование, и люди доверяли тем неверным голубым огонькам. Его темно-русые волосы отросли ниже плеч, однако никто не желал терпеть такое безобразие, поэтому его часто принуждали постригаться, но он сторонился сего акта вандализма над естественною красотою, ведь Творец повелел власам расти из главы человека, значит так положено, это есть прекрасно. Но общество по неизвестной ему причине решило поспорить с Богом, поэтому Олаф сейчас красуется укороченными кудрями, гладко уложенными патлами, будто шерсть у недостриженной овцы. Аспид несколько не желал походить внешне или внутренне на стереотипного юного мужлана Олафа с присущей

тому мнимой болтливо-смешливой мужественностью располагающей к себе дам различного возраста и ранга. В отличие от наследника, Аспид имел небольшой нос и вечно узкие поджатые губы Аспида не выражали горячительный темперамент страсти и не выказывали некую особенность в его внешности. Аскеза черт его лица лишь подчеркивала сухость восприятия реальности, или наоборот излишняя импульсивность скрывалась под рясой бедности чувств, под маской охлаждения. Ведь пылкость нрава не есть упорядоченные или беспорядочные взмахи рук, громоподобные речи, скорее ровно противоположное, обыденность украшенная искрой в очах и вдохновенным порывом в сердце, который в мальчишке существовал отдельно от него самого. Передвигался Аспид всегда бесшумно, подобно змее скользил по голому твердому паркету, по мягким коврам, не оставляя видимым следов, его запах не был ощутим, он проползал тенью из комнаты в комнату застукивая домочадцев в непринужденной обстановке, или за каким-нибудь прескверным занятием. Минуя правила, он не покидал свое бывшее место обиталища, словно оно согрето его теплом, это его собственный дом. Когда другие дети наливались свежим румянцем, политые и одобренные родительским вниманием, щедро, деловито, с умыслом, Аспид всё более обретал одинокое хладнокровие, душевно худел, сторонясь чужих слов и прикосновений, даже чужие мысли стали ему слишком хорошо известны, чтобы думать о них. Он всматривался в людские несрав-

ненные уникальные как жемчуг души, но не находил в них любовь к нему, все тайно или откровенно презирали подкidyша за его наглость и нелюдимость, Аспид виделся им чем-то чужеродным, чуждым здравому смыслу. И чем более змeныш возрастал, тем явственнее птицы находили в нем отличительные черты, у них даже стали возникать сомнения, а тот ли он, за кого себя выдает.

Вскоре его навсегда выгнали с поваренных пределов кухни, главному коку не понравилось, что Аспид уж чересчур много питается за счет хозяйских ограниченных запасов, при этом, не принося ощутимой пользы. Поэтому служение мальчика определилось окончательно и бесповоротно, в скором времени его определили на конюшню чистить стойла. Словно обремененный подвигом Геркулес он чистил лошадей, кормил их, и спал рядом в кладовой доверху набитой жесткой соломой. Аспид хотя и рос в богатой семье, свикнуться с достатком и роскошью принципиально не успел, посему однажды, потеряв все приличествующие привилегии, он не роптал на зловредную судьбу, а переносил лишения стойко. Вот только в душе его, в полумраке конюшни родились темные опасливые стороны.

Однажды Эстебан, рано поседевший конюх и постоянно жалующийся на холод, отругал Аспида за вредоносность. Потому что многие лошади начали заболеть, совсем ослабли, якобы сразу после вечернего кормления животных. Барон, безусловно, заявил выведенную логикой закономер-

ность, разве змей может ухаживать за лошадьми, это невозможно, это закон природы – говорил хозяин усадьбы. И Эстебан отныне более не подпускал Аспида к стойлам, однако место ночлежки за мальчиком всё же сохранилось.

Аспид лежал на колкой соломе и несносно злился, холодная ярость словно магма жгла его жилы, по его венам будто тек расплавленный свинец, и он не найдя достойного выхода гневу, предался скоропалительным в выводах думам. Тогда-то он и совершил открытие главных теорий о жизни и о смерти.

Идейная первейшая эмпирия гласила так – меня никто не любит, меня никто не может полюбить, так пускай тогда меня ненавидят. Отныне он проявит себя полноценно, высвободит собственное многогранное Я и подчинит своей сильной воле этих жалких слабых людей, которые позабыли свое божественное происхождение, позабыли, что они венец творения, о как они ослабли, предавшись современному цинизму. Они все склонятся перед Аспидом, будут ненавидеть, проклинать, бояться меня, но стоит мне высвободить из уст своих одно лишь слово и каждый последует повелению того всесильного звука. Трепеща и ликуя, они будут делать всё, что я пожелаю. Я укажу на их раны и шрамы в духовности преданной забвению, спохватившись приличием и стыдом, они засмущаются, будут возмущаться, падая ниц с раскаянием. Я исцелю людей, ужалив их, ядом я растворю яд – таким горделивым образом размышлял Аспид, приступая ко

второй части невозможных дум.

Второй жизненный тезис был продемонстрирован на публике. И те внимали его всесильным глаголам, как внимают юродивым, ибо по обыкновению пространны их слова, но правдивы. Посему Аспид незамедлительно явился в гостиную, где по привычке собиралось семейство в полном непрекаемом составе: барон с сыном Олафом с неподдельным энтузиазмом играли в нарды, старшая дочь играла с младшей в куклы, а баронесса наблюдала за их капризами. Помимо перечисленных в сей обширной комнате людей, здесь также удобно расположились сестра баронессы и ее дочь Хлоя, которая в некоторых чертах походила на Аспида, та азартно демонстрировала маме причудливые фокусы.

В просторной гостиной светло, за окном томно сгустились вечерние сумерки. Всё обыденно, определено, неповторимо. Аспид бесшумно зашел в сей обитель семейного уюта завернутого в клубы спокойного счастья. Он незаметно вторгся в идиллическую гармонию, начав пускать круги по поверхности утопического водоема, дабы взбаламутить те воды, либо чтобы поднять волну и очистить впадины сталактитов и темные пещеры их остроконечных душ. Аспид встал посередине ковра, таким образом, чтобы все окружающие отлично видели его и непременно слышали. Однако никто не приметил его появление, словно тень мелькнула, стоит ли обращать на нее излишнее внимание. Только барон самим нутром учуял нечто неладное, покосился одним пытливым

глазом и надменно изрек.

– Проваливай отсюда, змей, сейчас не до тебя.

Аспид манерно сложил руки за спину, словно деликатно пряча шпагу, дабы показаться противнику беззащитным, открытым. Стоит упомянуть, что мальчик надел самые дорогие одежды, какие он отыскал на чердаке, в узле устаревших нарядов Олафа, тем самым он приобрел статность, дабы соответствовать атмосфере богатства, чтобы не привлекать их взор своим неопрятным внешним видом, а будоражить их умы своими знаниями. Его тесно прижатые ноги по обыкновению были сложены прямолинейно, убрав длинные пряди волос за уши, чтобы не мешали, Аспид начал уверенно излагать свою величество мысль.

– Дамы и господа, смею вас заверить – последующее действие станется куда более занятным, чем ваши бесполезные занятия. Ведь вы все куклы, с которыми мне посчастливилось поиграть. – он обвел присутствующих пронизательным взглядом. – Вас не существует. Всё что меня окружает, создано ради моей потребности, для моих мудрейших воззрений и величайших деяний. Во Вселенной живут только я и Творец, все остальное ни больше, ни меньше, декорация, вы все движетесь по определенной программе, вы все сотворены ради меня одного. Вы встречаетесь на моем жизненном пути намеренно, судьбоносно, все глобальные катастрофы происходят ради моего сочувствия, ваши боли ради моего сострадания, ваша ненависть ради моего закаливания. Вы играете

роли, написанные в сценарии, и я смотрю на вас как на актеров, зная, что на самом деле вас нет. А есть только я. Вы призваны мне в служенье и потому вы подчинитесь моей воле. Однако вы станете отрицать мои воззрения, что весьма предсказуемо, ведь не желаете быть раскрытыми. – в речи Аспида не было эгоизма, как впрочем и гордыни, он просто заблуждался ведомый беспочвенными чарами отчаяния. – Я помню свое рождение, свое раннее детство, помню каждое ваше слово, поэтому прекрасно изучил всех вас. Творец создал Адама, первого человека. Внемлите же мне, ибо я и есть первый и последний. Но вы зовете меня Аспидом. Может быть вы и правы, ведь змей был сотворен прежде человека. Какие боязливые у вас лица, и это прекрасно трогает меня.

– Аспид, твои речи безумны, более горделивого эгоцентризма я еще не встречала. – выпалила баронесса, а барон тем временем багровел от гнева.

– Погодите. – заявил снисходительно барон Дон-Эскью. – Пускай глаголет лживую истину, пускай льет яд нам в уши. Этот заносчивый юнец, просто не понимает всей своей низости. Вот, к примеру, он говорит, что нас не существует, а живет только он один. Что ж, будь, по-твоему. И это мне крайне по душе, раз меня нет, значит, я могу творить любые бесчинства, и мне за это ничего не будет. Как заманчиво звучит, не правда ли? – тут с усмешкою обратился он непосредственно к самолюбивому оратору. – Отлично. А что если я тебя единственного живущего на земле, царя царей, выпровожу

на улицу, накрепко заперев ворота пред твоим утонченным носом цезаря, и ты пресыщенный уютом и хлебом с маслом, куда пойдешь? Никуда. Я увижу, как ты ляжешь возле моего порога и издохнешь по образу и подобию дворового пса, испустишь свой благороднейший дух перед воротами земного рая, из которого тебя с позором изгнали. Выгнали такого великого мыслителя, такого гения мысли. – тут он указал жилистым пальцем на высокомерного юнца. – Ты всего лишь червородный змей, им и останешься на веки вечные.

На лице Аспида не дрогнул ни один мускул, ни один нерв не содрогнулся, ни разу не моргнув, он гордо парировал вербальные выпады барона. Остальные затаились выжидая развязку сего сумасшествия, того помутнения юного разума, разрешение щекотливой невозможной ситуации.

– Вы сохранили мне жизнь для своей сребролюбивой доли, ради увеличения земель и доходов изымаемых с них. Я слышал ваши неустанные меркантильные разговоры, вы несколько не стеснялись моего присутствия, ведь я казался вам маленьким и несмышленным. Вы угрожаете мне, грозите изгнанием, о как это забавно звучит. Ведь я единственный ваш козырь к богатству и процветанию, выигрыш партии зависит от одной карты с изображением змеи. Посему вы не посмеете выгнать меня или ударить, а оказаться на улице я несколько не страшусь, ведь этот мир создан для меня, значит, он не в силах навредить мне. И помимо прочего я кажусь вам безумным, что вполне обосновано, ибо вам, уважа-

емый барон, уготовано хранить тайну моей жизни, и вашей скрытной, порою невидимой услужливости. – ответил Аспид и воскликнул. – Я воистину безумец!

– И видимо глупец. – неуместно добавил барон. – Нотариус заморозил дело, что означает твою полнейшую бесполезность, тогда какой толк от твоих жалких слов. Попусту ищешь оправдание своей ничтожности.

– Тогда отвезите меня к судейскому мужу, и он вскоре поменяет свою точку зрения. Ибо юрист ненавидит вас, а не меня. Поведав ему о своей горькой судьбе, я вызову тем самым умильное сопереживание на его остроконечном лице, и заполучу любой оптимистичный вердикт. – пообещал Аспид.

Барон удивленно поднял расширенные глаза на подкидыша, оторвавшись, наконец, от игры в нарды, был поражен тому, как все лихо деморализовались, словно под иллюзорным воздействием гипноза удава внимают монотонности Аспида, следят за сверканием кусочков льда в его голубых очах. Подобно хищнику он обхватывал властным взором всех присутствующих, готовый пожрать жертв одним молниеносным рывком, удушить лишь одним кончиком заостренного хвоста.

Тем временем Лютер Дон-Эскью усомнился в правомерности своего гневливого состояния, и сошел на прозорливую милость.

– Будь, по-твоему. Сможешь уговорить горе юриста, раз-

решить спор слуги закона и честного коммерсанта, то честь тебе и хвала, а если не удастся тебе обаять судебную систему, то пеняй на себя, окажешься в зловонных трущобах.

Все одобрительно покивали головами. Аспид почувствовал теплое удовлетворение, его план удался, впрочем, в успехе он несколько не сомневался. Однако Хлоя внезапно обратилась к дерзкому мальчику. Худенькая девочка в каштановом платье, с бледной викторианской кожей, темными волосами, милovidными резкими чертами лица, со всей этой совокупностью обаятельности направила всю себя в героическую сторону Аспида. Но, не имея пока что пленительной женственности, несколько не покорила его, а лишь возбудила интерес к уже вкрадчиво оконченной беседе.

– Аспид, тебе известно, что такое гордыня? – поинтересовалась девочка, но, не дождавшись его ответа, продолжила. – Это когда человек причисляет Божье Провидение своим рукам, голосу или помыслу. Когда человек величает себя богом, а все языческие боги сие суть демоны. Неужели и ты демон? Или ты настолько проникся божественным замыслом, что личное отношение с Творцом, перенес на весь мир. Раз ты вынужден обращаться к Нему своей душой, значит в размерах Вселенной, только ты один имеешь жизнь, значение, предназначение, в то время как все остальные кажутся тебе примитивными, неясными образами далекого мрачного космоса. Так, ты думаешь? Как же сильно ты заблуждаешься. А если ты лишишься зрения, то, что тогда? Неужели за-

явишь себе о не существовании окружающего мира, якобы и декораций также нет, скажешь – есть только мрак. А может, только тебя нет, Аспид. Тебя не существует, а есть только мы. – с заботливой нежностью вразумления влияла на Аспида невинная Хлоя.

И тот для вида немного поразмыслив, ответил.

– А может, всё-таки, существенен только Творец. – он улыбнулся и повел головой. – Какое это имеет значение, есть ли всё это или нет. Изменить, сокрушить, освободить – вот для чего я призван.

– Чудовищно высокомерно. – возмутилась Мари.

– Ты не ответил на мой вопрос. Вседозволенность разрешена мне, несуществующему, или нет? – насмешливо спросил барон.

– Безусловно, вы свободны, но эта свобода закономерна. Любой ваш поступок упорядочен мне во благо. – говорил Аспид. – Болезни и смерть постигают вас и декорации, дислокации сменяют друг друга, но я бессмертен, ничто и никто не навредит мне, покуда я исполняю свое вышнее предназначение, покуда не исполню уготованный мне акт божественного творения.

– А если ты вдруг смертельно заболеешь, тогда твои слова станут ненужным прахом. – прозорливо сказала Хлоя.

Аспид ощутил небольшой моральный натиск, ибо противником много, они безудержно желают свергнуть его, покорить протестами.

– Вы все хотите помешать мне завладеть миром. – мальчик в который раз обвел семейство хладным взглядом. – Ненавидьте меня, презирайте, пусть вас охватит инквизиторский гнев, в вас вспыхнут безудержные страсти, и вы начнете поступать наперекор моим словам. Однако я уже посадил немало семян в души ваши, и однажды взойдут те всходы, тогда-то вы и познаете мою душу гения. Отныне я не потерплю издевательства в свой многозначительный адрес.

– И последнее. – высказалась девочка. – Раз нас нет, для чего тогда ты разговариваешь с нами?

Аспид не ответил, пока его мыслительные силы были слабы в сравнение с натиском несогласной толпы. Но откуда Хлоя знает пробелы в его теориях. Откуда она почерпнула столько терминов и сравнений? – спрашивал он у себя. И не находил ответы, поэтому сдержанно поклонившись слушателям, удалился во вторую гостиную. Где он уже уединенно встал возле блеклого окна, внезапно ощутив поступающую наплывами духовную боль, но нисколько не сомневался в своих дерзновенных суждениях. Душевные муки, оказывается, равнозначны мукам сердца. Ему жалостливо было осознавать то, что он еще не в полной самостоятельной мере искусно владеет способностью выражать свои безумные взгляды на жизнь. Прогрессируя эмоциями и самовосхвалениями, он сильно скорбел по поводу поражения. Хлоя на удивление оказалась сильной соперницей. “Может и вправду, я не существую, а они все есть, живут, радуются жизни, а я завидую

им, потому подобно злomu духу, подобно змею на запретном древе, желаю нарушить их блаженство. Я буду пристально наблюдать за тобой, девочка, я обязательно, рано или поздно сломаю твою душу, изучу, и покорю. Ты больше не будешь перечить мне, а будешь благоговеть предо мною, стоять на коленях прося о снисхождении. Или я склонюсь пред фатумом, который тяготеет надо мною, как и над всеми вами” – думал Аспид, всё более омрачая свою мятежную душу дурными помыслами.

Иногда он воочию мудро прозревал. Иногда ему казалось будто он действительно прав, имея лишь одну мыслящую душу, ведя непрерывный молитвенный диалог с Творцом, вполне можно отстраняться от окружающего мира.

Я истинно ведаю свою душу. Тогда как другие? Разве я создал их, мне ли познать структуру их, потому каждый, находясь в самом себе, как бы акцентирует, обобщает всё мироздание в единой душе своей. И раз я венец творения, значит, всемогущ, бессмертен, раз душа моя вечна. Всё мироздание создано для человека. Но человек ли я, если мысли мои столь горделивы? Это не самолюбие, ведь я ненавижу себя. Может быть, таким страшным образом выражается моя любовь к ним... – многие мысли зарождались в душе Аспида, они противоречили ему, осуждали, бранились между собой, нештучная сцена душевных страданий пыталась его, роковой маятник с заточенным лезвием на конце качался то в одну сторону, то в другую. В эту минуту мало кто бы осме-

лил ся заглянуть в его мятежную одаренную душу, невидимо застывшую в полумраке гостиной.

История пятая. Для чего жить реальностью, когда есть воображение

Летний день сулил благотворность развлекательных занятий, игр и прогулок вдоль невысоких оград сада. Нянечка в белом чепце и темной шале, сидела на скамейке с вязанием в руках, изредка наблюдая за господскими детьми. Неподалеку от нее, на дереве сидел Аспид в густой тени ветвей, он обдумывал тщательным образом будущий диалог с юристом по поводу расширения усадьбы. Сын барона Олаф как всегда озорничал, подсовывая за шиворот своей сестре, различных неприятных на вид насекомых. А Хлоя рисовала на бумаге никому непонятные символы.

Внезапно Олаф в горячке неистовства, подбежал к кухне и показал той большого на вытянутой ладони жука, закованного в блестящие зеленоватые доспехи. Затем усмехаясь в точности подражая издевкам отца, положил насекомое на грунт, занес стопу над существом и в таком положении палача стал ожидать вердикт судьи Хлои. Аспид отвлекся от построения мыслей, чтобы понаблюдать за ними. Однако девочка была невозмутима, а Олаф, сгорая от нетерпения, сильно топнул ногой, заулыбался, предвосхищая нотки ужа-

са в лице девочки. Но она перенесла казнь жука безбоязненно, даже безразлично. Разочарованный сын барона тут же убежал, заведя на горизонте новое развлечение.

Аспид, одетый всегда в черные одежды, в любое время года, спустился с дерева и подошел к тому лобному месту, однако труп раздавленного невинного насекомого он не увидел, ни пятнышка, ни усика. Он воззрился испытующе на Хлою. Та в ответ только протянула сжатую длань, дабы вскоре медленно отворить створку, и в руке ее оказался тот самый жук, целый и невредимый. Жук подполз к краю пальчиков девочки, раскрыл спинные скорлупки, расправил почти невидимые с радужными переливами крылышки, и живой улетел навстречу живой природе.

Аспид ведал, что она увлекается фокусами, потому спросил.

– За пазухой у тебя имелся второй жук, которого ты мне только что продемонстрировала, ради восхищенья с моей стороны. Я прав?

– Нет. – без обиняков ответила девочка. – Фокус это иллюзия, а чудо это реальность. Олаф безжалостный, черствый человек, которого всегда будут почитать как сильного, смелого, яркого, хотя он желает лишь выделиться, не своей индивидуальностью или талантом, а унижением людей. Он станет типичным мужланом. Но запомни, Аспид, злых людей не бывает. И Олаф не злой, ибо он не ведает что такое любовь, не желает знать, что такое смерть. Потому так смело отнима-

ет жизнь у живых существ, причиняет боль своим сестрам.

– Так будет, если я не испробую его на прочность. Из Олафа, возможно, слепить кого угодно, даже плаксивого романтика. Это весьма легко сделать. – уверенно говорил Аспид. – Однако ты хорошо осведомлена о его душе не хуже меня, тогда скажи мне – каков я, если люди не рождаются злыми? – тут он убрал руки за спину. – И это верно, ведь Творец создает лишь совершенное творение. Я часто слышу, как люди оправдываются, говоря – идеальных людей нет, о как они глупы, как малодушны, ничтожны их суждения. Ибо мы рождаемся идеальными творениями, наши души идеальны, покуда не омрачаются сим миром. И только покорив этот мир, возможно, вернуть ту первозданное благоденствие. Но люди свыклись с пороком, словно та засохшая грязь стала им платьем, столь привычным, столь теплым, зловонным, почти родным. Вторая кожа, второе лицо, и они живут той чуждой им греховной личностью, позабыв об истинном своём пресветлом девственном лике. Так каков я на самом деле, и каков во мне смысл?

– Видимо ты злой, бессердечный, надменный манипулятор, желающий обрести ласку и любовь насильственным давлением, пагубным путем. Таким ты хочешь казаться, таким ты мог бы быть. Но ты, Аспид, на самом деле, куда страшнее. Ведь физическое подавление тебе неинтересно, оно выглядит банальным, тебе куда ближе духовное проникновение в души людские. Ты читаешь те живые книги, вырываешь

ненужные страницы, переставляешь местами целые главы, с виду ничего не меняешь, но первоначальный смысл сочинения утрачивается. Ты желаешь писать свои книги, создавать свои души, исправляя творения Божьи. Ты решил спорить с Творцом, и одно это делает тебя чудовищем.

Аспид содрогнулся по велению ее слов, девочка будто считывала его потаенные мысли и почтенные планы. Хлоя продолжила истязать его.

– Сейчас ты слишком слаб и неопытен, но я научу тебя, как владеть душой и телом человека. Но помни, что дух человека тебе неподвластен. Совершенствуя речевые навыки, упражняя нормы поведения, ты станешь великим линчевателем. И последним твоим экзаменом на величие стану я. Если ты сможешь покорить мою душу, сломать меня, то значит пришло время править тебе всем миром. Чудесами я проложу тебе тропу к костяному трону, мои пылающие десницы возложат роговидную корону на твою главу. Ты не познаешь седин старости, как склонишь царей мира сего своим холодным долготерпением.

– Кто ты? – во внутреннем ужасе за внешней маской холодности спросил Аспид.

– Я, Хлоя, твоя сводная кузина или сестра, как тебе будет угодно, но нас не связывает кровное родство, поэтому мама говорит что ты мой будущий суженый, потому что мы лежали в одной кровати с самого дня нашего рождения. – внезапно девочка обрела наивность, детскость, вновь стала под

стать своего возраста. – Или я твоя подружка, с которой ты всегда можешь поиграть.

– Как ты так быстро переменялась? – но, не услышав ответ, он дерзко воскликнул. – Мне не нужны друзья. Лишь в одиночестве человек истинно свободен и все эти игры, разговоры – пустая трата времени.

– Но если ты однажды возненавидишь себя, то кто у тебя останется. Никого. Совсем никого.

– Дурашка. Ты начиталась романов своей матушки, потому так путаешь меня и играешь в прозорливца. Но ты сама того не ведая, изрекла гениальную речь. Меня и вправду не существует, я умру, и никто не заметит моего исхода. И потому я так яростно желаю выделиться, утвердить свое существование мнимым превосходством. Память обо мне сверкнет подобно молнии сверхсветовой и вскорости погаснет. Некоторое время они еще будут говорить о моей дерзновенной выходке в гостиную, однако непродолжительна та искусственная слава. Всякий злодей обречен на забвение. Потому люди не произносят проклятые имена падших ангелов, имя Врага, те рабы гордыни не заслуживают славы и почета, даже имен, олицетворение зла безымянно. Меня денно и ночью изнуряет чувство неизбежного краха. Почему, зачем я должен взлетать так высоко? – он поник, а затем встрепенулся. – Дабы все узрели меня. Как гусеница, прячась в коконе за листком, преобразается в бабочку, и парит перед людскими очами, хвалясь убранством красок крыльев своих

несравненных.

– У тебя есть имя, оно звучит так – Алифос Влаверос, что означает “истинно вредный”. Ты хочешь быть бабочкой, но жизнь бабочки так немыслимо коротка, к тому же всегда найдутся дикари подобные Олафу, безжалостные к красоте, невидящие и не ценящие красоту. – искренно проговорила Хляя.

– А разве мне дозволен иной путь? Быть как все, я не посмею. Будучи нерожденным, но сотворённым, я уже ведал о своей исключительной уникальности, не побоюсь этого слова – избранности.

– И вот мой первый совет. – сказала девочка. – Каждый человек располагает чувствительной разумной уникальной душой, это то чем ты думаешь, чувствуешь, мечтаешь и любишь, душа неповторима, на нее наслаиваются добродетели, пороки, суетные мирские заботы, религиозные убеждения и философские заблуждения. И усмотрев, различив в человеке сию неосязаемую эфирную структуру, ты сможешь духовно заполучить ту ниточку, и руководить ею по своему желанию. Тебе придется постоянно долетать над своими жертвами и провоцировать их неустанно. Полный контроль над личностью наступит лишь тогда, когда ты познаешь корень души, неизгладимую индивидуальность собеседника. Только тогда ты овладеешь душами, кои трепетно покорятся тебе.

Хляя договорила. Аспид внимательно выслушал ее, жадно впитывая данное указание, не упуская ни слова. Тут

подбежал Олаф, нарушив их диалог, трясся в воздухе очередным членистоногим, решившись вновь продемонстрировать казнь неискушенной впечатлительной публике. А Аспид, встав в решительную стойку пианиста, перед поклоном слушателям, произнес весьма убедительную речь.

– Слыхал ли ты, Олаф, что насекомые бывают не столь безобидные, а вполне себе ядовитые. После укуса обычно распухает рука, отчего становится настолько больно, что ее приходится ампутировать. И однажды, будь уверен, ты повстречаешься с таким созданием, с тем ангелом возмездия. И кто окажется палачом, уж точно не ты. Ты сам станешь жертвой, но не безвинной. – огласил Аспид сыну барона, который еще помнил укус в палец, после коего он практически сгинул от воспалительного процесса в ране.

Пальцы Олафа разжались и кузнечик, оттолкнувшись длинными задними ножками, упрыгал обратно в густую нескошенную траву. Обвинять или тем паче обижать Аспида, Олаф не смел, слишком в том возрасте был простодушен, труслив, поэтому вскоре убежал от иллюзорных опасностей.

А странная парочка вновь сталась в умозрительном уединении.

– Грубо, неискусно, неотесанно, но умно. – заявила она. – Хотя и довольно рискованно, ведь человек с легкостью может заметить твою подставу мыслей, в особенности взрослые так легко не поверят в переворачивание ситуации. Тебе необходимо приобрести мягкость, плавность подачи речи,

как, к примеру, вид бурлящей реки, с первого взгляда она походит на воздушный ковер или на неаккуратно загрунтованное полотно. Но в ней заложена могучая сила, которая свободно движет камни, срывает деревья с корнями, упрямо раскручивает колесо мельницы, а в конце несчастного пловца встретит, простирая объятья сокращающий водопад или всепоглощающий водоворот.

– Мои истинные мысли, мои мотивы, мечтания неведомы тебе. Поэтому я самолично буду решать как поступать. – сказал он.

– Как впрочем, и тебе мои помыслы неизвестны. – иронично улыбочиво изрекла Хлоя.

Самобичевание Аспида потугами совести началось сразу, после окончания сей двуликой беседы. Девочка заронила в нем осторожные зародыши сомнения, словно призывая к более тщательному, мудрому анализу своих возможностей, навязчиво призывая к оценке ответственности изреченных или не оглашенных слов. Аспид совершил ошибку, поспешив с открытием собственного Я, толком не укрепив основы воззрений и догм существа своего. Имея немалую проницательность, Хлоя распознала неведомым чувством его пагубные наклонности, порешив сокрушить его шаткое мировоззрение. И он, охваченный сейсмической активностью души, много думал о том разговоре. Одна мысль, одно заявление не давало ему покоя. – “Она готовит меня к покорению мира, и тут же уверяет, будто меня не существует. Где об-

ман, а где, правда в твоих словах?” – и он находил ответ. – “Значит мне необходимо любыми путями всем доказать свое право на существование, право на жизнь”. Затем его измучила безумная мысль – “А что если нас всех не существует, мы чье-то воображение, все наши поступки придуманы, настолько закономерны, что мы лишены всякой свободы. Вот я сейчас думаю об этом, но на самом деле, мои мысли созданы не мной, наше сознание есть Дух, всё мироздание это Творец, и кроме Него нет больше никого, есть только Любовь” – но он отбросил эту аксиому, эту максиму за неправдоподобность. Или смирился с участью фатума над всем сущим. В конце концов, как венец творения, Аспид остановил значительный выбор на своем личном доминировании над бытием. Ибо он ведает что мыслит, в его душе возникают образы и желания, а в окружающих людях есть ли сознание – “Может быть только я один истинно мыслью, а они настолько закопали себя в мирской земле, что более не могут считаться живыми” – думал Аспид, созидавая в себе отрешенный эгоизм, ибо он возлюбил свою мысль, более чем что-либо, чем кого-либо. Ведь та мысль и есть Бог, по воле которой он живет. А у него нет ничего кроме божественного сознания, кроме той судьбы, которая сотворена неисповедимым воображением Творца.

Однако жители усадьбы жили по иному более простому закону бытия, они разделяли высший разум Бога от собственного ущербного разумения, они властвовали над свои-

ми судьбами, ибо считали себя чересчур малой песчинкой во Вселенной, чтобы быть одаренными неким неукоснительно верным предназначением. Они не желали делиться с Творцом своими порочными желаниями и грезами, пусть Он принимает их, какие они есть. Но Аспид, видя ту безнравственную слабость баронетов, не располагал милостью, но ощущал укор, благое осуждение, если такое возможно, кое в скором времени явит сим заблудшим ягнтям. Но он не пастырь, а скорее посох указующий путь.

О сколь невозможно нетленно размышлял мальчик, нырнув в бездну своей души, и над той бездной витал Дух, в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков, и свет во тьме светит, и тьма не объяла его* – такова сущность душ, такова вечность.

*(строфы из Евангелия от Иоанна)

К Хлое теперь он начал относиться скептически, осмотрительнее, тщательно избегал общения с нею, прямого контакта, и тем более покойного уединения со столь странной непредсказуемой особой. Однако у него остались теплые воспоминания о малютке лежащей рядом с ним в кроватке, тогда он наивно полагал, будто они схожи во внешности. Впоследствии оказалось, что не особо они зеркально отражены, они не близнецы. Со временем фигура, голос, черты

лица стались различны. Аспид не причислял себя к чему-либо, поэтому не рассматривал свою половую принадлежность как достоинство или выгодное везение, он знал, что он человек. Но удобнее для него было почитать себя бесполом, однако Аспид не был показным вульгарным андрогином, который любит обманывать и играть на публику, нет, он просто не заморачивался по этому поводу, ведь душа лишена пола. Душа Евы была создана из частицы души Адама, и та часть возымела собственное Я, но образ души неизменчив, у души нет гениталий, но у души есть сознание, чувства и эмоции, характер и темперамент, кои одинаковы, но различны по выплеску и переживанию в связи с индивидуальностью и уникальностью каждой отдельной души. Он был нетерпим к той половой вожденности, заносчивости, которая присуща многим.

Подолгу, на правах приемного сына барона, он любовался девочкой, ему нравились ее длинные волосы, которые он отрастил и у себя. Ему нравилось, как она аккуратно тонкими пальчиками берет тот или иной предмет, изящно, порою грациозно подтанцовывая или паря, и поэтому он пытался изгладить свою мальчишескую грубость, неряшливость, ту беспочвенную неровность, ту непоседливость. Ему нравилось, как она при наступлении дождя бежала под крышу дома, чуть выставив правую руку в сторону, ему нравилось, как она хмурилась, но больше, как улыбалась. Аспид наблюдал и примечал нарастание в Хлое некой таинственности, ему всё

труднее было предугадать ее шаги, ее решения, ее настроение. Год за годом она становилась более занятой, привлекательной для взора, пленительной для сердца.

Однако за всей этой непроницаемой миловидностью, свадебной вуалью, скрывалось нечто потустороннее, что Аспид со всею своею проникновенностью в души людские, не мог установить, что именно таится от его вездесущего третьего ока. В те молодые зимы он начинал постигать те изменчивые данности сего пространства, готовился к покорению умов ведомых тайнами Вселенной. Его более всего заботили души человеческие, то вечное творение Творца.

С раннего детства он отказался от пищи животного происхождения, ибо не желал быть палачом и соучастником казни, ибо полагал что человек, будучи в Эдеме, вкушал плоды Древа Жизни, а животные были созданы как помощники человеку, которые также питались травой, но грехопадение многое изменило в мироздании, посему следует возвращаться к тому истинному житию человеческому, стоит довольствоваться плодами древ и земли, а не укоренять грехопадение, и не убивать, ведь для чего, когда возможно насытиться плодами. Безусловно, его все осуждали, но приняв его мироощущение как за европейское этическое и эстетическое новшество гуманности, сочли за подростковый протест, свойственный современной молодежи. Со временем изгладятся те юношеские набухшие прыщики – думали они, и юноша обретет обще установленную нормальность. Но они ошиблись, ибо Ас-

пид проповедовал своею жизнью индивидуализм и не старался быть похожим на кого-либо, он желал быть единолично собой, словом, он не был любострастным человекоугодником. И множество особенностей имел он на счету, однако перечисление оных не станет скоропостижным. Индивидуализм не был его естеством, скорее защитой от постоянных угроз в отношении его нестандартной неформальной личности. Но в понимании, в обоюдном компромиссе он готов был слиться с чужой душой, и проникновение тогда преобразовывалось в филантропическое соитие. Аспид созрел подобно кактусу, его шипы возрастали, превращаясь из малых игл в острейшие спицы, коими он будет вышивать полотно своей жизни. Особенно язык его обретал пламенную подвижность судьи, и притягательную холодность нищего.

Прокурор и адвокат, подобным образом разделен всякий язык человеческий.

Вскоре барон Дон-Эскью вознамерил улучшить Аспида в клевете, в тщеславной лжи, тем самым побороть настырную надменность подкидыша, остудить его хвастливый нрав или просто по-скотски оскорбить. Хозяин усадьбы повез мальчика к нотариусу, ради разрешения бумажной волокиты, которая никак не желала распутываться, продвигаться. Барон ехидно скалил зубы, смотря из окошка кареты, шутливо проговаривая про себя – “Ну что, полезай змей туда, откуда ты вылез”. Но Аспид как полагается, без страха уместился внут-

ри экипажа, чем сильно расстроил барона.

Всю дорогу они молчали, такие разные люди, как два однопольярных магнита, лишь отталкиваются друг от друга, когда тесно соприкасаются. Взор барона сверлил пейзаж за окном, а Аспид постигал умствования крестного отца, он всегда помнил, как свершилось то таинство, молитвы священника, окунание, алтарь, главное, помнит неведомый божественный свет Творца осеняющего ныне невинного человека сподобившегося обрести спасение через покаяние. Отныне он стал причастен к церкви Христовой. Помнит, как барон долго отнекивался от новой роли быть духовным отцом сего младенца, дабы учить мудрости крестника, не придавая особого значения мнению семьи, или не желая быть осужденным в богобоязненном обществе, Лютер Дон-Эскью согласился на священный обряд. Крестной матерью стала сестра баронессы, потому что Мари отказалась от сего просветительского бремени, сославшись на скудость своей веры. Аспид родился в те туманные времена, когда люди под ярким давлением лживых научных открытий всё более сомневались во всем духовном, ведь всюду подобно тени смертной проникал материализм. Праздник Рождества отмечали не как день явления миру Сына Божия, а как детский праздник с подарками, игрушками и другими атрибутами радости, но смысл того радования терялся. В общей мировой картине понятие – смысл, утрачивалось, ученые придумывали инстинкты, подсознания, теории сотворения, теории происхождения, кото-

рые бессмысленно вселяли в людей обреченность, и люди больше не хотели жить, или отныне желали жить ложными ценностями. Тьма сгушалась, зло нарастало, словно всадники апокалипсиса проносились над миром, вот скоро должны произойти войны питаемые чумой лжи и безбожия. Так оно и свершилось. Однако барон сохранил остатки учтивости к рядовым ценностям, созидал достойное уважение к предкам.

Юрист, встретил гостей улыбкой с неподкупным видом. Завидев Аспида, он удивился, но знака не подал. Ведь перед ним легендарный подкидыш, мальчик со змеиным именем.

– Смею вам представить. – оглашал барон. – Мой приемный сын, четвертый ребенок, как я вам и обещал. Отныне вы воочию убедились в правдивости нашего финансового состояния, надеюсь, разглядели серьезность моего семейного положения. Позвольте, расширить владения, и я больше не буду докучать вам. Считите это за аристократическую непреложную клятву. – требовал Дон-Эскью нежно пожимая кисть руки стоящего перед ним нотариуса официально выраженного во фрак.

Аспиду понравилась заискивающая допотопная лесть барона, однако такие первобытные речи были пусты, бездейственны, нужно было самому вступить в диалог, что он и сотворил.

– Выйдете из кабинета, барон. – вкрадчиво изъяснил Аспид. – Мне нужно побеседовать с юристом с глазу на глаз.

Барон естественно душевно вспылил, его грудь уж было

запылала, но он услужливо выдохнул пары негодования подобно дракону, уходя, огласив – “У тебя десять минут, так что смотри не оплошай!”

Аспид, по привычке убрал руки за спину и выставив одну ногу чуть вперед, начал мерный диалог.

– Мое имя – Аспид, как вам известно, пока что я не унаследовал столь значительную громкую фамилию как у барона, всё же это недоразумение не помешало мне наслышаться о ваших спекуляциях. Вы честны, раболепно приклоняетесь перед начищенным чернильным гуталином сапогом закона, однако тут напрашивается вопрос. Кто выдумал правила, вы или власть? Не столь важно, одним словом – люди. Но с какой целью? Дабы подчинить толпу, дабы укротить непослушную толпу, либо разделить народ, или чтобы подчинить каждую личность в отдельности. Вы не даете барону земли из личной неприязни, считая его недостойным. И вы, признаюсь, мыслите верно, он жалок и желает лишь обогатиться одной данностью земель, он живет этим, он живет хвастовством перед накрахмаленными собеседниками.

Юрист, в принципе соглашался с его доводами, ибо выражал позицию молчанием, трезвенность ума подкрепляла его невозмутимость.

А Аспид продолжал нащупывать и дергать подвешенные ниточки.

– И я знаю один выигрышный ход для обеих соперничающих сторон, знаю трюк способный еще более испортить на-

строение барона.

– Каким образом? – спросил юрист как бы для поддержания беседы.

– Вашим любимым законом. Я бы конечно хотел в первую очередь сломать вас. Подчинить вас. Но если я лишу вас хлеба насущного, то вы станете пусты и бесполезны для меня, а на ваше место придет другой. И мне придется всё начинать сызнова, поэтому позвольте напомнить вам о законе, который утвердительно гласит, что каждый ребенок, находящийся вне родительского попечения, находящийся под опекой государства, с наступлением совершеннолетия должен получить собственность в виде дома или земельного участка. Теперь, надеюсь, вы распознали мой замысел. Перепишите дополнительные земли на мое имя и барон не получит их покуда я мал.

Нотариус призадумался, ища лазейки в изложенном плане.

– Вы усыновлены, потому имеете опекуна.

– Значит, барон Дон-Эскью не будет владеть землями до моего совершеннолетия. Потом я отниму у него сей богатство законным образом. – ответил Аспид.

– Велика опасность, что вы не доживете до юности, разумея безумное сребролюбие барона, ваша участь предрешена. – заявил юрист страшась своего заявления. – К тому же он может не согласиться.

– Я решителен, и готов пойти на любой риск, лишь бы

укротить барона, чтобы обрести мне должный достаток и попечение. А до совершеннолетия я придумаю множество способов помешать ему в очередной раз лишиться меня всего.

– Но у вас и так ничего нет. Вы родились нищим, выползли из-под каретного колеса, ныне прося то, что не заслужили.

– Да будет вам известно, я совершаю поступки не ради себя. Представьте, как барон заполучил те поля, он еще больше ожирел, но насколько оскудел духовно, о, а он, весьма худ. А если он не получит те земли по вашему желанию, то он будет страдать, и вместе с ним будут мучиться и другие. Но вот вам золотая середина. Вы думаете, мне нужны эти тленные сокровища, нет, они бесполезны. Сохранив же с вашей помощью свое достоинство, место в их семействе, я обрету навыки необходимые мне для великих свершений.

– Тогда вы развеяли мои сомнения, вы учли все аспекты, всю будущность, будто заведомо знали мой ответ. И вы правы, я соглашусь.

Нотариус усмехнулся минутному наваждению, затем достал из шкафчика письменного стола заветную бумагу, которая за всё это время, ни разу не покинула пределы его кабинета. Поставил округлую печать, расписался, выписывая кренделя, сменил инициалы барона Лютера Дон-Эскью на новоиспеченное имя Аспид Дон-Эскью.

Затем Аспид победным маршем вернулся в карету ровно через десять минут, прямо на ходу вручая документ баро-

ну, тот даже радостно подмигнул нахалу, не всматриваясь в текст, подписал бумагу. Но в мгновение ока осекся, прочитав немного измененные строки.

“Можешь разорвать бумагу, бесполезно тратя силы, ведь подлинник остался у нотариуса” – подумал Аспид.

– Опекун. – проговорил по слогам барон чуть заикаясь. – Ты не только вытряс из юриста земли, но вдобавок присвоил их себе. – он фыркнул восклицая. – Ну, ты и змей, сущий удав! Перехитрил всех. Жаль, ты слишком мал и к сроку твоего возмужания я выжиму подобно виноградарю все соки из твоей почвы, заработаю кучи денег, а ты останешься ползать в собственном песке. Как я тебе, а? – улыбался Дон-Эскью, сворачивая и убирая бумагу во внутренний карман камзола.

Аспид в ответ слыл безмолвием. Вещественное брненное капище было чуждым для него, главное, что отныне барон сменит гнев на милость, переменит отношение к подкидышу. Сразу стало заметно, как тот подобрел, когда занялся приятными делишками, он уже видел, как нанимает крестьян, выстраивает дома, амбары и мельницы для помола зерна в муку, и многое другое восставало пред очами барона Дон-Эскью. Аспид за кратчайшее время приобрел некую баснословную весомость в семье баронетов. Также они признали его недурной ум, сообразительность, расторопность, и более не называли безумцем, это как бы выгодно всем, когда сумасшествие подобно таланту работает во благо обществу. Одна Хлоя была недовольна.

Однажды встретив его в тени темного угла, тихо прошептала.

– Так ты ничему не научишься. Поступил как хитрый обычный человек, хочешь стать как они, цветами, которые растут, чтобы быть срезанными садовником, ради медленной, но красочной смерти.

– Чтобы сдвинуть камень с места не обязательно ломать его, можно накатить на него второй камень, который неминуемо сдвинет первый. – ответил Аспид, в этот раз затмевая Хлою своим сравнительным красноречием.

История шестая. Об искушенности жизнью в невозможности смерти

Адам, узревший бездыханное поверженное тело своего сына Авеля, не огорчился, ибо не ведал Адам смерти, вкушавший некогда плоды Древа Жизни, он ощущал вечность в своих жилах и его сердце наполнял сок бессмертный. Но вот добрый взор Авеля погас, он охладел, из зияющей раны боле не сочится юная кровь. Адам обратился к Богу – “Неведомо мне сей деянье, скажи мне Господи, где сын мой, сон ли склонил его? Где сын мой возлюбленный, неужели Ты забрал его в Царство Небесное, ужели он там один и последует ли кто вслед за сыном моим? Неужели и я подобно сыну моему убит буду десницей человеческой, ужели сей и есть наказание человеку за грехопадение мое?” И Совесть ему чинно отвечала – “Преступив закон Божий, вы потеряли царства земли и Неба, удел ваш – ожиданье смерти, ожиданье спасения от смерти. Отлучившись от бессмертия, вы ныне будете помнить о кончине своей, об исходе безвременном, ибо неведомо вам будет мгновение разрешительное. Адам, ты создан из праха и прахом станет плоть твоя, ты и жена твоя, познавши стыд, скрываете наготу свою, но в земле истлеют одежды твои, плоть обнажится твоя, ибо более не смутит

она человека. Твой сын праведный Авель, твое доброе семя прервалось, но ты родишь Сифа. Авель есть мученик, но и ты, Адам, умрешь”. И глас вышний тише стал.

Сотни лет минули с тех пор. Праотец ведал об исходе своем, его клонило в сон, и странно ему было, неведомой по-прежнему ему казалась смерть. Неужели никогда ему сей мир не увидеть, который он заседал, пот ручьями проливал, вспахивая борозды глубокие, станет ли его уход искуплением, вернется ли он в Эдем блаженный, или Господь разгневавшись сильно, уготовил забвение ему. “Но не был я ничем, я безначально был мыслью Творца, еще до сотворения моего в человека трехсоставного, я был всегда, ужели я, потеряв плоть, вновь стану крупницей Вседержителя, который всюду и везде”. И вот свет не померк, но плоть брэнную он более не ощущал. Не оборачиваясь в сторону тленности, Адам ведомый Ангелами, был сопровожден в долину бремени ожидания беспредельного. И Ангел молвил праотцу – “Моли Господа о сошествии, об искупленье, моли о милости, дарованной твоим сынам и дочерям”. Адам склонился духом и в непреложном молении не заметил, как минуло время ожидания, и отныне созерцал он десницу светлую Спасителя, Господь призывал его.

Одинаково ли люди взирают на приближение исхода своего, одни и моргнуть не успевают, как упокоятся, иные в ожидании томятся, другие, будучи в добродетели, в мире прибывают.

Аспид испытывал долгожданное оправданное почитание, почтение к своей образцовой персоне, наконец, его должно уважали, по случаю немалого достатка приобретенного хитроумным, но виртуозно законным путем.

По-прежнему тренируя чтение душ, он сотворил один вывод следующего содержания: часто людям навязывают единое мышление, основанное на конкретных принципах, якобы всякий человек обязан воспринимать окружающий мир однообразно, его чувства и эмоции должны быть однотонны, его желания и творческие порывы односложны. Но посмотрите, оглянитесь вокруг, и вы не увидите ни одного одинакового лица, все люди различны во внешности. Тогда напрашивается вывод, может быть, и отношения людей к чему-либо или к кому-либо различны. Теплота солнечных лучей воспринимается всеми по-разному. Множество примеров, возможно, перечислить. Но нужно ли? Так почему же тот, кто потерял свою любовь, говорит, будто она была первой, потому несчастной, ведь дальше всё будет гораздо лучше, и навязывает это свое циничное мнение другим. И потому принцы оставляют башни с принцессами, так и не завоевав ту вершину, они спешат к простым легкодоступным селянкам, осуждая романтика, который истинно любит всю жизнь лишь одну деву, свою недостижимую принцессу. Вот и ответ, люди просто выбирают легкий путь, они облегчают себе жизнь всеми возможными способами, и проповедуют

свои слабости, ведь легко жить посреди слабой толпы, ведь никто не осудит, каждый поддержит ту общественную слабость. Только послушайте, как ученые кричат – не будьте застенчивы, будьте плодовиты, покоряйте больше женщин, юноши набирайтесь опыта в общении с женщинами. О как безнравственно ученые мужи восхваляют порок, они истинные мастера оправдания. И вот рождаются те незаконнорожденные дети, в порочном мире, где их отцы и матери прелюбодеи, хулители девственности, будут ли они поступать также или будут мудрее, ответ очевиден. Вас так легко раскрыть, все ваши уловки, все ваши пустые разглагольствования, которые навевают на меня тоску и апатию. Вы думаете, что умнее меня, раз прожили так долго, но как, вот главный вопрос. Весьма прозаично.

Гордыня возникает по причине самомнения души, ибо человек зрит изнутри себя, забывая про внешнее, стоит посмотреть в зеркало, оценить отражение, так сразу установится несоответствие гордости мыслей и укорительных взглядов с немощным безобразным телом. Так безумцы, вовлеченные во власть, изрыгали, уподобляясь драконам свои разрушительные идеи и терминологии, анатомию хаоса, покоряя тем самым тысячи, заражая безумием миллионы, они навязчиво жестикулировали и кричали с трибун и им рукоплескали в знак восхищения. Но они слабы плотью, карлики лишены всякой красоты, ибо чернота души скрыла трауром их обличье, и лишь бездной сумасшествия войны поглощают чужие

умы, скрывая лицо за гримасой ненависти. Они лжепророки, прихвостни зла, рабы бесчестия, и, к сожалению, предсказания их частично сбываются.

Аспид размышлял отныне вслух, и в том ему помогала Хлоя, в последнее время, познав новые года молодости, они более сближались откровенным вербальным общением.

– Человек подобен краске, вообрази себе, что я нанес цвет на поверхность и спросил у тебя – каков оттенок, каков контраст, теплый или холодный, светлый или темный? – говорил Аспид Хлое. – И тут начинается самое интересное, каждый увидит этот предложенный цвет по-разному, для кого-то он более светлый, для кого-то больше темный, чем светлый, градация спектра настолько велика, что вписывать человеческое воззрение, мировоззрение в некие субъективные рамки – есть абсурд. Потому мне порою тяжело определиться с истинным видением человека, стереотипы видны внешне, а вот внутреннее переживание пусть самой простой ситуации, приводит в исступление. Имею в виду точный фокус обзора. Восприятие мира различно, но мне нужно научиться видеть все оттенки цветов, пускай их мириад, мне необходима лишь формула, ключ для открытия потайной двери подвала души. Душа человеческая меня заботит, и только она будоражит мой ум, но я стремлюсь к познанию, ведая, что обречен на поражение, ибо душу не познать, как не познать Творца сотворившего ее. Или всё же это возможно?

Хлоя часто отворачивалась от пристального гипнотиче-

ского взора Аспида, он играл с нею, показывая свои сомнения, указывая на свои промахи, дабы она проявила одно из своих чувств, сожаление то или укор, тоненькую ниточку души, но девушка слишком хорошо знала его манипуляции с сознанием, поэтому не поддавалась.

– Аспид, ты изумляешь меня. Ты ошибаешься. – сказала в который раз без зазрения совести Хлоя укоризненно взирая на горе философа. – Для обобщения созданы системы, чтобы ограничивать восприятия, сужать для определенного размера, что значит, твой предложенный цвет будет просто зеленым и не более того. Всюду расклеены плакаты, завуалированные, вот так должен выглядеть и поступать мужчина, вот так должна вести себя женщина, таким образом, строятся человеческие отношения, вот законы страны, в которой ты родился, значит, обязан принять родину такую, какая она есть, вот права и обязанности и так далее. Мы ограничены, нас маленькими детьми сажают в сосуд, дабы мы больше не росли, и в итоге из нас выходят прекрасные низкорослые шуты ради развлечения королевских престолов.

– Мир обширен, загляни за горизонт, и ты увидишь другие правила, другие представления. – парировал Аспид.

– Словно поэт ты снова всё усложняешь, ты слишком щепетилен.

– Я пытаюсь проникнуть в суть видимого мною. – гордо заявил он, откинувшись на спинку дивана, теребя во рту не воскуряемую трубку барона. – Для чего мне подчинять всех,

когда и так многие принадлежат мне по праву венца творчества. Только чтобы не скучать, чтобы постичь высокую мудрость.

Хлоя находилась рядышком с книгой по славянскому языку в руках, порою отвлекаясь на замечания Аспида.

– В последнее время ты сильно обленился, заполучил почет и богатство. И что дальше? Слава померкнет, а деньги потратятся. Попробуй завладеть чем-то бесценным, неподкупным, тем, что у тебя никто не отнимет, что не исчезнет и не забудется.

– Душой. К примеру, какой? – поинтересовался Аспид.

– Для начала попробуй восхитить детей барона, затем обольсти слуг, затем самого барона и баронессу. Последней буду я. Но мою маму даже не трогай, она и так чересчур доверчива и податлива как детский пластилин.

Аспид призадумался над последовательностью сеанса покорения тоскующей пытливой публики. Однако прежде ему необходимо было определить себя юношей, дабы и другие сменили восприятие его импульсов, его слов, деяний. Теперь он казался многим взрослее, умнее, но они были неправы, ведь он остался младенцем, с незабвенной памятью, который лежит неподвижно, созерцая суету людскую, их ложные идеалы, их пороки, страсти которые причиняют им лишь страдания, после мнимого удовольствия.

Отныне Аспид, как ни странно, стал юношей. И его имя в кругу семьи Дон-Эскью потеряло змеиное значение, ибо

барон теперь всегда доволен им, почитая за верного слугу, в обязанности коего входит – быть, жить и здравствовать, дабы земли, приносящие ежемесячный доход не были утеряны, отняты судейской палатой пэров. Баронеты приняли Аспида, а вот Хлоя стала отдаляться от него, они всё меньше контактировали, ибо их тела вошли в почти незаметную фазу чувственности, их воспаленная плоть, гноящаяся неведомыми желаниями, обрела новые формы, новые контуры девушки волновали его сердце и ум, влечение затмевало всё, даже гордыню. Но в душе его не царствовал разврат, его помыслы постигали складки платья, не заглядывая за ткань, под подол ее юбки, ибо ведал он, что только в чистоте положено мудрствовать. Тогда как затмения разума сделают его слабым, он не будет пленником слабых мечтаний, не покорится женщине, ведь та словно создана для его падения, она запретное древо посреди Эдема. Может быть, Ева и была тем наливным плодом, но он не соблазнится, мудрый человек смиряет плоть, и та плоть больше ничего не чувствует. А сердце пускай кричит, вопит истошно, я притворюсь глухим – думал Аспид, наблюдая за девушкой, даруя телу своему лишь одну уступку – созерцать, безмолвное восхваление и торжественное поглощение. И чем меньше он уделял ей внимание, тем упрямее она погружалась в изучение немецкой политики. Их томные отношения не казались окружающим неестественными, не обнаруживали сомнительной подоплеки, ведь считали их братом и сестрой, некогда в младенческом воз-

расте так умилительно спавшими в одной кровати. Но Аспид испытывал чувства куда сильнее, простого почитания, он и не подозревал, что зрительное познание может вызвать неподдельный, сокрушительный восторг. Однако Хлоя словно прочла в его взгляде влюбленность, поэтому вовсе охладела к нему, вовсе перестала им интересоваться.

Подкидыш, безусловно, вырос, но крупнее телосложением не стал, растительность на лице его не появлялась, а вот волосы стали куда длиннее и гуще, отчего с постоянством он завязывал локоны в хвост, расправляя челку на две тонкие игривые пряди, свисающие ниже груди. Франтом себя нисколько не почитал, скорее, походил на вольного художника в расцвете лет, коим и являлся, пополняя свою палитру не красками, но душами. Внутренне в нем начало нарастать нечто драматичное и пустое, годы пролетели незаметно, а он так ничего и не совершил.

Безразличная холодность Хлои взывала в нем протест, раздражение, столь удушающее, что он будто задышался, ее ледяные ручки невидимо сжимали его шею, и словно шептали порами кожи – умри, ты мне всё равно не нужен, умри, без меня, зачем тебе жить. Но Аспид, ощущая в себе законно-рожденное превосходство над любым человеком, непреложное, даже божественное, не был готов к поражению. Потому он решает посягнуть на привязанность старшей дочери барона, дабы Хлоя возревновала, и в ревности прочувствовала

как ценно его внимание, как бесценно дорог его взор. Посему незамедлительно он принялся за осуществление своего коварного замысла.

В глубине своей души Аспид всегда осознавал, что поступает нестандартно, а безумцы по своему безумному обыкновению либо созидают, либо разрушают, третьего исхода им не дано, их часто клонит к уничтожению, в первую очередь себя как личности. Творцы подверженные порокам умирают в грязи своих душ, и на последнем издыхании рождают нечто прокаженное, но чаще низменное, которое внешне очистит творца, но не его душу, благочестивые же творцы создают великое, девственно чистую красоту, но их спешат очернить. В этой смуте, в смиренной рубашке бьется об мягкие стены карцера усмиренное искусство, мечтающей силой воображения растворить те властные преграды академической ограниченности или свободной вульгарности современных бессмысленных течений, в коих нет и доли прекрасного. Творец лишь тот, кто создает красоту. Красоту понятную всем, ту от которой вострепещет любая душа, ту в которой нет уродства и порока, красоту, которая осязаема сердцем с первого взгляда. Красота подобна истинной бессмертной любви, которая не рождается и не умирает, но живет вечно.

В силу своего возраста, Джорджиана, а на тот год ей уже шел двадцать седьмой год, не привлекала Аспида, однако оба свято чтители девство, располагали незапятнанной девствен-

ностью, как впрочем, и все девушки, проживающие в пределах поместья. Хотя на счет Олафа ходили в народе разные слухи, где клевета, а где, правда, было трудно распознать, поговаривали, будто сам барон однажды сводил сына в местный бордель для приобретения некоего опыта. И Олаф побывав в блудном вертепе стал с того падшего мгновения еще более тупее и задиристее, что весьма похоже на правду, ведь когда человек теряет сокровище, он сильно злится, злится на людей, укоряя их во лжи, затем считает всех людей злодейскими ворами, и в глубине своей души ненавидит себя за неосмотрительность, за то, что проявил слабость и утратил столь бесценное богатство плоти и души. Или же такой человек начинает говорить – будто ничего не изменилось, ибо он просто перестает замечать, как блуд проник в его речь, в его мысли, в его чтение, в его творчество, в его личную жизнь и общественную, как цинично он теперь относится к себе и к миру, как закрывает глаза на добродетели и святость, и это весьма значительные перемены, которые видны лишь тому, кто сохранил свою честь неоскверненной, например, целомудренному Аспиду. Но пока что падший наследник не волновал Аспида, он явился в комнату сестры. А та сидела возле окна, читала, вышивала. Брюнетка с потухающим взглядом, в домашнем платье, походила на олицетворение верности и самоуничтожения, являла трогательную печаль и ускользающую надежду. Аспид строго подоспел к ней, поклонившись, встал, облокотившись плечом о стену, обклеенную матовой

узорчатой бумагой, привезенной из-за границы, возле подоконника тусклого окна, и начал говорить. И речь его была сладкой, ванильной.

– Джорджиана, прелестное создание, скажите, почему на вас могильной плитой лежит траур вдовы, вас более неслышно, утих ваш звонкий голос, неслышны ваши каблучки по паркету в минуты лихого танца. Скажите мне, поверьте мне, как так вышло, что вы не замужем в столь почтенном для брака возрасте, вы не прияли божественное таинство. – вопрошал он. – Будьте любезны, ответьте мне.

Старшая сестричка решила передразнить Аспида и, смягчив свой голос, с нежностью ответила.

– Аспид, душечка, тебя это нисколько не касается. Или тебя подослал мой отец, тогда скажи ему, что я сама решу в свое время, когда и с кем мне связывать жизнь, а кого отпускать как непосильный груз, тянущий меня на самое дно.

Аспиду даже понравился сей заученный выпад, теперь он узнал о давлении семейства на Джорджиану, они изнуряют ее ожиданием, уговорами, торопят изо всех сил, делая девушке искусственный массаж сердца, дабы она, наконец, полюбила одного из кавалеров, которые отныне цинично видят в ее сохраненной нецелованной чести нечто предвзято странное.

– Хотите, я поведаю вам о корне женского порока. – девушка заинтересовалась, ей всегда тайно нравились монологи Аспида, особенно сконцентрировано внутренние анало-

ги бескомпромиссных выпадов древних философов, ей нравилась та обложка книги, сулящая незаурядное чтение, и он уловив симпатию уместно проявленную взглядом девушки, продолжил, не получив разрешения. – Красота. Вы милые женщины, сотворены для мужчины, поэтому столь прекрасны, столь пленительны. Имея стройное тело, изящные черты лица, вам мало дара красоты от Творца, вы изобрели макияж для подчеркивания участков вашего лица, особенно удачно получившихся у Всевышнего Творца. О я даже заговорил стихами, так судорожно меня волнует эта тема. Вы обводите глазки, дабы я смотрел на них, в них, делаете яркими свои губки, чтобы я не промахнулся, целуя их (чего я отродясь не совершу), делаете однотонным свое личико, дабы зритель кавалер не обращал внимания на припудренные покраснения и жирный блеск. Помимо боевой раскраски вы еще придумали платья, декольте подчеркивает грудь, в талии покроя сужается, особенно, будучи в корсете, далее платье расширяется, дабы скрыть, и зрительно увеличить бедра. Фигура рельефно очерчена и кажется, будто леди сокрыта, даже от вездесущего воображения, но в то же время, все достоинства женственной плоти видны и невооруженным глазом, который так хочется вырвать и отбросить в сторону, ведь теряется Царство Небесное, а земное сулит лишь прах. Но пока это лишь цветочки. Далее вкусите словесные ягодки. Вы считаете себя настолько обворожительными, что спешите поделиться собою не только визуально, но и физически, желаете

явить свою наготу, желаете восхищения, отдаетесь, теряете невинность, становитесь порочными. Неужели грехопадение Евы вас ничему не научило? Скажите, можно ли иметь редчайшую уникальную монету, и никогда не показать ее ни одному оценщику в ломбарде? Вы, женщины, знаете, что ваша красота меркнет, вы стареете, потому вы спешите даровать себя, но теряете себя, свою девичью честь. Мне лично по душе девушки таинственные, а если девушка обнажена плотью и душой, то в ней нет ничего привлекательного или интригующего. Кротость, вот что такое истинная женственность.

– Слишком утомительно долгим вышел ваш комплимент. – заявила Джорджиана.

– Зато как убедительно. – тут он прошептал. – Неужели вы, Джорджиана, никогда не хотели явить миру свою красоту, раздеться перед мужчиной, дабы он задрожал от упоительного возбуждения, склонился пред вами как перед богиней Венерой вышедшей из пены морской, превращая свою кровь в белые розы, в алые страстные бутоны.

– Бестактен ваш вопрос. – защищалась девушка, но ожидала от Аспида подобную дерзость.

– Безусловно. Иначе изъясняться я не привык. – невозмутимо говорил Аспид. – И это недоразумение, это жалкое желание является залогом вашей удушливой грусти. Вы понимаете, принимаете свою красоту, а годы летят, молодость проходит безвозвратно, вы не слышите слова восхищения, поэмы обожествления. Вскоре начнете считать себя урод-

ливой, бесполезной, пародией на женщину, состарите себя мыслями раньше положенного срока. Хотите ли вы себе такую судьбу? О, видимо нет. Определенно, нет.

Словеса Аспида сломали душу Джорджианы, девушка мысленно осознала, представила, как скоро она состарится, ее прелести никто не узрит, никто не пожелает воспеть ее угасшую красоту, значит, на самом деле все лгут, она на самом деле некрасива. Отчего ее нравственность поколебалась, поэтому ее приближение, тесное сближение возмутило Аспида, так решительно та подошла к нему.

Теплое дыхание совсем рядом, грудь вздымается от тех воздушных потоков. Он задрожал. И она женским чутьем заметила его стеснение. Оказывается, и у змея имеются страхи, он боится не женщин, а то, как они овладевают им. Страшится самого своего трепета.

– Я не удивлена вашим речам, даже не возмущена. Все мы знаем, насколько остер раздвоенный язычок Аспида, но когда наступает время для подвигов, для дел, он прячется в кусты, поджав своей змеиный хвостик, или подобно ящерице сбрасывает его, дабы выждать из засады, дабы вновь отрастить покалеченные конечности самомнения. И для того чтобы обрести это уважение и достаток, что вы сделали? Ничего. Лишь поговорили по душам с юристом, и не более того.

– Я младенцем вылез из грязи, разве это не поступок достойный уважения?

– Вот именно, тогда вы были ребенком, а сейчас, что жела-

ет юноша? Скажите мне? Аспид, готовы ли вы взять меня как трофей, хотите ли познать меня, посягнуть на красоту моей плоти, раз так хорошо осведомлены о дурноте моей души. – с отчаянием говорила девушка. – Дрожите. Томление то или предвкушение, или боязнь? Вы всегда так самоуверенны, самодостаточны, но сейчас, несомненно, сломлены, вы именно тот, единственный кто смог уговорить меня совершить порок. И что же вы стоите, словно обиженный мальчишка. Ну же, прикоснитесь ко мне. Ваши глаза бесстрастны, но сердце, чувствую, оно отдано другой, а руки, они свободны, они голодны, они желают меня. Так дайте им волю, дайте им насытиться мною.

Бедная девочка. Она решила, будто покорила его, удивила грубым предложением, перед которым не устоит любой тупой мужлан, а он, мудрый прозорливец, увидел все последствия, все выгоды и лишения сей сцены. Поэтому слегка коснулся, провел подушечками пальцев по ее раскрасневшейся щеке, и более не стал мучить Джорджиану.

– Какую выгоду я из всего этого извлеку? Я стану падшим, я стану обычным молодым человеком, наподобие барона или Олафа. Они похоронили свою невинность, столь глубоко, что ее уже не разрыть, там же будут лежать и они сами, в тленной земле, но я не желаю быть в их числе, я буду летать в небесах. Возлежать вместе с вами я не посмею. Я умышленно призывал вас к пороку, дабы во всей яркости явить степень вашего отчаяния, то, как характеризуют ваше поло-

жение близкие и родные вам люди. Другие женщины пресыщены вниманием и более не мечтают, они не дождалась своего принца, поэтому, когда он внезапно нагрязнул, то увидел что принцесса погрязла в блуде, он лицезрел распущенную принцессу, и в обиде удалился от нее, ведь та не дождалась его. Однако девственный принц останется верным той блуднице, он станет монахом в миру. Таким образом, слагаются трагедии. Оба несчастны, из-за одной женской ошибки. Девственность это великий Божий дар, поэтому в первую очередь дьявол искушает молодых людей именно этой страстью, и поверьте, он, куда более изощрен, нежели чем я. Но я, особо не утруждаясь, овладел вашей душой, вашими желаниями, лишь чуть надавив на заблуждение. Ведь вы не видите вашу уникальность, вашу ценность, вам есть, что предложить мужу, а те оскверненные женщины, всё уже потеряли за несколько минут боли, только вдумайтесь, боль, как глупо они поступили. И как ужасно они страдают, сожалея о той невосполнимой потере. Призываю вас к гордости, почитайте свою невинность за достоинство, что выше всех талантов. Сохраняйте себя. Будьте умны. Целомудренны.

– Вы столь противоречивы. – отшатнулась Джорджиана.

– Предположу, что вы сейчас, дабы усмехнуться, полагаете, будто я физически не способен к греху блудодействия, потому настолько бесстрастно рассуждаю. Но не забывайте, помимо прочего, я нецелован, и разве нет губ у меня, разве недвижимы они, нет, мои морально нравственные миро-

воззрения и мироощущения духа высоки и непоколебимы, несмотря на призывы плоти тленной. Я вечный девственник нецелованный, ибо не стану спать с блудницей и девства деву не лишу.

– То вы искушаете меня, то наставляете, кто вы, соблазнитель или учитель нравственности, моралист или искуситель? То вы ломаете меня, то исцеляете, лишаете надежды, и даруете надежду. Вы, Аспид, воистину ужасны. – она отошла и с некоторой попоранной гордостью униженно спросила. – Значит, вы отказываетесь от меня?

– Для чего мне принимать то, что и так принадлежит мне. – ответил улыбаясь Аспид. – Я отныне владею вашей душой, значит, мне принадлежит и ваше тело подчиненное вашей душе, схема проста, как видите, я пресыщен вами, я познал вас, не прикоснувшись страстно, не признавшись в любви, не предложив брачный союз, в общем, даже не произнеся ни единого стоящего комплимента. Вы моя, даже когда меня нет рядом с вами. Однако вы, Джорджиана, заглянули мне в сердце, и это дарует вам малую свободу от моих притязаний. Я отказываюсь не от вас, а от порока, который чужд человеческому истинному человеку. Вы для меня священные, ибо девственны, и более я не смею вас трогать своими немудреными речами. – может быть показалось, но во взгляде юноши мелькнула теплота. – Напоследок, позвольте, поддержать вас, пускай все желают испачкать вас грязью современного общества, однако вы, как высокая личность,

сохраняйте благочестие, но не бойтесь, гордыня не постигнет вас, ведь всюду вы будете осуждены. А мученик свят, ибо терпелив и непреклонен в вере. Верьте в свою благословенную добродетель. – провозгласил Аспид и вышел из комнаты, а сестра смотрела ему вслед борясь с тем скоплением противоречивых чувств, ибо еще никто ее так не сокрушал, не вдохновлял.

Вышагивая вдоль коридора, Аспид заглянул в комнату Хлои. К его удивлению, та не повела и бровью. Его внезапно весьма раздосадовало это ее поведение, словно вульгарно ехидничало надоевшее безразличие, набившее оскомину нахальство, девичье хитроумие. Она просто-напросто скрывает свои эмоции, только и всего, она ревнивая ревностная собственница, а воображает, будто может свободно обходиться без его внимания – думал он, задумав двинуться дальше вдоль череды многочисленных комнат.

Аспид намеренно излагает свои мысли гротескно, в основе полагает эффект двойственности для упразднения смыслового содержания своего воздействия. Восхваляет одних женщин и укоряет других, отчего может создаться мнение, будто одних он любит, а других ненавидит, но это мнение ошибочно, ибо он уже размышлял о цветах человеческой души. Поэтому самая падшая женщина, всегда может покаяться и с момента того очищения, больше не согрешать, и никто не осудит ее, ведь ее грехи прощены Господом, а кто сможет

проявить дерзость спорить с Творцом, точно не Аспид, или только он один. Но ему нужно было показать весы, две чаши полные миры и скверны, какую вкусишь ты, дева, избирай мудро, поступая, как велит твоя совесть. В отчаянном положении человека, стоит показывать только такие широко-масштабные картины, а выход из лабиринта всего один, но, сколько тупиков, сколько опасностей, не счесть, он мог бы рискнуть, явив весь радиус жизни, однако утомительно это, а времени так мало, а душ так нескончаемо много.

В разговоре с Джорджианой Аспид упомянул о своем девстве, которое он бережет, но не кичится им, оно как бы составляет единое целое с ним, безраздельно и незабвенно, в этом незнании он черпает знание. Девушка для него нечто загадочное, и это весьма интригует, это дает вкус жизни, ведь не знаешь не какую-нибудь теорему, а нечто прекрасное, немного похожее на тебя. Ведь в деве та же красная кровь, также бьется ее сердце, она также моргает глазами, вздыхает, радуется, печалится, живет и уходит в мир иной, дева рядом, но ты не знаешь ее, и эта нищета обогащает, испытываешь не вожделение страсти, а воодушевление, непрерывно говоришь – как прекрасны, Господь, Твои творенья. И Аспид не желал утрачивать то возвышенное благоговение, да, он часто говорит о низости и алчности женской натуры, но то лишь гротескный образ антипода, того святого видения, являющегося ежедневно в облике каждой девушки. Ас-

пид черпает свои познания из нищеты духа, он не знает какова плоть женщины, поэтому пытается проникнуть в ее душу, и это оказалось весьма простым деянием. Его неопытность излучает доверие, его голубые очи льстят одним лишь своим светлым оттенком синевы. Девушки различают в нем слабость как в юноше, но силу как в неведомом полусказочном существе.

Я творец, нецелованный девственник, иль просто гений – живописал Аспид в душе своей образ свой божественный.

Девственность для него не была чем-то эфирно эфемерным, напротив, он воочию ощущал ту легкость, свободу от страсти сгубившей стольких мудрецов. Франческо Петрарка дико сожалел о том рабстве плоти, которое он не сумел обуздать, которое мешало ему творить. Однако Аспид, в юности возвысившись над всеми мудрецами, словно парил над землей, земное не отягощало его, он творил в невинности. Ничто не мешало ему, он был творцом мысли, он был величественнее всех многочисленных творцов, которые утратили сию благодать, ибо их гений утратил чистоту, в их творениях сквозит плотское, крупницы изменности. Часто они даже величают плоть любовью, но Аспид в идеальном состоянии тела человеческого, в умиротворении души, касался духом блаженства, и та радость переполняла его, он больше не был тою ролью, данною ему обществом, он стался выше, выше любого чувствования, выше любого слова. Но его тянули вниз, множество завистливых человеческих рук душили его,

отчего у Аспида некогда счастливый взор сменялся ледяной изморозью, тонкий слой инея покрывал его некогда спокойный лик, он отворял уста, и не осмыслить, чьи слова тогда он произносил, на чьей стороне он властвовал. Это драматизм всех мыслителей, это романтизм всех драматургов. И как всякий творец, он наполнялся даром, и ему нужно было выплеснуть ту манну небесную на плодородное место, туда, где вырастут его нерукотворные плоды, созревшие от семени духа. Может быть, он даже видел людей как белоснежные полотна, белесые листы бумаги или белый мрамор. Аспид творил душой, как рука кистью рисует, как перо в руке пишет, как ловкий резец обтесывает, исполняя волю творческой души, так он гласом пророчествующим исполнял свое наивысшее предназначение.

Малышка Сара к тому рассветному времени уже потеряла кукольную внешность ребенка, однако укоренилась основательно в ней внутренняя непосредственность. В отличие от своей старшей сестры, она нисколько не чуралась детскости, а всячески способствовала ее проявлению, к примеру, в играх, в простых разговорах. Также и в окружающих людях девушка различала добродушие, игривость и простоту мысли, лень, неразумность. Ей всё виделось красочным, потаенным, порою прямолинейным, посему она неукоснительно радовалась каждому прожитому дню, радовалась каждой подаренной безделушке. Она сидела в гостиной одетая в го-

лубое платье под стать радужкам глаз Аспида, ее каштановые волосы были убраны в пышный курчавый хвост, шевелюра ее отличалась чудесной длинной, кончики волос касались ее тонкой талии. Телосложение у нее крохотное, фарфоровое, что даже страшно касаться сего хрупкого ювелирного предмета, словно и одна грубая мысль способна сломить девушку, а вот личико, отнюдь, имело некоторый застенчивый румянец, совсем легкий, заметный лишь художнику, лишь ценителю прекрасного, который обращает всю свою сущность в воздержанное созерцание. Играя зеленоватыми бусами, девушка была настолько занята сим времяпровождением, что не заметила Аспида, который приземлился рядом с нею на диван, закинув ногу на ногу. Но обычно он тесно прижимал, сдвигал колени и икры вплотную друг к другу, поверх кладя руки, подобно кроткой деве, дабы не быть одним из тех мужланов, которые размашисто раздвигают ноги, будто им что-то мешает сидеть.

Одна часть его тела имела помимо одной важной функции, еще и другую, маловажную, и те кратковременные изменения ему не нравились, он стеснялся их, всюду ему виделось, как женщины заглядываются на его серединную часть тела, поэтому он закрывал ту область стыда, длинными рубашками, и он не относился к этим увеличениям объективно, нет, это стесняло его, это стесняло других. Естественно никто не присматривался к нему, особенно женщины не проявляли к нему особого интереса, но то явление Аспид счи-

тал ненормальным, бесполезным, оно лишь кипит кровь, то возбуждение призывает его к бесчеловечным мыслям, поэтому приходится отгонять их словно стаю голодных ворон. К счастью плоть вскоре утихает, и можно вновь предаться платоническому творению мысли.

Ранее он полагал, будто люди подобны декорациям созданные для его глаз. Но это не так, ведь они слишком сложны для цветного картона. Поэтому у него порою возникало чувство, будто они за ним следят, все без исключений, всех интересует лишь он, они читают его мысли, они судачат о нем, их разговоры лишь о нем, они смеются над ним, печалются его горю, люди созданы для него одного. О насколько чудовищной была та мысль, то помутнее разума души, в эти минуты Аспид искал уединения, дабы более никто не следил за каждым его движением или словом. Побывав в городе, он видел толпы людей, которые сидели на лавочках и перешептывались о нем, определенно над ним смеялись девушки. О как же они потешаются над моим уродством – думал он, словно всем людям был важен только он, все их мысли лишь о нем, это льстило ему, превозносило, но и унижало, ведь им смешно лицезреть его жалкую жизнь. Всюду его преследовали оценивающие взоры, однако может на самом же деле, он был всем безразличен, для тех, кому его змеиная персона не приносит выгоду. Однако Аспид рассудочно примечал некоторую странность в людях, может быть, он видел Ангелов, которые записывают всю его жизнь. И один Ангел совсем

рядом, ощущается ее тепло, ее покровительство. И в этом хаосе собственных мыслей, реальностей и сумасшествий он жил, порою, не умея различить истинное от ложного, мечту от яви. Он постоянно слонялся от одного угла к другому, либо он безразличен людям и они считают его мертвецом, призраком, либо он для них неведомое существо, которое невозможно познать, но они пытаются, они может быть тайно боготворят Аспида, или уничижают его. Он видел как живут люди, суетятся, грешат, каются, освящаются, и неужели в них нет тех безумных мыслей, что живут во мне, неужели их не мучает мания преследования, та демоническая гордыня, или та смирительная кротость, неужели они не испытывают ту божественную жажду творить, ежеминутно, что-то создавать, те нескончаемые образы, мысли, мечты, неужели они не слышат те стенанья мира, которые сдавливают барабанные перепонки, неужели они не никогда не видели свет божества, свет Небес, неужели они, создания Божьи, могут сомневаться? Неужели им чужда и любовь моя, которая поглотила не только мою жизнь, всего меня, но и мою вечность. Душа бессмертна, но для чего бессмертная душа без любви, о лишь любовь предает смысл бессмертию, смысл самой вечности в любви, и я преисполнен благодати, исполнен тою святостью чувств, неужели и в людях царствует та царица милосердия. И это лишь малая часть, что есть моя душа, неужели и вы таковы как я, но по вашему виду, по вашему поведению так не скажешь, или вы лишь прикидываетесь простыми, неза-

мысловатыми. О, должно быть ваши души куда более величественные и многогранные чем моя, или лишь я безумен – непомерно глубинно размышлял Аспид. Он то возвышал себя, то унижал, этот нескончаемый спор мучил его, временами он видел мир, понимал мир, и в ту же долю секунды, он не понимал, где сейчас живет, как он оказался здесь, кто эти существа, и кто он. Аспид – так ему говорили, и юноша почему-то верил им.

Душу человека не постичь. Аспид мог бы на своем примере понять это, вспомнив все свои мысли и желания, приступы творчества, которые казались не от мира сего, так кто он тогда, лишь орудие, слуга Божий, и Ангелы его наставники. Но к чему он призван, о сколько всего было неведомым для него, его собственная душа есть кладезь безграничный, а он горделиво возжелал покорить чужие души, не покорив свою. Им правило отчаяние и только в таком опустошительном состоянии духа, Аспид обретал всесильную силу надежды, которая ниспосылалась ему свыше, ради некоего возрождающего замысла. И когда безумства на время успокаивались, он исполнял предначертанное, он отворял уста и говорил.

– Милая Сара. – мягко начал он. – Помните вашу бабушку по материнской линии, которую признали больной, лишь потому, что та увлекалась собиранием мягких игрушек, всевозможных ковров, детских книжек, также она была не прочь прикупить несколько флакончиков духов, и значков, в общем, ее скромная пенсия уходила на приобретение сей бес-

полезных для быта предметов, но для сердца, весьма пленительных. Может статься, в своем детстве она была лишена всего этого, потому успокаивала себя в старости, либо она настолько была одинока, что страдая от одиночества, создавала себе дружную компанию из цветастых вещиц. Психотерапевт признал ее больной, но сам врач разве не имеет в своем жилище многочисленное собрание книг по медицине, и это можно назвать фанатизмом. Если это не несет вред окружающим, то для чего на весь мир оглашать о якобы патологическом умственном расстройстве старушки. Но та страсть причиняет вред ее душе. Она живет вещами, забывая о близких людях, о любви, о дружбе. Те игрушки безмолвны и бездушны, они почти бесполезны.

Сара отложила бусы подальше от себя, а Аспид и не ожидал другого поворота винта.

Девушка, охваченная одиозным бедствованием игривости, не пожелала принять тот злосчастный пример на себя, решив отвлечь юношу, перенаправив его карающую мысль.

– Ответьте, Сара, чувство толпы или эгоизм царствует в ягненке, когда он тесно жметя к сородичам? Может для того чтобы волки завидев множество жертв, нечаянно пропустили его. Это эгоизм, скажите вы, но есть ли у животного выбор, так как невозможно убежать или укрыться, остается лишь смотреть в глаза любимого существа и уповать на чудо. Но у вас есть выбор, и я призываю вас поступать избирательно.

Рефлексия не зиждилась в его монотонной речи, как впрочем, капля пафоса плавно растекалась по нескольким выражениям, по раскаленной сковороде правды. Но девушка сохраняла ненавязчивую невозмутимость игривости.

– У вас такие длинные волосы, как у девочки. – непосредственно вымолвила она.

Он пропустил мимо ушей ее вкрадчивое неуместное примечание.

– Скажите мне, Сара, а что именно определяет термин половой принадлежности. Существует ли первозданный образец для подражания. К примеру, ваш отец, он подходит под описание мальчика, я уверен, что вы уверены в его истинном представительстве. Но я более склоняюсь к Адаму и Еве, однако в их ветхозаветные лета картины не писали, либо те наброски не сохранились до наших дней, поэтому мы не можем установить четкий критерий внешности. Поверьте мне, сколько душ человеческих, столько и полов. А волосы созданы для того чтобы произрастать, украшать и согревать. Неужели если вокруг все люди с короткими ногами, вы пожелали бы укоротить свои, считая себя несоответственной неким субъективным представлениям. Образчик подлинной внешности, это ребенок, который невинен, его тело чисто от рисунков и вожделений. Процессы плоти естественны, но неестественно то, что порочно, то, что оскверняет, то, что мешает быть ребенком. Некоторые функции организма могут быть исполнены, а могут и быть преданны бес-

памятству. – говорил Аспид.

Сара, кажется, утратила цепочку речи на втором тезисе, занявшись разглядыванием стеклянных люстр и балюстрад. Аспиду это совершенно не понравилось, и он решает пойти в открытое наступление.

– Детство замечательная пора. Но боитесь ли вы реально-го мира? Поговаривают будто он жесток, непредсказуем, мир чествует сильных и безжалостных, а слабых предаёт смерти по милости своей. Сможете ли вы, покинув теплые заботли-вые обители усадьбы, выжить в том мире? Вами легко вос-пользуются, вас обманут, сыграв на доверчивости.

– Мне так удобней жить. – проговорила девушка ребяче-ским шепотом. – Я всё прекрасно понимаю, но взрослость приводит к вредным привычкам, к мученическому позна-нию мудрости и к сердечным терзаниям от безответной люб-ви, призывает к жажде выплеснуть все свои переживания в окружающий мир, невзирая на готовность холста принять столько банок черной и белой краски. Уверенность взросло-го преобращается в самомнение, та превращается в гордость, затем в гордыню, и я не желаю жить с теми миазмами на ду-ше. Вот, к примеру, вы, Аспид, весьма умны, но несчастны. Каждый, кто жаждет обрести знания, погружен в себя, в истину, мудрец тратит жизнь на чтение книг, либо тренирует память, словно машина, принимая нудное и удаляя ненуж-ное, и незаметно для себя, лишает сердце чувств. Либо муд-рец занят творчеством, и его жизнь проистекает в череде

нескончаемых замыслов, мудрец приобретает, но и многое отдает, отрывает от своей жизни. И пусть я глупа, зато свободна. Люди страдают из-за дум о семье, о домах, о деньгах, о морали, но я всего лишь цветок, который создан, для радования глаз людских. И они будут поливать меня лаской и заботой, я наивный полевой цветок, который скоро завянет, о нем не вспомнят, о нем позабудут, и это хорошо, ведь обо мне не будут думать плохо. Властители и мудрецы осуждены, падшие и святые укоряемы, я же просто цветок. – нежно тонким голосом говорила Сара.

– О, это забавно, из ваших слов, следует, что вы всего лишь растение. – вздернул очами Аспид. – Неужели желаете себе столь неосмысленную жизнь?

По обыкновению подозрительные люди интроверты скрывают свое истинное состояние, свои мысли, и Аспиду было преемственно удобно раскрывать тот благовонный бутон, удобочитаемо проникать в само ядро эфирного чувствующего светоча мыслей, который зовется душой. В обычной внешней жизни Джорджиана неудачливая девушка, созревшее древо без плодов, а Сара просто импульсивная не в меру разумная девушка, однако за всем этим стоят мону-ментальные столпы восприятия самости, попираемые фундаментальными монолитами общественности. Ибо, чем ниже спускаешься с горы, тем легче дышать свободой, но воздух тот привычен, затхл собственный углекислый газ которым не оздоровить легкие, не насытить кровь освежающим

кислородом. Каждая душа уникальна, они созданы Творцом, и Аспид понимал сей дилемму, принимал свое бессилие. Аспид проникал в поверхности их мыслей, и как всякий безумец почитал два следствия и последствия – разрушение, либо созидание.

– Вы осуждаете меня, чтобы самому быть судимым. Надеюсь, найдется тот кто воспрепятствуют вашему разумению. – окончательно потеряв всякую застенчивость произнесла Сара.

– Вы меня превратно поняли. Я желаю лишь предостеречь. – тут он улыбнулся. – И раз вы так неудачно восприняли мою предыдущую речь, то позвольте тогда, поведать вам о феномене двуличья. В одном кругу общества вы сущий ребенок, в другом контексте вы взрослая леди, вас прекрасно встречают на обоих балах, но однажды вы забудетесь, смените роль, только представьте, как удивятся ваши знакомые, завидев иную личину столь занятой особы. О, оказывается, вы наглейшим образом лгали им. – тут Аспид обнаружил другую сторону морали, словно перевернув монету. – Однако можно быть ребенком, для того, чтобы не обижать людей, ведь взрослые постоянно ругаются, сплетничают, даже дерутся, а маленькая девочка не может помышлять о нарушении нравственного закона. Осуждать легко, защищать куда сложнее. Мне незачем ломать вас, ибо вы уже сломаны. Вы разбитая кукла.

– Раз вы такой умный, начитанный, скажите, Аспид, что

такое возраст? Если следовать вашей теории – его также нет, раз и нас нет. – вновь игриво заявила девушка.

Она не вслушивается в смысл моих слов – как истинное дитя – подумал Аспид и ответил на ее каверзное замечание.

– Возраст это не наличие или отсутствие опыта, или переизбыток опыта, это не количество морщин на челе, возраст это всего лишь время, количество лет, на протяжении которых я познаю, и созерцаю сей мир, однако я оставлю несколько загадок, дабы не потерять интерес к жизни. Я не познаю женщину, дабы боготворить в девушке тайну, дабы считать всех девушек невинными. Также я полноценно не познаю себя, дабы удивляться своим свершениям и своему выбору. Я не познаю Творца, или я уже познал Его. И Бог прекрасен, я вижу Его лик в вашем лице. Различать в людях добро, это значит видеть Бога. Познав любовь, настолько духовную, насколько пресветлую, я познаю всё одним мановением любящего сердца. Мудрец, познавший мирское, уже не мудрец, а энциклопедия с тысячей страниц увесистого телосложения. Потому я гораздо старше всех вас, я ветхий старик с сединой в очах, я видел то, что вы не видели. Время перекинуло меня на второй десяток лет, но душа неисчислима. Слушайте меня как дедушку, будьте послушны мне, Сара.

Диалог оборвала внезапно появившаяся Хлоя, чем-то рассерженная. Неужели ревность, наконец, вспылала в ней, как полыхают торфяники от одной зажженной спички.

Она дерзко произнесла.

– Философов много, но Истина одна. – она протянула изящную десницу свою как бы указывая на законное право распоряжаться свободным временем Аспида. – Пойдемте, Аспид, вы мне нужны для важного разговора.

Аспид лишь философично ухмыльнулся, ведь его идеализированный план возымел оправданный результат.

История седьмая. О мудром голубе и кротком змее

Распростерты десницы Сына Божия, ибо объял Он весь мир, спасенья нашего ради, гвоздями скован с бременем Своим, и не облегчить страданья те, покуда не свершится миссия вышняя, покуда человек не сокрушится духом, узрев жертвенность любовную.

И вот рождается человек и видит крест на груди матери своей, на груди отца своего, далее видит человек окружающий его мир и видит крест на куполе храма, у алтарных врат проповедует священник с крестом в руке, затем человек видит крест на груди своей, читает о кресте в книге Священной, созерцает крест на могиле своей, но на человеке более нет креста, ибо человек пронес крест свой над жизнью земной, и вот пред человеком старец, в длани Апостола нет креста, но есть ключ.

“Аспид, ты властно осуждаешь людей, видишь их недостатки и пороки, о, только вообрази, как ты, словно фарисей, призываешь их на свой суд, и уже не видишь в них Бога. Тогда кого? Я вижу себя, я себя укоряю и унижаю. Ужасен только я. Равнодушие ужаснее любого самого низкого чув-

ства” – шел мучительный монолог души Аспида. – “Ты ненавидишь себя, но может быть, та ненависть есть любовь, ведь вслушайся, как много ты рассуждаешь о себе. А разве мне дарован выбор? Я лишь одна безумная душа, обреченная созерцать пресветлые души людские. И как ты поступишь? Я смирюсь с собой”.

– О чем ты думаешь, Аспид? На твоём лице застыл ужас от собственного мироощущения, миропознание самопознания. – спросила на ходу Хлоя.

Аспид вздрогнул, будто материальная реальность выволокла его из сна. Однако он сразу принял невозмутимый вид.

– О том, как женщины и вправду любят ушами, стоит только употребить свои слова в адрес соперницы, как в завистливой леди зарождается гнетущее чувство собственности.

Глупышка Сара провожала их утомительным взглядом, напевая – “Жених и невеста, тили-тили...”

Хлоя решила не сопротивляться тому общепринятому заблуждению. Выйдя из гостиной, она привела его в комнату своей матери, затворила плотно дверь, чтобы подслушивающие уши у стен оглохли, ожидая разъяснений от молодого человека, словно тот сотворил нечто предосудительное. И Аспид разрядил обстановку высказав первое что нагрянуло ему в душу.

– Воздержанье созерцанья – пленительней улады нет. Меня отличает от других философов, то, что я, думая о жиз-

ни, нисколько не знаю о ней.

– Эти небылицы вы будете чудаковатым сестрицам напыщенно повествовать. – скрестив ручки на груди говорила она сильно возмущенная. – Неужели вы, Аспид, с вашими способностями, не понимаете, как важно не только подчинять личность, но и разрушать ее, уничтожать, только так вы обретете власть, сломив чужие умы, которые возможно восстанут против вас. Но вы играете с ними будто с игрушками, отнимаете конфету, затем возвращаете, уже не одну, а куда больше, с поучительными надписями на фантиках.

– Тем самым я покорил их. Вот увидите, дорогая Хлоя, они уже видят во мне близкого понимающего человека, и понимание мое уникально, ведь они столь одиноки. Они скоро начнут ощущать невольную потребность в моем обществе, в моем мудром совете. Будут тянуть ручки к солнышку, и я охотно согрею их. Либо сожгу. Они будут слушать, и исполнять любое мое приказание. Позвольте мне встать у трибун, и толпа поклонится мне, тысячи людей отринут свой разум, дабы принять мой, приведут свои желания мне на заклание, им легче жить чужим умом, чем своим собственным. Диктаторы правят страхом, я же, покоряю любовью. Ибо страх рождает протест, бунт, войну, революцию. Любовь рождает веру, надежду, милосердие, мечту. Поэтому им куда приятнее слушать меня, потому что мечтания мои реальны, истинны и непреложны.

– Верно, мыслите. Но при этом воображаете себя пасты-

рем. – сказала Хлоя. – В вас нет ненависти, ярости, полновесной отчужденности. – она отвела взор куда-то вдаль. – Вот скоро я поеду в страну, где будет выступать один мужчина с именем Венедикт, который скоро начнет писать книгу, которую будут читать словно Библию, вот только ему нужна подходящая муза. В нем столько ненависти и отчаяния, что он отыщет достойное неправды оправдание убивать. Я преподнесу ему несколько уроков сильных жестов и манер речи, а всё остальное он сделает сам. Ненависть, вот движущая сила власти. Жаль, вы лишены той силы.

– Ненависть разрушает душу и тело человека быстрее любой болезни или страсти. И ваш идеализированный избранник погибнет подобно Искарриоту, в пучине собственной желчи, в кислоте своих чудовищных вожделений, он умрет не как человек, но как трусливое существо, рожденное некогда столь чистым и добрым, но развратившимся от одной злой искры собственного слабоумия. Он ненавидит людей, причиняя им боль и страдания, но на самом же деле, он предает пыткам себя, умерщвляет себя. И совесть кричит громче, болезненно громогласно, и он забивается в темный угол, дабы слиться с тенью, дабы стать никем. Но прошлого не вернуть, а безумие столь велико, столь мучительно напоминает о содеянном преступлении. И самое страшное, оно жаждет большего. И это ваш кумир, ваш идол будущности, царь развалин и мертвецов, о как вы глупы, Хлоя. Когда же ты поймешь, что порок это смерть, а добродетель – жизнь.

Незаметно их диалог перешел на “ты”, и причиной тому послужило оскорбление.

– Аспид, это ты несравненно глуп, ведь желаешь кротко гореть лампадой, тусклой лучиной, когда можешь возгореться на краткий миг подобно умирающей звезде.

Ее слова задели его. Потому Аспид вспылал, видя как миловидность красоты, отвратительно являет уродливый цинизм.

– Почему ты постоянно противоречишь мне, почему спешишь объять злое, дабы показать людям, вот, смотрите – какая я взрослая, как я свободна от ваших предрассудков, ваше пуританство печалит меня, ваше ханжество вызывает во мне приступы тошноты. Вопреки вашей ущербной морали, я буду проповедовать и защищать “свободную любовь”, буду напиваться и курить, я лишу себя девственности, потому что она ценна для вас, я буду слушать бездарную пустую музыку, и читать циничных псевдогероев, тех безбожных и падших людей, ведь они, как и я, безразличны к вашему обществу – о как же легко прочесть твои мысли. Эти порочные зачатки, которые будут поглощать твои желания, разрушая твою душу и тело, не веришь, так посмотри на тех, кто пал в страстях, все они несчастны, ущербны, эгоистичны. Ты считаешь это свободной юностью, тогда что ты будешь вспоминать, видение опьяненных глаз, наркотическое забвение или смятую постель в нечистотах измены в осквернении любви, ты назовешь это плотское безумие “занятием любовью”, но люб-

ви там не было, там были лишь падшие духи которые шумно аплодировали тебе, бросая на мятые покрывала увядшие лепестки роз убитой невинности. Тебе приятна такая картина? Куда подевалась та девочка любящая забавные фокусы. Кроме меня тебе больше никто такого не скажет. Ведь все они слепы, и постепенно слепнешь и ты. – властно говорил Аспид. – И хватит уже учтиво обращаться ко мне словно к цезарю, словно мы случайные знакомые.

Девушка смягчилась. Легко подошла к нему, провела кончиками пальчиков по его щеке, нечаянно коснулась его губ.

– Яд губит человека. Яд излечивает человека. Но ты еще так слаб, в твоих устах пока что мало яда.

Прикосновение девы умиротворило Аспида, он, молчаливо стоял, наслаждаясь близостью ее рук, очей и мыслей.

– Милый Аспид, ты видишь человеческие покровы пороков, и искореняешь их, ты различаешь человеческие добродетели, и обогащаешь их. В то время как в тебе самом, нет страстей и нет добра. Ты бесстрастен и безмолвен сердцем. В тебе нет ничего. – тихо говорила Хлоя.

– Я вижу тебя пустым, потому что мою душу тебе не прочесть. Я полон знаний, но те познания не наделяют меня святостью. А страсти? О, здесь вы все хотите увидеть во мне свои жалкие пороки, но мои куда страшнее ваших слабостей, потому что иногда, я ощущаю себя равным Богу, я рассуждаю с Ним о творении, будто Вселенная подобна моим ничтожным картинам, я провозглашаю Ему свои мысли,

словно я их творец, словно они уникальны, и самое ужасное, я вижу человеческие судьбы, и начинаю разделять, где милость, а где попущение, взираю на людей, словно я не из их рода, я вышний бессмертный созерцатель, их жизни в моей власти, весь мир содрогается от падения моей ресницы отлученной от века, словно все люди затаились, внимая моим мыслям, они вторят моему дыханию, их сердца бьются, куда я вижу в их жизни смысл. Вот такое я тайное чудовище. Поэтому пред Богом вы стоите на ногах, а я стою на коленях, ваши головы взирают высоко, а моя глава опущена вниз, я простираю десницы в знак отворения души, вы же, с достоинством непоколебимы. С самой юности путь моей души пространен, и никто не последует вслед за мною. Только ты, обречена, призвана сопровождать меня. Дева, обреченная на мою любовь.

Хлоя приблизилась очень близко, отчего Аспид порами чувствительной кожи уловил ее приятный аромат, должно быть такое же благовоние источает его мама, которую он никогда не видел. Девушка поднесла теплые губы к его ушной раковине, напевая короткую колыбельную.

Серафим Ангел пламенный и смелый,
Просыпаясь, озари собою тьму.
Воскреснет мир доколе бранный,
Восторгаясь, расточая мглу.

Проснись, ты слышишь, я взываю.

Ныне дитя во мне живет.

Гласу Ангела внимаю.

Главу змея дитя попрет.

Серафим Ангел пламенный и смелый,

Шестью крылами укрой дитя.

Даруй Царицы омофор нетленный,

Пусть не печалится в миру живя.

Защити его любя.

“Вы желаете, чтобы я стал подобным вам, принял ваши страсти, но тогда я потеряю себя, я утрачу то светлое, что заточено во мне, с потерей девства я утрачу жизнь, с нарушением обетов я стану клятвопреступником. И вы судите меня по своим меркам, но ваши пышные костюмы не по моей худощавой фигуре” – думал Аспид, разрешаясь с вопросом бытия.

Аспид нечаянно обмяк. И вправду, у нее самая сложная душа, ведь она ломает его одним невинным бесхитростным прикосновением. Хлоя мечтала сотворить из него Ангела Возмездия, и он повиновался ей.

Когда она отпустила его, разъяренный в покое зверь в юноше утробно заурчал и оскалился заточенными о камни гравия зубами.

Прельщенный, он вознамерился доказать свою взаимность, состоятельность, величавость. Он добьется ее нежных чувств. И когда обворожительный глас сирены стих, ее пальчики отслоились от чувствительной кожи его лица, опалемый страстью, венценосный соискатель ринулся на верхний этаж, где удачливо взрослый Олаф нервически переворачивал отцовские ящики и документальные записи. Застав наследника врасплох, подкидыш смерил Олафа прозорливым взором, и по привычке скрестив руки за спиной, оглушил противника резким выпадом.

– Приятно лицезреть то, как вы, Олаф, упорно ищете, чем бы поживиться. Помните притчу о блудном сыне, который расточил свое наследство, вернулся с повинной главой к отцу, и тот возлюбил его. И вы вернулись, только не за тем, чтобы наниматься в рабочие, а чтобы поживиться крошками с хозяйского стола. Ваш отец умен, потому вложил свои сбережения в земли, ибо прекрасно осведомлен о вашей пагубной склонности к расточительству.

Олаф повернулся на высокомерный презрительный голос сводного брата, и с нескрываемой издевкой прекратил свои поиски, ведь ему давно хотелось встретиться с Аспидом один на один. Тут началась их словесная дуэль.

– Родители явили меня на свет, и потому должны обеспечивать меня, мои потребности, пускай самые унижительные для них, ведь никто не заставлял им зачинать меня. А ты

всего лишь змей, вылупившийся в нашем уютном гнезде. Ты недостойн этих стен, этой крыши над твоей головой. Скоро, вот увидишь, как я унаследую усадьбу и вымету тебя метлой как гада ползучего, с глаз долой из сердца вон. – напыщенно говорил Олаф.

– Оказывается, мне доставляет удовольствие не только созерцать ваши низкие выходки, но и слышать вас, в особенности эти чудесные метафоры. Сами додумались до такого красноречия, или у отца приняли несколько уроков словесности. – улыбнулся Аспид. – Олаф, вы человек разрушительного плана, однако весьма сильно боитесь собственной смерти, в детстве вы мучили животных, давили насекомых, дабы познать, а что такое смерть, вы испытываете ее, даже готовы погубить человека, ввязавшись в преступление. Дабы воочию увидеть смерть, каким образом происходит отрыв бессмертной души от тленной плоти. Вы боитесь смерти до ужаса, потому так неистово спешите многое познать, в первую очередь то, что утоляет. К примеру, вы греховно познаете женщин, многие, я слышал, побывали в вашей натруженной постели, но ни одну из них вы не любили, вы пользовались ими как бездушными предметами, созданиями для угождения ваших низменных потребностей. Женщины влекомые стереотипами, различали в вашем уверенном поведении мужчину, они прельщались вашей грубостью, вашим достатком, обхождение ваше притягивало их, и они покорялись как люди под развалинами публичного дома. Спешите

те познать жизнь, но жизнь ли это? Вы познаете лишь мертвый порок, вы познаете смерть в ее сладостном обличье. Вы слышите, как всюду уходят из земной жизни молодые люди, нецелованные и невинные, вам жалко не их, а себя, ведь вы, Олаф, боитесь уподобиться им. И в кругу таких же варваров как вы, черпаете вдохновение своим плотским страхам.

– А ты значит, ничего не боишься? – дерзко вскинул Олаф. – Смотри и бойся, как я сейчас подойду к тебе, размахнусь и ударю тебя в висок. Должно быть, и мне будет приятно слушать твое пение, точнее вопль твоего фальцетного рыдания. И тебе некому будет пожаловаться. Ты один.

– Весьма предсказуемо. – ответил Аспид. – Ваша циничная религия называется – поглощение. Вы со свирепой жадностью глотаете мир, перед тем искусно его разрушив. Дева невинна, но вы отбираете ее честь, человек здоров, но вы причиняете ему боль. Вы Олаф из тех, кто не ведает что творит, ибо считаете свое поведение нормой. Ибо никто не поведал вам об истинной жизни, о чистоте жизни, о врожденной святости человеческой души.

– Конечно. Ведь я не урод как ты. Меня любят женщины и я готов защищать силой свои интересы. Я настоящий мужчина, а ты всего-навсего бесполой змей. – нагло проговорил Олаф.

– Вот заблуждение создающее забвение. И если оно верно, и мужчина лишь тот, кто знает женщину и тот, кто поклоняется насилию, то я не желаю им быть, для чего мне быть столь

низким существом, который не живет, а существует. Вы боитесь любви, ибо она подразумевает ответственность, верность, жертвенность и вечность, вы боитесь пути спасения своей души, ибо та узкая тропа сулит отчуждение от мира сего, который словно плотоядный цветок, дурманом влечет в губительную суету. Вы столько всего боитесь, что это отчетливо указывает на вашу слабость. Толпа беспутных сверстников бесцеремонно руководит вами, ваши желания рождаются от их грехопадений, а ваше падение зависит от их низких желаний. Рабски повинуетесь животному зову к спариванию или к драке. Так кто из нас слаб, кто животное, а кто прокаженный?

Резкие последние слова Аспида разгневали Олафа не на шутку, тот хотел было кинуться на оратора с кулаками, но осознал, что тогда, покажется действительно слабым, ведь словесно проиграв, станет воистину схож с неуправляемым зверем, если ударит Аспида. В наследнике происходили еле заметные метаморфозы личности, ему было совестно и в то же время больно, он как бы на мгновение со стороны взглянул на себя, на свою жизнь, и ужаснулся. Миг сокрушения завладел Олафом, но, увы, то был лишь рассветный блик во тьме беспросветной ночи. Олаф припомнил выражение Аспида, потому возымел желание использовать чужую мысль во благо собственной душевной защиты.

– Что ж, будь по-твоему, я умру, но на смертном одре буду помнить, буду знать, что я познал удовольствия этого мира.

А ты, змей, умрешь, сожалея о том, что жил, но так и не познал удовольствия, развлечения, счастье и ласку женщины.

– Ваши хваленные возвеличенные до смысла жизни удовольствия уже превратились в обыденные потребности, во вредную привычку. Неестественное стало для вас естественным. Бесчеловечное стало человеческим. Вы перевернули мир, значит, и смерть ваша будет весьма театральной. Вы будете сокрушаться о том пустом времяпровождении, о бессмысленных деяниях, сожалеть о тех ошибках. Но я свободен от них, меня терзают куда более могущественные демоны, но я ведаю духовное благо, которое неизмеримо выше и значимее всего, чем вы так кичитесь. – провозгласил Аспид, а затем шипящим шепотом добавил. – Это была лишь прелюдия, ныне пришло время раскрыть вашу ослабленную грехом ранимую душу.

Аспид ощутил зловещую грань всем нутром своим, как нечто едкое и черное может хлынуть грязевым потоком по его вздутым от напряжения венам. Зло поступает к его сердцу, вот-вот ему будет позволено завладеть им, непременно низвергнется во мрак, если он ошибется в выборе слова. Помимо внутренних бурлящих гейзеров безумия, девичий безрадостный, но торжествующий смешок послышался ему. Тот голос пугал, словно погребальное пение, плоть мертва, а душа ищет пристанище, жаждет высвобождения мыслей чрез утраченное действие, а он стоит рядом, ведая – она не умерла, а лишь уснула, предавшись власти меланхоличной гре-

зы, тоскливой дремы. Аспид на несколько секунд впал в пограничную апатию. Ступая по тончайшему канату добра и зла, утешая добрых духов, услаждая злых порождений преисподней, из-за нежности Хлои лишился всякой сдержанности, лишил Олафа уверенности, разметал обломки его внутреннего мира, и тот был готов принять любой вердикт. А прокуратор обвинил жертву всеми кольцами, осталось только сжать, переломить хрупкий хребет отступившего человека, который словно ребенок, завидев поощрение своих злодеяний, повторяет их на потребу ненасытной публики. Ранее наследник никем не коримый, сломился от одного дуновения правдивого ветерка. Аспид ощущал привкус яда на своем языке, который необходимо излить, ибо не сможет он, хранить эти мысли в себе, как истовый творец, он творил в данный момент, дабы краска не засохла, покуда фреска не высохла, непостоянный в величии замысел необходимо изобразить. Аспид стоял перед решающим выбором – возвеличить гнусности наследника или облегчить думы пациента посредством изложения подробного перечня болезней и способы лечения. Оправдание или покаяние, лишь два пути, но жизнь земная всего одна.

“Почему говоря о добре, я ощущаю, как могу столь же неистово и искренно провозглашать о зле. Нельзя служить двум господам – заповедует Господь, но почему я могу направить дарованные мне силы в пагубные русла, может, потому что человек свободен в выборе. И степень свободы у

каждого различна, кому-то преграждают путь к греху, но порою человек не замечает те благочинные намеки. И есть ли у меня выбор? Зло лишь внушает о своей мнимой власти. Предвкушая, обманусь ли я, или же нет. Я как всякий человек родился добрым и чистым, тогда для чего мне осквернять себя. Я ползал в грязи, разве нужно мне теперь чернить свою душу. О, ответы я знаю, и ты всё знаешь, чтец, внимающий моим мыслям” – потусторонне размышлял Аспид.

– Олаф, к сожалению, ваша судьба трагична. Потворствуя низости, вы вскоре окажетесь за решеткой тюрьмы, потому потеряете всё, и имя и имущество. Но очистившись от дурного, вы станете наподобие юродивого в глазах общества вам столь приятного, они отвергнут вас, ваш отец признает негодным тот плод, что вырос из его семени. Вы окажетесь бесполезны и... – на этих словах сердце Аспида дрогнуло, ощутив всполох раскаленных нервных окончаний, или точнее высекло искру боли, от удара он пал на колени, ошеломленный, простой смертный пораженный своим бессилием, однако Олаф не поспешил ему на выручку, оставаясь стоять на своем месте. – Любите врагов ваших, не так ли поучал Господь? – простонал Аспид. – Что же вы стоите, понурив взор. Вы некогда лицезрели как мучается в конвульсиях кошка имеющая потомство в чреве, вы нисколько не жалели ее, почему же когда я умираю, вы стоите и воротите взгляд, вам страшны мои угасающие глаза! Смотрите же, как издыхает чудовище! – вопил Аспид больше для облегчения той

боли, чем для речевых оборотов, более не просчитывая ходы, он не в силах был совладать с унижающей болью, с той невыносимой усталостью во всех членах. – Я умираю, но я ухожу чистым. Я не познал деву, я никого не ударил, я никогда не лгал, а говорил лишь то, что думал. А вы, Олаф, каким вы покинете сей мир? Падшим и бессердечным! Вы осквернили стольких дев, стольких юношей вы истязали побоями. Вы будете сожалеть о том, вам будет жаль тех женщин, тех мужчин, жаль своих родителей и родителей своих жертв. Порок не располагает памятью, всех злодеев предадут забвению, даже если те забальзамировали свои тела, воздвигли груды памятников, их будут свергать, всегда отыщутся те люди, которые будут призывать рушить те каменные идолы, будут призывать хоронить те мумии. Но праведников чтят сквозь тысячелетия. – тут он пронизательно воззрелся на Олафа. – О вас позабудут. Кто осмелится молиться о вашей душе. Вы усмехаетесь, не веря в загробную жизнь, однако верите в земную жизнь, в которой вы всего лишь еще один безымянный развратник и пьяница. Неужели для этого вы родились, питались и учились, росли, неужели те девы родились для ублажения вашей похоти? Нет, вовсе для иного вы явились на свет Божий. Очиститесь, пока еще есть время, не будьте рабом страстей своих. Воззритесь на меня. И увидите странное создание, потому что я обладаю истинной свободой.

Ошеломленный услышанной речью, Олаф ринулся на по-

мощь Аспиду, дабы доказать свою полезность. Однако некогда поверженный Аспид самочинно встал, отряхнулся, с трудом поклонился, держась за область сердца, и неспешно удалился. После чего наследник застыл в телесном и душевном волнении.

В холле к Аспиду подбежала воодушевленная Хлоя, обняла его сзади внезапно, даже неуместно резковато. Яро прошептав, обдала его жарким дыханием.

– Великолепно было сыграно. Он поражен тобой, ты сломал его, весь его крохотный мирок перевернулся.

Но бесталанный актер в ту пору испытывал настоящие переживания, настоящую боль, настоящий страх смерти, ибо он не желал принять исход, покуда не исполнит свое божественное предназначение, он реально сожалел о блудной душе Олафа, сожалел о своей змеиной душе, ведь не так он видел эту последнюю сцену. Должно быть, темная материя на долю секунды коснулась его сердца. Овации Хлои были противны его самочувствию, ему казались чуждыми ее победные рукопожатия. Но вот пришел черед делать ход белым фигурам. Глас ослепительный в звучании наполнил сердце Аспида, расточив клубящийся ползучий ужас, восставший из недр тартара осуждения.

“Страсть – пламя адово”.

“И вот, как ты и предрекал, люди очистятся покаянием, святым причастием, и ты более не сможешь укорять их. Для чего ты тогда сотворен? Души принадлежат Богу, а ты возы-

мел мечтание, величаться над ними, владеть ими. Один щелчок Провидения, и гордец свержен с трона. Одна стрела, угодившая в сердце, умертвит тело твое, ты захлебываешься собственным ядом, в замирании времени, теряя притяжение пространства, ожидаешь приговор. Но сердце оживает, вкусив милость, продолжает биение неутомимое. И в людях та же великая жизнь, но ты предаешь суду ту жизнь, пророча им смерть. Кто учил тебя сей гордыни? Кто первый обрел спасение в Царствии Небесном? Осужденный, всеми проклятый, но прощенный. – вторил голос совести. – Кто ты?”

Аспид с того времени о том не ведал, слишком уставши мыслить, безмолвно взирал, как духи раздирают его, растаскивая по кусочку всё то, что он в себе сотворил. Как и для всякого творца, усталость та была плодотворной, нескончаемо строптивой, временами унылой, часто вдохновенной. Он больше не хотел помышлять о том, правильно ли он поступил, или неверно, ибо явление мысли преобразованной в слово не возратить. Может быть, Аспид просто-напросто истощил весь свой годами накопленный яд, ставши безобидным, невидным, неуместным. Однако он не знал, когда пополнятся те кладези ядовитые, когда его вновь призовут.

История восьмая. О неудачах поражений

Когда Аспид коснулся злой стороны, вокруг него начали происходить странные явления. Несколько раз электрические всполохи ударили возле него, что было признаком неполадки в проводах, но он точно знал, что если бы избрал другое место нахождения, то определенно бы на собственной шкуре ощутил смертельный заряд в спину. Также однажды некий юродивый подошел к нему, сотворив крестное знамение, чертя две перекладины в воздухе. Старик твердил непонятные речи, мычание исходило из его аскезных уст, но Аспид спешно удалился из тех мест, умчался прочь. Что смог прозреть тот блаженный? Предвидел ли он в подкидыше великое зло или же предвестника зла, либо святого? Вопрос остался без ответа.

В терновом кусте было заведено ужинать в общей гостиной, в целостном семейном кругу. Вкушали хлеб насущный баронеты Дон-Эскью и их дети, также присутствовали за столом сестра баронессы и ее дочь Хлоя. Помимо господ за большим пышно накрытым и эстетично поданным столом сидели поверенный слуга-телохранитель Эстебан. И, конеч-

но же, Аспид.

Тот уже несколько оправился от прошедших потрясений больного сердца, чего не скажешь о других членах всеми уважаемой семьи. Сестры казались меланхоличными, с нездоровой привязанностью те глазели на Аспида, соревнуясь в невербальном, в неосязаемом обольщении. Потерянный осунувшийся Олаф не сводил глаз с гладкой в бликах поверхности тарелки, более не смердя пошлыми шуточками и вульгарными афоризмами. Ужин царил в молчании. Однако Аспид не сдержался, судейским тенором воскликнул, обращаясь к барону.

– Барон, смею заверить, вы жуткий эгоист. Почему? Да потому что вы издаете немало противных для слуха звуков, отчего начинает истекать всякое терпение. – говорил юноша, который не ведал о смирении, бесстрастие должно производить добрые деяния, но Аспид позабыл о том. – Вы настолько шумны, что мне уши закладывает от ваших постоянных всхлипов. Это ваше неповторимое шмыганье носом, хотя вы нисколько не больны, чихаете, так что сотрясается хрупкая конструкция дома, и всё это музыкальное безобразие вы творите по привычке. Ваше поведение противно каждому здесь живущему. Изображаете из себя хозяина, надутого самца, который всем оповещает о своем главенстве, особенно когда входите в помещение, начинаете громко сморкаться или чавкать. Вы грубы, самолюбивы до непристойности, деспотичны и наглы.

Но барон выказал сосредоточенную невозмутимость, лишь подрагивающая жилка виска и покраснение ланит выказали явное недовольство в его настроении.

– Со мной такие игры не пройдут. – усмехнулся барон. – Ты прав, Аспид, совершенно прав. Я главный в этом доме и все будут жить по моим заповедям.

– Главенство определяется отношением подчиненных. А они молчат из страха, но не уважения.

– Что вы все молчите, скажите ему, что он ошибается. – воскликнул барон обращаясь к родственникам.

Дети были скупы на слова, и только баронесса осмелилась высказаться по данному вопросу.

– Лютер, ты и вправду чересчур шумно ведешь себя за столом.

– И ты против меня. – удивился тот. – Так терпите, что я еще могу сказать. Смиряйтесь, как я смиряюсь с обществом Аспида. Который дерзит мне каждый день. Но что его ядовитые слова? – спросил у публики и сам же ответил. – Пустой звук!

Диалог был исчерпан, ужин продолжился в привычном однообразном ритме. Аспид более не ощущал в себе той прозорливой силы, потому несколько не затронул струны души барона, лишь усложнил себе задачу, ибо Лютер Дон-Эскью предупрежден, готов к нападению, значит укрепление его души защищено, что весьма затруднительно выглядит на данный момент.

Аспид ощущал безвременье, потому что он утратил чувство будущности, ранее двигаясь от одной намеченной точки до другой, он как бы жил отрезками, однако отныне жизнь ему видится сплошным пятном, одним днем настоящего.

Во время недомоганий он искоренил из себя блудные помыслы, девы ныне представлялись ему пречистыми шедеврами Творца, о которых невозможно помышлять дурными сентенциями, желать их или обижать их. Видимо та страсть юности занимает много места в душе, поэтому очистившись, он ощутил великое пространство, которое необходимо заполнить. Сбросив кандалы плотской страсти, иллюзорной мечтательности, он обрел покой, более его не тянуло к чему-то низменному, к чему-то непотребному. Но вот что странно. Аспид осознал, что многие его движения по жизни, его неосуществленные мечты, зависели от той страсти. Для чего он в первую очередь сломил девушку, затем вторую, для чего крутится, словно волчок вокруг Хлои, видимо с одной единственной целью овладения, познания. Его творчество, его мысли сводились к реализации накопившихся чувств. И вот теперь, когда страсть заточена в темнице его души, освободить которую может искушение, Аспид обрел истинное состояние жизни без греховных двигателей, более он не торопится жить, и его действия имеют высшую цель, без порочного подтекста. Но, увы, для познания сей мудрости, ему предстояло познать приближение смерти, ее холодное дыхание возле юного сердца, ему предстояло утратить

много сил, десятки лет жизни пронесли за роковую долю секунды. За мудрость Один отдал глаз, а Аспид пожертвовал юностью, обретя седину в волосе. Время для него застыло, и он словно вечный страж своей души, испытывал бесконечность неизгладимых чувств, в несравнимом по чистоте ореоле возвышенности. Его жизнью двигала иная сила, непорочная детскость с седеющей душой, он прозрел очищением, потому врожденный яд на его устах, будто иссох, осталось лишь нетерпение.

И уже к Эстебану Аспид обратился уже обыденно, без какой-либо недосказанности, без скрытых мотивов.

– Эстебан, я слышал, что ваш народ весьма воинственный, кипучая кровь влечет ваших собратьев на фронт или в постель к женщине. А вы сторонитесь зла, словно отрекшись от племени своего. Подскажите мне, как так вышло?

– Всякое насилие от лукавого. – ответил ему слуга. – Оно недостойно описания.

– Совершенно верно. – согласился Аспид. – Но ваши собратья не солидарны с вашим мнением, они почитают силу, как мерило всего. Глаз за глаз – девиз смертной казни, гимн всякого человека берущего оружие в десницу свою. Так люди казнят сами себя. Однако вы не страшитесь показаться слабым в пытливых очах ваших соплеменников и родственников. Поэтому вы уехали с востока? Значит, те люди ошибаются, живя в постоянных распрях и межрасовых стычках?

– Я поставляю вторую щеку под удар, и оступившийся че-

ловек видя мою веру отказывается продолжать злодейство. – сказал Эстебан и добавил. – Аспид, ты пытаешься уличить меня в слабости, но у тебя ничего не выйдет.

– Потому что вы сильны, раз поступаете не так, как дикая толпа.

Эстебан нахмурился.

– Впредь не дерзи во время ужина, не порти хозяевам аппетит. Помни, что это я внес тебя младенцем в этот дом, посему будь уважителен к моим летам и к летам господ Дон-Эскью.

Аспид не стал пререкаться, а смерил усталые уста добротной мыслью.

Дождливой поступью надвигался муссон, предвещая заморозки и сбивчивые перемены в погодных явлениях. Аспид спешил уединиться, бесшумно ступая в темные комнаты, освещенные белыми квадратами окон, казавшиеся столь туманными, столь одинокими. Юноша мучился душой, ибо совсем недавно он готовился покорить весь мир, а сейчас те безумства улеглись, они спят. Куда подевался тот вольный накал страстей, вспыльчивая одержимость поглотить чужие умы, их желанья, даже их жизни. Завладеть всеми сторонами бытия, лишь изначальным словом, единым словом. Словно изваяние он теперь, памятник своей мечты, и всякий вздрившийся на сей валун неколебимый, обретет надежду, может ему удача улыбнется, раз не побывала в этой ничтож-

ной жизни. Может еще не всё потеряно? Но Аспид осознал свое безумие, ведь он различает людские души, в которых нет подобных помыслов, или те безумства ведает лишь Творец. Они не любят быть наедине с собой, ведь тогда им приходится просматривать диафильмы своей жизни, и увиденное зрелище, расстраивает их, потому они спешат найти поддержку у столь же несчастных людей. Однако пред Аспидом зримой поволокой светоча явился мираж, неясный облик счастливого человека.

Нищий калека в инвалидной коляске подкатил к юноше посредством воображения. Если я пройду мимо протянутой руки, значит и я, однажды вопрошая, не возьмею милость – припомнил Аспид свои тогдашние размышления. Счастливый человек видимо был парализован в ногах, его руки двигались, словно самостоятельно, толком не вникая в посылаемые сигналы души, потому его длани хаотично вращались, изгибались под страшными углами. Запрокинув голову, калека взирал в небеса, вокруг его рта запеклись кусочки пищи, ибо нищий не способен ухаживать за собой. Но вот в руке его зажата денежная купюра, но он не знает что это такое, бумага, и только. У него правильные мужественные черты лица, но дева не прельстится его красотой, ибо не различит в нем нечто прекрасное. В лице его невинность, неподдельная святость, которой лишен Аспид. О, и ты лишен гордыни – завидовал ему мечтатель. – Вокруг тебя проходят мимо толпы людские, они поглощены своими насущными или

будущими проблемами, они борются со страстями или упи-
ваются ими подобно самоубийцам. Молодые люди жаждут
любви, о как они рыдают, когда неудачливы в отношениях
с противоположным полом, они спешат учиться, дабы обре-
сти достойное служение, они словно обществом заведенные
куклы с помощью ключа сребролюбивого корня всех зол,
они спешат обогатиться, впечатлениями, чувствами, эмоци-
ями, удовольствиями, знаниями, вещами. А ты, блаженный
нищий, благостный бессребреник, велик в моих очах. Тот,
кто имел и роздал, вот кого величают достойными нищими,
но более достойны те, кто не вкусил богатства, ибо потеряв
дорогую вещь, в том человеке остаются воспоминания, сла-
достные искушения, а во врожденно нищем, есть чистота по-
мыслов, в которую может проникнуть зависть. О, и ты ли-
шен завистливых дум. Ты для меня немислим, ты более бли-
зок мне, чем все те смехотворные люди. Их красота явствен-
на, твоя же красота таинственна, которую могут разглядеть
лишь немногие. Твоя мудрость понятна лишь мне, твое вы-
сокое предназначение почитают бесполезным, ибо непости-
жим смысл твой. Вот я встретил тебя, и моя мысль отны-
не полнится тобой. В тебе нет признаков обыденной жизни,
ибо ты истинно живешь. Прохожие думают, что в тебе нет
и зародыша мысли, ты якобы только исполняешь потребно-
сти своей немощной убогой плоти, но насколько велико они
ошибаются. Но ты подобно мне созерцаешь их души, кто по-
даст тебе, а кто откажется. В тебе куда больше разума, чем

во мне. Моя мысль разрушает меня, сокрушает и вновь собирает по осколку. Твоя жизнь проистечет в чистоте, ты буд-то Ангел, может быть, ты и есть вышнее эфирное создание. Ты преследуешь меня, ибо ведаешь, насколько ужасен я, во мне нет и доли той благородной доброты преисполненной богослужением. Я усыпил блудную страсть помыслов, но в любую минуту она может очнуться, всю жизнь мне ковать замки на плоть мою, кандалы для членов моих, но ты свободен, истинно свободен, и в том истинное счастье. – Аспид дирижерским мановением руки растворил призрак в световой дымке, отчего песчинки пыли закружились смутно плывущими звездочками.

Далее Аспид выходит в сад, дабы освежить мироощущения, посредством сближения с невосприимчивым для суетного ока миром. Та его чудовищная плотская страсть погасла подобно неверной луне, посему внезапно рассвело. Отныне он осознал, что его самолюбие нарастает для оболыщения женщины, для самоуверенности, а его ненависть к самому себе также вызвана похотью, ведь почему он не любит себя, потому что женщины не видят в нем достойного внимания человека, всё сходится к уничтожающей страсти овладения девой, к потере девственности. Будто каждое чувство и переживание создано только для этого. Но вот дьявольские козни сломлены, его любовь, его самобичевание не связано со страстью. Он не будет обогащаться деньгами и вещами, чтобы удивить женщину, не будет учиться, чтобы заинтересо-

вать женщину, не будет творить, чтобы возвысить женщину, это несчастная подделка, а не жизнь, но люди слепы, и не понимают для чего, они что-либо делают. Аспид освободился, и та свобода лишила его многих радостей, пускай мнимых, но радостей, он освободился от тирании плоти, раскрыл все уловки тела своего, те сети коими оно опутывает душу. Ведь душе безразличны ласки прикосновений, общественное положение, душа лишь просит чистый сосуд неоскверненный блудной женщиной, обращение к Творцу, молитвенного диалога, и одну невозможную неосуществимую мечту, дабы бессмертие души было деятельно мечтательным.

О как свободно он дышал, вдыхая свежую сырость, последние флюиды состарившейся листвы.

Аспид близко приблизил глаза к скоплению листочков на тонкой веточке вишни, он рассматривал тончайшие прожилки, подобные венам, ребристый контур листа с точными очерченными уголками заморозил его взор, тот глубокий зеленый цвет, на поверхности которого собирается влага, через край стекает капелька, прозрачная, рудниковая. Однажды озорной ветерок качнет веточку, и капля подобно слезе упадет на землю. Потому Аспид вкусил другую каплю, но та не обладала солоноватым вкусом. Нет, это не слезы. Ибо слезы должны быть горьки.

Некогда страсть подпитывала его восхищение красотой, для сохранения для познания той гениальной изящности, но отныне он видит первозданную красоту девственно, ибо лю-

бая женщина родилась невинной, значит и красота девы целомудренна и мысль о пороке не может возникнуть в его упокоенной душе. Люди совершают преступления, люди совершают подвиги, лишь бы утолить эту ненасытную страсть. Вождение подобно чуме охватывает молодые плодородные побеги, и не скрыться от ее весеннего натиска, болезнь передается через воздух сотрясаемый устами раскрепощенных циников, передается через зрение, ибо девы позабыли стыдливость, пораженные язвами они выставляют их напоказ, предаваясь демонстративной нагоде. Но Аспид излечился. Ныне он ребенком взирает на листочки, словно видит их впервые, ибо страсть заполняла всю его жизнь, все его желания, а теперь дурманная пелена спала с его неискушенных очей, ничто боле не тревожит его ум.

Высокая яблоня сохранила свои наливные плоды, они красными шарами висят высоко-высоко, кои не достать рукой, но можно встряхнуть древо. Однако Аспид не станет в этот раз нарушать то безмятежное цветение.

Как могут в нем уживаться два параллельных дара – созерцания и сокрушения. Он способен наблюдать за миром, может управлять им по своему усмотрению. В нем зиждется внешнее безмолвие, за которое люди порою осуждают его, и внутреннее многоголосье, умственное пение, за которое люди часто корят его. Им ненавистно само его существование, он пришелец для них, пришедший странником из земель незанесенных на карту. Кто ты – читает вопрос в их

зрачках, но путник и сам обречен на незнание имени своего чудесного естества.

Красота осени неподдельна, та разноцветная царица не стремится понравиться, согреть, баловать, ее наряды временны, ее преображенная суть поэтична. Золотая поэтика в печальном созвучии меланхолии дождя, призывает спать, дабы духовное восприятие облегчить от летнего страстного зноя, который столь изнурил плоть желаниями и голодом, а душу поражениями и неудачами. Осенью свыкаешься с тем пресловутым голодом, земное бытие становится чуждым, дух воспаряет, ибо более он не отягощен прахом увеселений безрадостных.

Безмятежное мудрование Аспида сливалось воедино с изморосью плакучих ив, пожухлых берез, его уносила просветная даль угасающего светила, та певучесть древ завораживала напевными требами под милостивым гнетом запоздалой лагуны бледности, столь невзрачной, столь ослепительной до скончания дождевых потоков, смывающих ту неподдельную мрачность. Проступают ярчайшие цвета, словно радуга распалась на мириады бликов, кои игриво ласкаются с влажными изгибами столь привычной пространственной флоры и фауны. Манит горизонт дальностью, одновременно притягивает взор близостью, взгляни и ты пожухлый свет, ищи себе пристанище. Чертоги пустеют, скоро набьется перина в те кладовые, и все уснут, во власти неизбежности конца, это крайняя ступень, и можно предаться лишь созерцанию или

забвению чрез падение вниз, падая, ощутишь каждый пройденный шаг, а в созерцанье есть лишь данность первопричины, данный день безвременный, безропотный, бесстрастный.

Прекрасное видение сковало его отягощенный разлукой ум, подчинило безответное сердце, заморозило нераздельную душу. Если он избавился от страсти, то для чего ему девушка, что интересного в ее гибких линиях, нежных формах? Должно быть, беспорочная красота, созданная Творцом для платонического вдохновенья. Что испытывает он к ней? Возвышенную целомудренную страсть бесстрастную. О, и это больше жизни, о и это выше любви.

Хлоя стояла рядом, почти не шевелясь, она, робко пленяясь, слушала внутренний голос Аспида, непостижимо знакомый, рвущийся из его безумных глаз, дыхания, вен и сердца.

– Думаешь, ты гениален? – спросила девушка. – Когда у тебя столь простая душа.

Аспид, не отвлекаясь от тактильного мироощущения, вербально испустил звук, показавшийся ему чужеродным в этой гармонии природного молчания.

– Я устал от самого себя. И та усталость подобна страданию.

– Тогда я знаю, что разбудит тебя, что оживит тебя. Гостиная полнится господами и дамами, которые жаждут твоих напутствий по случаю отъезда и зачисления Олафа в вооруженные силы королевства. Только вообрази, как ты можешь нарушить ход их планов. Сломи наследника окончательно!

Юноша сорвал засохшую почку с веточки и протянул девушке.

– Я посадил в нем семя правды, и оно не даст ему впредь отступиться.

– Пойдем, проводим его, раз ты столь самоуверен. – сказала Хлоя невзирая на его скромное подношение.

– Постой. – обратился к ней Аспид. – Выслушай меня, куда я в здравом уме и в твердой памяти. Ты желаешь изменить меня, но кем я буду тогда, нормальным или ненормальным? Ты не можешь принять меня таким, каков я есть. И я не смею мириться с твоими ошибками. Не потому что мы разные, а потому что мы схожи. И эта похожесть притягивает и одновременно отпугивает. Поэтому в тебе есть нечто неземное, то, что я не в силах понять. Ты подобна тому великому чувству, что зиждется во мне сверлящим пламенем искр, которые не обжигают, но колются. – Аспид поник челом. – Моя речь приобрела бессвязность, ибо, когда я ступаю на тропу своих гулких сердцебиений, до меня доносится лишь песнь, схожая с твоим голосом. Ты зовешь меня, туда, где мне нет места, куда я еще не призван. Я раньше думал, думал много, но сейчас, мне достаточно и одного взгляда.

– И что ты видишь? – спросила Хлоя.

– Облик любви, усмиривший светоч свой, ради моего благоговения. – он умиротворенно вздрогнул. – Ты права. Я не гениален. Но дух гения во мне, дарующий мне жизнь и мысль, воистину гениален.

– Любовь. Она в тебе?

Но Аспид не ответил, уж слишком и так много слов он высек из своего окаменелого языка и небогатого лексикона. Слова не могли выразить его чувства, как и чувства не умели сочинять.

В доме центром всеобщего внимания стал Олаф, тот хвастался военным мундиром, а баронеты радовались своей умнейшей, как им казалось, идее, поместить сына в военный гарнизон, как бы долой от преступлений, спекуляций и всевозможных вымогательств на денежной почве. Олафа просто-напросто лишали уличной свободы, но давали свободу армейскую, славившуюся дедовщиной, патриархальным высокомерием мужественности и поклонением насилию как богу справедливости или возмездия, обогащения и величества. Тот бог правит обритыми манекенами, наряженными в последнюю коллекцию ограниченного в воображении кутюрье, и с важным видом те вышагивают по хладному трупу индивидуальности. Их личность предана военным жрецам, которые проповедуют им азы нанесения ран, боли, они гордо, порою любовно глядят оружие, которое несет лишь смерть и разрушение. И в такие ряды пожелал поступить Олаф, дабы высвободить все свои пороки там, в том обществе, где его поймут, где драки будут прославлять его, а шрамы украшать, постельные засечки будут приемлемы, и даже будут считаться героическими в пытливых очах сослуживцев. И Аспид ве-

дал о том, но не говорил лишнего.

– Насилие есть зло, в любой своей личине и ипостаси. Я слышал, как священники оправдывают насилие и даже смертную казнь, и это значит, что некоторые пастыри церкви подчинились воле мирского правительства, и позабыли об Истине. И если пастыри лукавы, то каковы агнцы? Не взирайте так испуганно, я не намерен вас осуждать или отлучать от мира сего. Однако куда ближе нам Царство не от мира сего. Вас обманывают патриотизмом, саму страну возвышают как смысл человеческой жизни. Будто эта земля дороже жизни. Знаете, а для меня капля человеческой крови или слезы, куда важнее всего мирового океана. Пусть рушат города, пусть сжигают, всё это прах, который умирая ничего не чувствует, но человек, испытывает боль. Оружие это неверный человеческий выбор, жаль мы познали это на деле и так и не научились на ошибках. Хлоя говорит, что я малодушен. Может быть, поэтому я не в силах понять, как можно брать оружие в руки, как можно стрелять из него или фехтовать им, как можно ударить человека, всё это для меня крайне невыносимо. И только подумайте, нас заставляют совершать зло, нас учат злу. Сам Господь указывал о греховности гнева. Но кто вы, нежелающие подставлять вторую щеку?

Все оторопело слушали речь Аспида, Олаф поник, а барон ухмыльнулся вслух.

– Потому что ты слаб. Твой Бог, имея всемогущество, влачил орудие казни своей, и прощал тех, кто поносил Его.

Также и ты готов терпеть унижения, но мы мужчины, не позволим каким-то там пацифистам, лишать нас заслуженной забавы. Мы рождены побеждать, устрашать и покорять. А ты щуплый нецелованный девственник, что ты знаешь, об инициации в мужчины. Аспид, ты как всегда жалок, но твоей слабой натуре это простительно.

– Значит, у меня есть то, чего нет у вас. Целомудрие, девственность, тайна поцелуя. Чистота плоти без крови на ней людской и животной. Я не утратил благодать, дарованную мне свыше. Ибо наш Спаситель девственен, безгрешен, совершенен в Истине. Разве жертвуя собой, человек не отрекается от суетности? Господь прощал, и в том Его величие, в том суть Его божественности. Его слова божественны, ибо прочитайте свою душу, дабы осознать, что вы ни на йоту не приблизились к той мудрости. И в этом доме слуга мудрее господина. – тут он снова обратился к Олафу. – Вы хорошо запомнили мои фразы, они вам еще пригодятся, когда искушение постучится к вам в дверь. Замки и засовы вам известны, более я ничего не скажу. Я исчерпал все силы поучать вас маловерных.

– И правильно делаешь. Нечего Олафу морочить душу твоими выдумками. – гнусаво подтвердила баронесса.

Аспид отрешенно не замечал их пустяшные выпады, ибо ведал, Олаф скоро вернется, наскоро изменившись, отринет их цинизм, их многочисленные заблуждения.

Хлоя в этот раз не дулась, не протестовала. Ибо Аспид обрел умозрительную вдумчивость, которую невозможно осудить и ей нравилась та отрешенность.

Отныне она часто видела его в храме, стоящего пред иконостасом, росписями с изображенными на них святыми. В свете свечей выступала его мрачная фигура, почти призрачная, словно грешник вырвался из геенны, дабы совершить хотя бы одну добродетель. Вдыхая воскурения ладана, он смягчался помыслами, но мучился вопросом. Рождаются или становятся люди святыми? Однако пути Господни казались неисповедимы.

Подобно Ангелу, Хлоя возникала позади него, трепеща огненными крыльями, шептала молитвы, касалась его плеча своим плечиком и тихо говорила.

– Мне суждено нарушить твой покой одним взмахом крыла.

“Она говорит о взаимности любви” – мечтал он. – “Ибо любви нужны два крыла, и одно есть у меня”.

Но Хлоя излагала иную мысль, то, о чем Аспид уже успел позабыть.

– Я верну тебе яд. – прошептала она, а он вздрогнул, прикрыв отяжелевшие веки, дабы скрыть нарастающее хладное неистовство в своей измученной душе.

Аспид созерцал блаженный лик Спаса Нерукотворного и вопрошал у Господа, источая крохотные слезы – почему Ты не забираешь меня, почему терпишь меня, на что мне зна-

ния, если я не смею употребить их во благо, почему люди не слушают меня, не понимают, для чего Ты создал меня таким невозможным, сотворил творцом, почему я не могу быть как все творения Твои, я говорю людям о добре, а они в ответ ненавидят меня за Истину, изгоняют за правду. Аспид созерцал невинный лик Богородицы, и вопрошал – мне ли напоминать людям о чистоте душевной и телесной, мне ли проповедовать девство, мне ли укорять их за неправду. Уходя, взывал к Святой Троице – каково бремя мое?

Но иконы безмолвствовали, лишь совесть говорила с ним, и он слушал ее со вниманием неподдельным.

– Ты гений – и это трагедия жизни твоей. – шептала Хлоя, а он всё сильнее жмурил глаза лишь бы это видение собственной беспросветной жизни растаяло, будто его никогда не было, словно он, никто.

История девятая. О свидании и о мистическом восприятии действительности

Однажды мальчик задумал взять прозрачную банку из-под маринованных огурцов, затем поместить в тару картофельные листочки и посадить туда же четырех жуков. Насекомые на удивление скоро прижились в банке, охотно вкушая зелень. Вместо крышки поверх была натянута марля для воздуха обитателям сего террариума, который находился на улице, чтобы солнечные лучи проникали в сосуд. Вскоре жуки начали зачинать деток, самки откладывали желтые зернышки на обратной стороне листочков, из коих вылуплялись личинки. Мальчик долгое время наблюдал за ними, за их скучными жизнями, потому что сам тосковал, находясь летом в деревне у бабушки, ведь он здесь всегда один и не может придумать себе новое занятие, а жуки уже надоели. Потому вскоре высыпал жуков на травку, вернув тем самым их в реальный мир, ибо был расстроен, тем, что находясь в замкнутом однообразном пространстве, созерцая реальность через стекло, они не отступились от своих потребностей. Мальчик хотел почувствовать себя Богом, но не сумел, ибо не он сотворил тех насекомых, не он даровал им

жизнь и потому не ему лишать их жизни. Мальчик посмотрел на ясное небо. Должно быть, сейчас и Творец наблюдает за ним.

Именно тогда мальчик решил жить во всем Мироздании, во всей Вселенной, а не в замкнутой банке страны или города, он будет любить и тех, кто рядом и тех, кого он не знает, будет любить всех без исключений.

Ты будешь мною гордиться – пообещал мальчик Творцу.

Помимо псалмов, Аспид интересовался загадочной книгой, которую если верить слухам, даруют всем священникам, дабы те были готовы ко всем предреченным судьбоносным катаклизмам. Та малая книга носила на своих страницах достоверные пророчества о веке грядущем, что весьма занятно звучит. Но Аспид не удосужился усомниться в ее подлинности, поэтому поиски его оказались напрасны, заветную книгу скрывали, берегли будто музейный экспонат.

Всё чаще Аспид находился в обществе Хлои.

Однажды нескромно печалась, он подсел рядом с девушкой на промерзлую скамью, начав изливать пред нею измученную уставшую душу свою, ибо за последнее время он сильно состарился ею.

– Иногда мне чудится, будто я не был рожден, а был сотворен именно таким взрослым. У меня нет родителей, я всегда был таким и всегда буду.

Время тягучей меланхолии завладевало Аспидом в бе-

лоснежную зимнюю пору. Ему было странно слышать, что Хлое нравится зима, а ему она претит. Да и вокруг все стали, словно дрессированными собачонками, потеряв всякую занятность. Окромья Хлои никто не воспринимал его всерьез. Посему он льнул к девушке, и та притягивала его мелодраматичной скрытностью и потусторонней загадочностью, нечто иносказательное являлось в ее поведении и в отношении к нему.

Они вернулись в дом, чтобы согреться и просто говорить.

Положив голову на бок, прижавшись щекой к поверхности письменного стола, Аспид взирал на движение глаз Хлои, строфы книги, видимо, увлекли ее. Дочитав до следующей главы, она ответила на его речь вкрадчиво, в этот раз без странностей, но судьбоносно.

– Я могу уверить тебя в обратном. Женщина, которая тебя явила на свет, мне хорошо известна, даже очень.

– И ты познакомишь меня с нею. – не удивляясь проговорил Аспид, ведь девушка всегда твердила о неких чудесах, что ж, можно и поверить ей в этот раз.

– Вы встретитесь, но боюсь тебя ожидает разочарование. – говорила она. – Пойми, она оставила свое дитя на попечение другим людям с умыслом облегчения своей трудной жизни. Ты стал для нее обузой, бременем тяжким и проблемным, потому ты оказался здесь на правах подкидыша.

– Мне многое ведомо. – перебил ее Аспид. – Не надо по-

дробностей, только намеки где мне найти ее.

– Отправляйся в город, отыщи Серебряную улицу, та, что скрыта покровом ночи, там по обыкновению зажигаются красные фонари, призывая одиноких мотыльков на падший пир. Именно там ты повстречаешь свою матушку. Только оденься в плохую одежду, лучше позаимствуй у Эстебана несколько вещей, распусти и спутай волосы, так ты станешь, хотя бы немного похож на нищего, но зажиточного человека.

Безусловно, Аспид обрадовался утешительной вести, но восторг его был недолгим. Его сердце леденело, черные струйки, струящиеся по жилам, текли медленно, вязко, выжидая удобный момент поглотить его плоть и его душу. Более он не читал, не изучал, научившись распознавать человеческие устремления, он мог отныне с точностью архитектора определить, где именно люди заложат первый камень мысли, что извлекут из себя, а что выстроят вновь.

Ему стали известны причины возникновения различных теорий и учений, все человеческие оправдания и заблуждения, цинизм, весь гуманизм, и добродетельное милосердие, он видел всё, различал человеческие слабости и силу. И потому он изнывал от переутомления, усталость навевала скорбную тоску. Многие люди живут, обучаются на ошибках, пытаются понять друг друга, а он, Аспид, уже подробно мысленно изучил жизнь, и в бессмертье, подобно нетленному духу взирал на них, и то бытие казалось ему слишком долгим, чересчур мучительным.

Хлоя решила подбодрить его.

– Ты мог бы заполучить любую девушку. Они прельстятся твоей красотой, которая угасает без женского тепла и внимания, без женской ласки и любви, ты, Аспид, стареешь, в тебе умирает молодость. Они заслушаются твоими речами, восхитятся твоим умом. Покажи им, что ты творец, и они обоготворят тебя. Для чего ты проводишь время со мной. Для чего любишь ту, которой ты безразличен, для которой ты ничто, воспоминание, которое стоит предать забвению.

– Предположим, я познаю их, увижу впервые их наготу, впервые мои уста познают таинство поцелуя. Но что даруют мне те знания? Они лишь отнимут чувство тайности, ту вуаль святости, у меня пропадет интерес к девушкам, ибо я перестану удивляться. А не быть удивленным жизнью, значит быть мертвым. Я видел на картинах обнаженных девушек, и может быть, без одежд вы таковы во внешности как изобразил художник, красивы, каждая часть вашего тела прелестна без изъянов. В душе же человека я нахожу неточности, я дополняю их. Но в твоём теле я бы ничего не изменил, ибо всё идеально по сотворению, в чистоте. Творец создал прекрасный сосуд для души, великолепны формы, изгибы, линии. Но может быть в реальности вы не таковы, ведь я не созерцал вашу наготу, только на картинах. Может быть, на самом деле вы ещё прекраснее, или ваше тело имеет вовсе иное строение. О эта восхитительная тайность. – он грустно ухмыльнулся. – Теперь ты понимаешь, Хлоя, как важно для ме-

ня непонимание и незнание. Это агнозис. И это вдохновляет меня. – говорил Аспид не спуская пронизательных светлых глаз с Хлои. – Твоя нелюбовь ко мне временна, ведь ты сама предрекла себя последней в списке моих побед. Остались лишь баронеты и слуга. Затем придет и твой черед. Ты только дождись. – Хлоя улыбнулась его словам, уж чересчур самонадеянно они повествовались.

Однако одной тайне было суждено раскрыться.

Серебряной туманной рябью на город опускался зимний вечер. Одетый в дешевый заштопанный черный камзол, юноша мерно направлялся к назначенному месту. Предвкушение граничило в нем с отвращением. Влекомый тяготами познания, он устремлялся в неизведанную часть города, пытаюсь вникнуть в сбивчивую неизвестность. Что сулит поиск, каков станется итог? – он постоянно гадал, но не догадывался.

Он встал на мостовой, ожидал явления своей беспутной матери. И та вскоре пришла в назначенное время. Стройный женский силуэт пронзал барьер тумана. И вот приблизилась она, дева в коричневом платье гувернантки.

Явилась Хлоя.

– Пришла сотворить честно-сердечное признание во лжи? – разочаровано спросил у нее Аспид.

– Я обещала тебе свидание с мамой. Разве ты не ощущаешь ее несравненный аромат. Всколыхни воспоминания, и

они подскажут тебе верное решение. – ответила Хлоя.

И вправду, дивное благовоение расточалось где-то совсем близко. Однако юноша, осмотревшись по сторонам, заметил только одинокую даму в вульгарном наряде.

– Вот о ком ты говорила. – воскликнул Аспид и поспешил на свидание с той женщиной.

Хлоя раздосадовано промолчала, а только стала наблюдать за ним издалека.

Дама притягивала взор прохожих своим ярким вызывающим макияжем, легкой нетривиальной манерностью, широтой восприятия столь ценимого ею материального мира. Завидев молодого человека, она навязчиво обрадовалась и незамедлительно поступилась к клиенту, заведомо искушая всеми своими видными достоинствами.

– Желаете позабавиться! – воскликнула дама легкого поведения. – Столь юные джентльмены ко мне не часто захаживают, что весьма прискорбно. Может вам обходительнее и приятней будет познакомиться с юными прелестницами нашего заведения. Они мастерицы ублажать всевозможные мужские прихоти. – неподобающе говорила дама.

А Аспид оторопел, испытующе воззрившись на нее. Пытался понять, как эта падшая наглая женщина может быть его матерью, хотя она явно способна бросить его умирать под колесом кареты. И что прикажите чувствовать ему сейчас – любовь или ненависть, уважение или пренебрежение, почитание или оскорбление? Но пока он обдумывал, дама увле-

кала его невидимыми дурманными фермионами, ее сладострастный нрав вызывал антипатию, отторжение, противоположность чистоте не внушала доверия.

Вот они уже миновали квартал рыболовов, вот показался увеселительный дом. Они зашли за угол. Скрипнула дверь. Вот они уже в небольшой комнатке невзрачного вида. Спертый воздух вызывал приступы подагры, ибо всё тело хотело убежать из этих злочных мест. Дама расстегнула меховой ворот на платье, изливая душу молодому повесе.

– Многие думают, что нами движет жажда обогащения, но на самом деле нам это нравится. Я простая женщина, которая любит получать удовольствие. Вот и всё.

– Любите чувствовать самим нутром плоти и эфиром души как эти мнимые радости убивают вас. – сказал ей Аспид, но та не ответила ему наказав поспешить раздеваться, но он оставался недвижим. – Всех людей обуреваемых страстями, особенно блудников, объединяет одно общее желание – покончить с собой. Это самоубийство медленное, сладостное. Вы желаете быть вожделенной плотью, желаете убить свою душу. Ибо вы разочаровались в себе, разочаровались в любви, потому сеете вокруг лишь разврат.

– Я кажется, разгадала ваш благочестивый умысел. – засмеялась дама. – Ну же, не надо больше скрываться. Вы пришли из церкви, дабы спасти мою грешную душу. Но боюсь уже поздно, где вы были раньше мой дорогой церковник, когда я погибала от голода. Потому вам лучше уйти. – она не

разгневалась, словно эта ситуация даже развлекла ее суровые будни.

– О, время жатвы еще не миновало, поэтому позвольте мне остаться. Ведь покуда вы живы, вы способны исправить-ся. – говорил Аспид. – Однако не обессудьте, я явился в это мерзостное место не за вашим вразумлением. Я желал увидеть, где и как живет моя мама.

Дама удивилась.

– Простите, но у меня нет детей. Поверьте, я бы определенно заметила беременность, тем более схватки и роды.

– Неужели не вы подложили новорожденного ребенка под колесо кареты? Неужели не узнаете в том младенце, ... меня.

Занервничав, она заперла дверь комнаты на две щеколды, дабы посторонние уши не вызнали ее секрет. Потому наедине с Аспидом она стала искренней, вся ее напыщенная манерность улетучилась вслед за последними струйками свежего морозного воздуха.

– Не знаю, откуда вам это известно. Но настолько давнишнюю историю я никому не рассказывала. – говорила дама начиная краткий эпизод из своего прошлого. – Помнится, в ту ночь я сильно напилась и укрытая под пиджаком не слишком обходительного ухажера, лежала где-то между торговых лавок. Ясное дело, меня никто не тревожил. Таким простым образом я отсыпалась после изрядного кутежа. – она поперхнулась. – Внезапно меня разбудил женский голос. И я различила в поволоке сонливой ряби девушку. И на руках ее по-

коился новорожденный младенец. Не знаю, то ли меня мучили пьяные бредни, то ли это было на самом деле, но свет там был, такой нежный, такой невообразимо ласковый. Она попросила меня положить сей дитя в карету. Я послушалась. Не знаю, кто лишил меня последнего разума. Видимо та девушка хотела избавиться от вас, и я решила ей помочь, в ту пору я была рьяной поборницей устаревшей морали и заостенелой нравственности. Или потому что девушка была такой худенькой, бледненькой, что мне стало жалко ее. Но про гуманность я не позабыла, потому решила положить вас в багаж, где вас обязательно отыщут, но она почему-то наказала засунуть вас в палое отверстие над колесом. И смею вас заверить, я впервые вижу столь необычного человека, ведь вы смогли выжить.

Аспид не спешил комментировать услышанное, столь личное, столь жизненное признание. Словно он подслушал исповедь. Посему был сокрушен и крайне озлоблен. Тайна его рождения лишь углубилась в неведение. Он хотел уйти, ибо его мысли замелькали с невозможной частотой колебания. Его душа рвалась. Но уста изрекли соображения иного плана.

– Благодарю. Я выслушал достаточно. А теперь я не намерен тратить драгоценное время на человека, который сдался. Ваши удовольствия всего лишь иллюзия. Ваш взгляд выражает то, насколько сильно вам опротивело всё это. Вы льнете к мужчинам, желая от них любви, заботы, но им нужна толь-

ко ваша плоть, душа ваша безразлична им. В ваших туманных очах рдеет порок, который старит и лишает красоты любую женщину. Вы самоубийца, который завис над пропастью в горизонтальном положении, если даже я протяну вам руку, я не смогу перевернуть вас, достать из той лживой трясины. Вам поможет лишь чудо, которое желает вашего согласия на исправление. Прошу, прекратите убивать себя, начните наконец истинно жить. – вымолвил на прощание Аспид.

Он ушел из порочного дома, сюда он никогда не вернется.

Словно опьяненный слабоумием он вернулся обратно к мосту, где воздух посвежел, где мысли странно возвращаются в обыденное русло. Подавленный и униженный, не заметил, как вступил в плотную стену зловещего тумана. Отчего начала кружиться голова, все его чувства разом ослабли. Движимый лишь чутким биением сердца, он, не оглядываясь, двигался эфемерной ощупью. Отовсюду доносился девичий смех, затем ее голос начал мучить его, ее изощренные пытки были болезненны для его томящейся отчаяньем души.

“Ты внял истории своего рождения. Неужели до сих пор ты величаешь себя правителем мира, царем земным на руках блудницы. О как ты жалок в ничтожестве, таковым и останешься навеки вечные”. – шептал туман. – “Ты веришь в свое божественное высшее предназначение, словно Творец направляет тебя по стезям Истины, ты полагаешь, будто весь этот мир создан исключительно для тебя одного. Но ответь

мне, Аспид, разве ты слышал святой глас Бога, разве ты беседовал с ним? Безусловно, нет. Ведь ты избрал свою волю, ты живешь по своему желанию. Ты постоянно чувствуешь черноту одиночества в своем сердце, в самой своей крови, ведь тебя все ненавидят, твои вопросы останутся без ответов, твоя любовь, безответна, для людей ничтожна, как и ты сам. Вселенная молчит, ибо ты ей бесполезен”. – голос потусторонний нарастал по мере возрастания отчаяния в Аспиде. – “Ты бессовестно проникаешь в человеческие души, создаешь их и ломаешь их. Но спроси себя – для чего? Ради славы и почета, нет, тебе чуждо тщеславие. А может быть, ты просто завидуешь им, всем тем людям. Их любят, они умеют любить, а ты, Аспид, ненавидишь самого себя и людей за их счастье, потому так неистово жаждешь разрушить их благоденствие”. – туман пронзительно вскрикнул приняв чудовищные ужасающие формы. – “Ты чудовище. Твой корень – гордыня, вот то зло, что льется кислотой по жилам твоим, наполняя маленькое сердце непомерной злобой”.

Аспид разгонял пелену безумия руками, пав на колени, кричал.

– Прекрати мучить меня! Не смей понукать мною! Трепещи от грома гласа моего!

Зловещий голос стих, его сменил нежный фальцет Хлои, та склонилась над ним, над сумасшедшим, ведь вокруг лишь заснеженная улица и тишина. Девушка разгладила его спутавшиеся волосы.

– Аспид, ты словно страдающий мотылек, летящий во тьму, тебя привлекает сумрак, но это ад, где ничего не видно и не слышно, ад – это одиночество. Ты много говоришь о вечной жизни, о Небесах, но на самом деле ты жаждешь забвения, ты не хочешь вечно быть таким, вечно мучиться от собственных мыслей своей безумной души, неисполнимых желаний, не желаешь вечно страдать из-за безответной любви. Но душа бессмертна, и тебе не скрыться от себя. А в Царствии Небесном нет всей этой суеты, глупых переживаний, там нет боли и нет страданий. Но страдания стали твоею сущностью и ты уже не можешь отказаться от них.

– Значит я в аду? – простонал Аспид.

– Да, и он в твоей душе. – ответила Хлоя.

Юноша истерически стонал, дрожь панически приковывала его к сырой земле, он окончательно обезумел, и в том безумии, было явлено его величие.

Аспид отстранился от девушки, молниеносно вскочив.

– Достаточно лжи! Я знаю кто ты! Хватит прикидываться овцой в волчьей шкуре. Вы своей ненавистью порождаете из змея, омерзительного дракона, который пожрет вас, опалит вас уже не ядом, а пламенем смертельным.

– Только я ведаю твой истинный путь, твое будущее испытание. – говорила Хлоя.

Аспид зашипел, рассмеявшись страдальческим смехом. В рьяных конвульсиях он вышел с мостовой. Убрал руки за спину и уверенно как прежде, произнес речь весьма реши-

тельную. Гений изрек замысел.

– Я возвращаюсь в Терновый куст, дабы устроить там величайшее представление всех времен и народов. Обещаю, такого зрелища ты нигде не увидишь, не прочтешь, не услышишь. Ты говоришь, что душа бессмертна, что ж, поглядим, насколько верны твои суждения. Даю слово, я развею их души по ветру подобно праху из дорогой погребальной урны. Или погибну сам, обрета долгожданное забвение. – говорил Аспид проникаясь злым умыслом, незамедлительно направляясь в сторону поместья.

История десятая. О пустых сосудах, в которых тьма

Аспид ехал в автомобиле, размышляя, и те помыслы были ужасны до бесчеловечности. Любовь к Хлое разрушала его, отчего он переставал быть человеком. Он улыбнулся, смотря в зеркало. И увидел страшную гримасу. Оказывается, его клыки врожденно неестественно выступают вперед, которые в детстве росли над молочными зубами, отчего так искривились как у вампира, или вернее, как у змея. Вот почему он никогда не улыбается, дабы люди не распознали в нем монстра. Но для чего ему такие большие клыки, ведь он не вкушает плоть живых существ. Может быть, на них скапливается яд. И люди еще смеют сомневаться, что он чудовище. Они смеют оценивать его в человеческую меру. О как они заблуждаются.

“О как вы жаждете познать творения мои, о как вы алчно поносите их, потому что вы недостойны, созерцать картины мои, вы недостойны, читать книги мои, недостойны, слушать музыку мою, ибо и я недостойн самого себя.

О Муза моя, ты похоронила мою молодость! Ради чего, ради какой высшей цели? Для чего ты изображаешь из себя порочную деву, когда суть твоя есть непорочная ангельская

святость. Кого ты хочешь обмануть? Меня? Как глупо и самонадеянно. Я не буду смеяться тебе в лицо. Нет. Я стану источать слезы, и пусть все вкусят ту горечь неоплаканную, ту боль, что ты причинила мне. Или ты ожидаешь, когда же из моих очей потекут кровавые потоки. О совсем скоро, тебе осталось ждать всего ничего, лишь одно мгновение. Всего одно слово. И ты моя. Навеки”.

Одержимый лютой томительной злобой отчаяния, он возжелал всполохнуться пламенем правды, дабы тем светом ослепительно озарить беспутных людей. Желание подчинить их, изгладилось под нарастающей страстью сокрушить их, и то мечтание преобладало над его слабым духом. Неведомые голоса преследовали его всю дорогу до поместья, они вторили о его несостоятельности, о слабостях его выбора. Внимая духам, Аспид слыл печалью, в то же время пылал разъяренным противоречием, он хотел доказать наглядно свою величавость, достоинство именоваться орудием велений Творца. Сотворение Вселенной, мира, сего пространства, не прекращается, а длится и ныне. – думал Аспид. – И я изменю этот мир, доведу его до совершенства, отполирую все неровности, уберу всё лишнее. – Видимо те же помыслы имел и тот диктатор, имя которого не произносят, не по причине страха, а чтобы не славить его напрасно. Диктатор сотворил подобие ада, круги, где истязают людей, где не прекращают горение печи, где бесы в черных мундирах исполняют его дья-

вольскую фантазию. Гордынею он назвал себя и своих приспешников высшей расой, словно не замечая, что те пузатые обрюзгшие демоны мало схожи со статными атлантами. Он считал себя императором завоевателем мира, но не мог взирать на свое отражение в зеркале, не мог терпеть свою немощность. Безумец думал, что спалив сухую траву, на ее месте он посеет новую. Но в глухой слепоте позабыл, что жнец придет и к сеятелю. Смердящий проказой властитель покори́л слабые умы, сосчитал всех своих врагов, но позабыл одного. Смерть. Он призвал ее самоубийством, совершил трусливый побег от кары людской в царство теней беспросветных. Сей скорбная эпитафия ожидает всякого осмелившегося высвободить свою падшую гордыню, всякий гордец будет свержен. Но Аспид был иным существом.

Подобно дикому ветру он ворвался в дом, готовясь начать предполагаемое представление.

Страхи Аспида, его добродетели и согрешения, его безумие и мудрость, создавались простой девушкой. Он внезапно осознал, что его смысл жизни зовут Хлоя. Она его богиня, которой он поклоняется, которую он укоряет, если та не оказывает ему должное внимание. Его жизнь это она. Творит для нее, думает лишь о ней, и боготворит вдохновенно лишь ее одну. Он жаждет ее милости, принимает возмездие, о как он плачевно кается, положив главу на ее плечико, о как он радуется ее миловидной улыбке. Хлоя идеальное совершенство, которое Аспид не в силах покарать. Но вот он

безразличен ей, смысл его жизни утерян, его богиня оставила его. Молитвы уносятся в небытие. Вот корень его отчаяния, с которым он не может совладать. Желает покорить весь мир, дабы преподнести те сокровища к ее ногам. Подчиняет людей, дабы они приклонились перед его возлюбленной, творит, дабы они также восхитились ее первозданной красотой. Бедная наивная Хлоя, она сама не заметила, как из человека сотворила чудовище, словно колдунья заколдовала его, лишив нормального облика. Хлоя, подобно Еве, соблазнила Аспида, и тот вкусил плод познания добра и зла, познав ее душу. Существование девушки принадлежит Богу, но для чего она обратилась к Аспиду, наградив его сердце безумной любовью. О знала ли ты, Хлоя, кого сотворишь одним лишь взглядом своим. Ты не догадывалась, не предполагала. Или ты всё знала. Тогда кто ты после всего этого?

Актеры были на местах. Первую сцену должна была сыграть Мари Дон-Эскью, баронесса, которая занималась счетами и изредка вышивала крестиком.

Аспид умирил пыл, дабы некое прозрение постигло его измученную душу, потому подойдя к ее многоуважаемой особе, несколько не казался мрачным. Убрав руки за спину, уверенно предстал перед хозяйкой усадьбы.

– Ты чем-то обеспокоен? – спросила Мари у Аспида и тот немедля ответил.

– Весьма прозаичное время суток, не правда ли. Солнце медлительно уходит за горизонт, и сколь волнителен этот пе-

реход, подобный смерти. Сейчас мы бодрствуем, а на другом полушарии Земли люди спят. Однако смысл жизни у всех нас один, который так немилосердно предается забвению, как впрочем, и сама духовность. Вот, к примеру, вы, Мари Дон-Эскью, смею прочесть, относитесь к тем, чей смысл жизни это ваши дети, иное вас нисколько не затрагивает. Но позвольте сломать ваши банальные представления о жизни. – Аспид пристально вглядывался в нее, проникая в самые глубинны души баронессы. – Вы живете жизнью своих детей, но для чего вы их явили сюда на землю? Они были прекрасными душами, но вы пожелали стать вместилищем их плоти, Творец из вашей крови сотворил их тела, осветил духом, дабы они населяли землю и славили Бога сотворившего их. Вы зачали их для того чтобы они родились в страданиях, затем страдали всю жизнь земную, и в конечном счете умерли. Ваш смысл жизни в их смерти? Разве смерть может быть смыслом жизни. Или вы просто-напросто не хотите быть одинокой. Как эгоистично, баронесса. Но позвольте, предложить вам иную картину. Вашим смыслом жизни должна стать жизнь, поэтому спасайте их души добродетелью.

– Ты, по-видимому, так ненавидишь себя, что считаешь трагедией свое рождение. – теперь уже без фамильярности произнесла Мари, а затем добавила. – Если хочешь знать, мои дети счастливы, и будут счастливы всегда.

– Вы правы, я бы хотел не рождаться, а быть чистой душой

в деснице Создателя. Но мы все рано или поздно вернемся к Нему. Поэтому я могу сожалеть лишь о своих поступках, мыслях и словах. — ответил Аспид. — Вы словно восковая фигура, слепок копии прилежной дамы. У вас имеется занятный список, в котором вы отмечаете галочками свои общественные победы и достижения. Вы настолько поглощены славой материнства, что не замечаете дурного в характерах ваших детей. Олаф страдает от собственного цинизма. Джорджиана терзается от ваших нападков, ибо вы называете ее старой девой, вы не хотите понять ее, не желаете сохранить ее сокровенное девство, искушаете ее. А до малышки Сары у вас просто не доходят руки и уста, будучи обделенной вниманием, та создает свой отверженный детский мир, где никто не умирает и не страдает, но сколь велико внутреннее разочарование девушки не передать словами. Вот каков ваш смысл жизни. Они на самом деле все глубоко несчастны.

Вы их одеваете, кормите, однако самое важное, духовное воспитание, моральное доброе восприятие мира напрочь забывается вами. Отныне говорите им о созидании невинности, о благе целомудрия, о вышних отношениях между молодыми людьми. Но вы полагаете, что всему они должны обучаться сами, ошибаться и учиться на ошибках, будто их разум должен пройти проверку на прочность. Но как, скажите как, им избрать добродетель, когда они знают лишь одну падшую сторону выбора, которая так бессовестно прославлена. Вы лукавите, желая им счастья, ибо, то есть зло под ли-

чиной комедийной, вульгарной. Вы лишаете их духовности. Тем самым заведомо проклинаете их.

Мари глядела в его гипнотизирующие зеницы очей, чем больше Аспид говорил, тем более баронесса тревожилась, начиная вникать в его речь.

– И не говорите мне, что вы заботитесь об их телах. Потерянная девственность будет и вашей трагедией, на вас также ляжет непомерная вина, ибо вы не сумели донести до них благочестивое житие кроткой девы и робкого юноши. И вы совсем не думаете о душах своих детей. – в конце Аспид вопросительно воскликнул. – Таков ваш смысл жизни!?

Подавленная опустошенная Мари не смогла ответить. Нечто новое зарождалось в ней, крохотный лучик надежды пробился сквозь плотную многолетнюю темноту. Однако, невзирая на изменения в ее душе, баронесса, не подавая раздражительного вида, оставила Аспида одного. Тот ведал, куда именно направилась пиковая дама, определенно за червовым королем.

Барон тем временем находился в своем кабинете, усердно разбирая заправские бумаги. Мари мимолетно изложила неуместное поведение подкидыша, не вдаваясь в подробности, ибо они смущали ее, она постепенно переваривала ту незабвенную тираду.

Барон вспыхнул словно порох, ведь причина его недовольств была весьма приличной. Обида, нанесенная супруге, стала последней каплей терпения, которая иссохла, и

непримиримую ярость уже ничто не остужало, поэтому Лютер Дон-Эскью немедля ринулся к обидчику. А тот уже без зазрения совести дожидался начала всеобщего переполоха.

Когда баронеты показали в дверях, Аспид не сдвинулся с места.

– Как ты смеешь нападать на мою жену. – воскликнул барон хищным зверем вышагивая перед юношей. – Я долго терпел твое присутствие в моем доме, очень долго. Пора и честь знать.

Аспида вновь пронзил странный голос, оледенело коснувшийся до самих его костей.

“Тебе будут поклоняться, ты статуей будешь прибывать в храме подобно греческому богу, но ты будешь одинок, ибо люди, склоненные по слабости своей, есть неверные, со страхом в очах, оные отпрянут от одного упоминания имени твоего, ибо узрят они твой лик лукавый в улыбке алчной искривленный”.

Невзирая на сверхъестественные внутренние протесты, юноша говорил.

– Человек как творец может использовать свой талант, во зло или в добро, иных путей нет.

– Не заговаривай мне зубы. – нервно воскликнул барон, не отпуская, сильно сжимая трепещущую руку супруги, продолжая источать угрозы. – Всякое наше терпение иссякло, ты поплатишься за свой змеиный язык.

Аспид сразу же своевременно ответил на выпад.

– Вам неведомо смирение. Вы все словно малые неразумные дети. Играете в солдатики, устраивая войны, играете в дочки матери, когда появляется желание возиться с куклами. Вы суетитесь, хлопочите по хозяйству, исполняете общественные требования, ради чего скажите на милость? Вы играючи лишаете человека жизни, играючи теряете невинность, дарованную лишь раз, словно в любое время можно прекратить игру и всё свести на шутку. Но убиенные не встанут, девственную чистоту плоти и души не вернуть. Покаяние очистит от грехов, но не очистит память, лишь усыпит страсти, сон и пробуждение которой зависит только от вас самих. Вы словно дети впитывающие всё злое и повторяющие то зло. – тут он обратился лично к барону. – Вы жаждете богатства, которое развращает вас. Поэтому я не позволю вам владеть теми землями, не подпишу те судебские документы, которые вы так усердно готовите. Те земли я дарую крестьянам, которые более нуждаются в собственности, чем вы. И еще. Мне кажется, стало ясно, для чего вы скрепили друг друга узами брака. Ради обогащения. Расторопно рассмотрели достаток, и вопреки сердцу, без любви соединились. Но без любви венец ложен, иным словом, это прелюбодеяние.

Сильно подействовало последнее утверждение Аспида на разгоряченного барона, тот более не мог сдерживать свой гнев. Посему Лютер Дон-Эскью засучил рукава так рьяно, что пуговицы слетели с петель и покатались по полу. Слов-

но котенка он взял юношу за шкибот, и будто пушинку поволол на улицу, отчего по дороге сминались ковры, падали вазы, шумно катясь по полу. Таким диким образом они уходили прочь из дома. Аспид не сопротивлялся физическому воздействию на свое щуплое тельце, ибо в душе торжествовал над поверженным противником. Барон оказался сломлен, потому незамедлительно явил свое грубое истинное далеко не аристократическое распухшее эго.

Смеркалось, отчего темень начинала править мистическим антуражем сада. Снег растаял, и земля приобрела вид закоптелой грязи. Лужи были повсюду.

Задиристо, подобно оборванцу мальчишке, барон приволок Аспида в самое хлюпкое грязное место в центре сада, и кинул его с размаху в самую топкую жижу.

– Я вытащил тебя из грязи и возвращаю тебя обратно в грязь. – произнес барон тяжело дыша и откашливаясь от переутомления.

Аспид плюхнулся навзничь, ощутив телом влагу. Серая масса просачивалась сквозь его одежду и волосы, лилась в рот. Однако он утер лицо, вставая на колени, повернулся к барону, чтобы показать свое первородное величие, невзирая на критическую ситуацию. И произнес.

– Я глас, вопиющий в сумраке. Разумом вы не слышите меня, но сердце ваше, да вострепещет. Я слышу, как оно барабанит, вот-вот выскочит из вашей груди прямо мне в ру-

ки. – Аспид зашипел не своим голосом. – И это всё на что вы способны? А где же смертная казнь, ведь именно так вы управляетесь с душевными невинными мучениками, глаголющими правду.

– Замолчи змей поганый. – прокричал барон готовясь ударить Аспида, но тут вовремя поспекает Эстебан, решившийся встрять в нарастающий конфликт. Слуга услышал крики, находясь на конюшне, и увиденная им сцена, сильно поразила его. Его раздирал извечный вопрос, воспротивится злу или остаться в стороне. Вставши третьей стороной, Эстебан, взирал на них обоих, моля и умиряя спесивых бунтарей.

– Пророк Иисус Христос велит не обижать людей. – просто проговорил Эстебан.

Но в бароне проснулись неутомимость и беспощадность. Он шлепнул тыльной стороной ладони слугу по щеке.

– Отпрянь дурень. Разве не видишь я воздаю этому бездомному щенку по его заслугам. – прокричал барон.

Эстебан испугался, но не шелохнулся, ибо дух его был крепок. Позади его широкой спины, Аспид уже не улыбался, не скалил ядовитые клыки, а застыл в предвкушении развязки. Ужасающая картина навеки запечатлелась в душах тех, кто был там, и лишь один вечный Художник рисовал им судьбы.

История одиннадцатая. О воздаянии и о том, как умирают кукловоды

Аспид ощутил непоправимое свершение, созданное его ядовитыми устами. Поверженный и изгнанный, он заметил Хлою, стоящую вдали, как всегда одинокую и томную, та видимо всё это время готовила его к подлинной эпитафии на надгробиях сломанных кукол. Сделав движение рукой, Аспид словно дернул за подвешенную ниточку, и барон сделал второй удар по щеке Эстебана, его единственного верного слуги. Однако Эстебан должно исполнил закон Христов, обе его щеки были пронзены болью, отчего по его загорелому лицу покатались слезы, но не дрогнул мавр, а по-прежнему стойко защищал своим телом подкидыша, ибо всегда чувствовал вину перед тем младенцем. Когда-то возле кареты он положил бедное дитя обратно в грязь для услаждения барона. Однако ныне он защищает то дитя, не делая при этом никакого греха. Отчего барон лишь пуще злился, и тот сумасбродно набросился на слугу с кулаками, начав избивать и калечить живую преграду, ставшую на пути всегда несправедного правосудия.

Насилие недостойно описания. Поэтому вскоре душа ара-

ба не выдержав столько чужой злобы, впала в сон, а израненная плоть рухнула в грязь.

Вот пришел черед Аспида, и юноша был готов ко всему. Но утолив жажду крови, Лютер Дон-Эскью пал духом, подумав, что он видимо, убил слугу. Страх заточенный в глазах выдал его мысли. И барон пожелал скрыть ту мысль, посему поспешил в дом, даже не смотря на Аспида. Мари Дон-Эскью последовала за мужем, пытаясь успокоить его падение, однако тот впал в категорическое неподвластное нежности отчаяние. Две сестры подбежали к Эстебану, и, взявши его, с трудом поволокли в дом, но им не удавалось нести взрослого мужчину, ведь слишком тяжел он был. На их счастье, зажглись окна служебных домиков, вскоре подоспели рабочие. Они и занесли поверженного героя в господскую обитель. Сестры занялись лечением, начав тщательно ухаживать за самочувствием больного. А Аспид остался один, в совершенном одиночестве грустно взирая на блеклый силуэт Хлои.

Сегодня, оказывается, великий день, сегодня змей ужалил последних обитателей усадьбы Терновый куст. Эстебан увидел истинное лицо хозяина, которому столько лет тот служил верой и правдой. А барон явил публике свою сущность во всей падшей красе. Аспид умышленно свел их на одной арене, и те вполне удачно сыграли свои амплуа. Теперь все сломлены, отныне все подчиняться ему, все бояться его судьбоносного рокового воздействия. Все склонятся пред ним. Но

гордыню Аспид не ощущал в душе своей, ее будто никогда и не было. Не ради себя он совершил сей деяния. Не для себя, но для них...

Яд в Аспиде истощился.

Крупными каплями полил дождь, смешиваясь в атмосфере с хлопьями снега, и те ведра с белыми перьями обрушились на юношу безжалостно. Дождь был настолько сильный, что ему становилось трудно дышать, словно еще немного, и он утонет. Но словно хладнокровное пресмыкающееся создание, не ощущал холод, лишь судороги клонили в спячку, ведь пора уснуть, сном вечным, безмятежным, дабы проснуться там, где он навсегда утратит свое змеиное имя, клеймо этого безвкусного мира.

Дождь прекратился. Кто-то взял Аспида за руку, помог ему встать. Кто-то ведет его в дом, затем в комнату. Отовсюду слышны крики. Словно стрекозы кружат сестры над больным, громко осуждая недостойное поведение отца. Вокруг суета и в то же время тихо, словно буря миновала. Или тишина сопровождает конец.

Выглянуло солнце из-за туч, то было для юноши светлое личико Хлои. Ему становилось жарко, его молодая плоть пылала, не ведая по какой причине. Девушка уложила его на диван, села рядышком, расстегнула ворот его испачканной рубашки.

Внезапно в Аспиде промелькнула конечная мысль – ведь

осталось только сломить ее, и я стану повелителем душ!

Однако божественное предназначение изменило ему, ибо его горло омылось холодной водой, осквернилось склизкой грязью, мелкие камни изранили его гортань, отчего отныне горло юноши сильно саднит. Он больше не способен говорить. Сила Самсона была в волосах, а сила Аспида заключалась в речах. И они одинаково утратили свою власть. Слепленные и поверженные они могли лишь слушать голос мысли своей усталой преданной души. Но Аспид услышал Хлою.

– Ты совершил безумные деяния гласом своим властным. И не миновать тебе воздаяния заслуженного. Ибо отныне ты беспомощен. – сказала Хлоя явственно печалась и сострадая.

Аспид из последних сил невнятно прохрипел.

– Я исправил их...ведь я творец.

Девушка траурно склонила голову. Неожиданно громозвучно прозвучали выстрелы из револьвера.

Аспид ужаснулся.

– Нужны ли тебе мертвые куклы? Зачем пастуху трупы овец? Ты проиграл, Аспид, ведь ты не сломал их, а убил. Я полагала, что ты Амнос Адикос, которому проложат путь чудесами. Но я ошиблась. Ты некто другой. Как впрочем, и Венедикт падет. Видимо настоящий Дракон будет вмешать в себя ненависть диктатора и твою прозорливую расчетливость. – говорила Хлоя по-матерински утешая его. – Ты скоро умрешь, Аспид, ты умрешь также как и твои жертвы. Вы-

стрелы слышимые тобою, они правдивее моих слов?

– Боже, что я совершил. О насколько я мучим собственной душой. – тихо-тихо простонал Аспид.

Перед его скорбным взором, словно в зеркале ее сияющих глаз, он различил свое лукавое отражение, ненавидя то лицо, те покрасневшие от слез глаза. Ибо он, Аспид, разрушил всю свою жизнь, словом, одним простым словом, осквернил себя, и тех, кого любит. Гений слова покарал сам себя, избородил свое младое лицо пороком, состарил себя, так и не вкусив юность. Напрасно звался мудрецом, который потерял всё, упился собственным ядом, чтобы умереть, бесславно и трагично.

Аспид ненавидел себя. Не ставший таким, а родившийся, он уже был безумен, в том его исключительность, в том его невозможное бремя. Да минует вас чаша сия – трезвило нездоровое сердце. Его жизнь не принадлежит ему, по-сему даже он сам не мог выразить свое чувство, то разрушительное сокрушение, то раздираемое иномыслие, не свойственное жизни, несовместимое с жизнью. Взирает на образ свой искаженный, дрожа губами, задыхаясь, подобно ребенку всхлипывая, испражняясь ноздрями, источал громады слез, кои не являли исцеление, и не были залогом прощения, но были истинной его болью больной души, залогом искренности, которая не внемлет себе подобной. И смерть близка, ибо здесь уже нет ничего, даже он сам для себя никто, облик противный, да влага палящая солью, это ли чтить,

это ли сохранять?

Так заberi тростину честный жнец, ибо поспел тростник, которого ветры не сломили, но он сам склонился, познав свою низость, ту внутреннюю пустоту. Путь станет он свирелью, и мертвым будет радовать людей. Подобно скорбящему Иову, Аспид утратил всё что имел, всё, что хотел иметь, всё, что не желал иметь. Отныне он отверст пред Богом. Душа отворена его, ничто тленное не заботит его, ничто суетное не тревожит ум. Душой он отверг душу свою. Потерял себя. И это похоже на финал, когда актер, склоняясь, в умилении слезах, рукоплещет, иль от усталости в сон клонится. Актер, сыграв роль, готов проститься с публикой.

Хлоя нежно провела бархатной ручкой по его щеке.

– Но я могу излечить тебя. Как того жука в детстве, помнишь? Только есть одно маленькое условие. Ты должен будешь стать великим злодеем. Ты всё время твердишь о душе, но ты убьешь свою душу, и позабудешь, что души есть у людей, ты будешь лишать их жизни, будешь потакать их злодействам. Для многих ты станешь богом, новой вавилонской башней. Твой трон висится в храме Соломона, иди же и завладей властью данной тебе злом. – девушка провела острыми ноготками по его горлу. – Но если откажешься, то мучительно умрешь от рака горла. С самого твоего рождения опухоль росла в тебе, та чернота, которую ты постоянно ощущал. Вскоре ты не сможешь пить воду, и ничто не сможет утолить твою жажду, и никто не посмеет приблизиться к те-

бе, боясь твоего гнойного яда, ибо ты отверг всех. Ты сотворил ад внутри себя. Сотворил опустошение на крохотном клочке земли. Осталось только всю землю предать смерти. – говорила Хлоя, однако очи ее отражали вовсе иное значение тех страшных слов, она будто просила его не слушать ее.

– Я не стану им. . . – последними звуками процедил Аспид.

Бесстрастная Хлоя встала и направилась к двери комнаты, напоследок сказав.

– Прощай.

О это великое слово, означающее исход и отпущение. И Аспид внял тому эпосу, той всеобъемлющей истине, в то время как его тело угасало, запах смерти витал вокруг, но благовонный аромат зародился цветком, невинной лилией в его душе, что оживала, предаваясь молитвенному ожиданию близкого исхода.

Высшее предназначение исполнено, ибо он, Аспид, не стал олицетворением вселенского зла, он спас свою ничтожную душу от гибели. Он молится, взывает, просит прощения, значит, в его душе есть Бог, значит, он не одинок, в его душе нет ада. Но есть Рай, где так покойно, где нет страданий и отчаяния, это то потаенное место, где он обретет жизнь, которую так и не познал при земной своей жизни.

Однако. Аспид выжил.

История двенадцатая. О том, как начинаются и оканчиваются истории

Разгоряченный барон судорожно достал из шкафчика письменного стола револьвер, зарядил его шестью пулями, прокрутил барабан. Но любимая ладонь жены смерила бездушный пыл, остановила его пагубные намерения.

– Я убил человека, и потому меня осудят. Я буду сидеть в тюрьме, нищий и осмеянный. Меня назовут аристократом, до смерти избившим слугу. То злодейство непростительное клеймо на весь наш род. Позор несмываемый слезами.

– Не говори так. Я не позволю тебе убить себя. – говорила ему Мари. – Потому что я чувствую, что люблю тебя, словно все эти годы я прятала любовь на глубине своей души. И сейчас, когда я познала всю ценность наших отношений, ты не можешь вот так покинуть меня. Ты мне дорог, Лютер, ты мне небезразличен.

Барон внял ее целебным словам, потому опустил револьвер. Но тут он словно просиял, нечто важное сверкнуло в его безнадежных очах. Он вытянул руку, прицелился и выстрелил. Затем совершил второй столь же смертоносный выстрел.

Мари лишь протяжно охнула от удивления пав на мягкое кресло. Будто ее ранили в самое болезненное место.

Умирало ее сребролюбие.

Подобно пеплу при пожарище клочки бумаги летали по кабинету, ибо снаряды, вылетавшие из оружия, устремлялись напрямиком в хранилище сейфа, где хранились ценные бумаги, которые рвались, изображая конфитюр из шутих и хлопущек. Вскоре, минуя секунды, барабан револьвера опустел, и барон положил орудие казни обратно в ящик. Уселся рядом с женой. И впервые произнес нечто вразумительное.

– Все эти налоговые документы, закладные, счета в банке, делали меня жадным и ненасытным скупердяем. Но отныне я свободен, я вижу, что для меня самое главное это вы, моя семья, Джорджиана, Сара, Олаф, и ты моя единственная возлюбленная. Я почитал свою холодность к людям черствостью своей натуры, проявлением властной силы, или банальной нехваткой времени. Но взгляни. Старый ты болван, на свою жизнь, и увидишь – говорю я себе – увидишь, что ты верен супружескому единству. – тут он окончательно смягчился. – Я люблю тебя. – говорил барон уставший, просветлевший. – Отныне я свободен от всего этого. Я свободен.

Преодолевая мучительную ноющую боль, Аспид услышал знакомые ему голоса, оказывается всё семейство Дон-Эскью живо. О как радостно он мыслил, и та радость поддерживала его ускользящие силы.

На костылях надежды, Аспид встал с дивана, дабы направиться в гостиную. Там были все, кроме Хлои. Барон ухаживал за поправляющимся Эстебаном, а тот словно позабыв прошлые обиды, видимо простил своего господина. Простил еще тогда, когда тот занес на него опьяненную гневом руку. Сестрички развлекали их своими играми. А баронесса ругалась, попрекая излишнее озорство девушек.

Аспид как всегда встал по центру комнаты, но пропала вся былая статность в юноше, он казался сгорбленным, больным, подавленным. Темные загадочные материи покинули его душу. И он, отныне безымянный, бескровный, но небезгрешный человек, встал перед ними, пал на колени и взмолился. Он лишь просил у всех прощения. О насколько было искренно то прошение.

– Простите меня. – не переставая твердил Аспид. – Я в своем безграничном безумии ломал ваши жизни, вскрывал ваши души, тем самым убивая себя, наносил раны своей душе. Простите меня, если то возможно.

Семейство Дон-Эскью сохранило молчание. Слишком много произошло событий, о которых не было больше сил думать, вспоминать о них незабвенных.

Юноша вскоре вернулся в свою комнату, улегся и заснул. Минуло несколько дней, и он полностью выздоровел, даже его одежды очистились от запекшейся грязи.

Юноша, размышляя, стоял возле окна, созерцая то, как

уезжает Эстебан. Барон частично загладил свою вину, наградив слугу бессрочным отпуском. Араб вернется на Восток, к своей семье, которая уже давно простила его, приняв его убеждения на счет вероисповедания. Посему Эстебан садился в карету, но перед тем тот не позабыл заглянуть под колеса экипажа, нет ли там еще подкидышей, за которых ему предстоит проливать собственную кровь. К счастью, никого там не обнаружилось.

Незаметно подошла Хлоя.

– Прости и ты меня. – сказал он.

Девушка засмушалась и ответила.

– Знаешь, а ты всё-таки справился. Ведь ты сломал меня. – юноша удивленно воззрился на нее. – Ты, будучи на краю гибели, отказался от зла, очистился покаянием, как разбойник на кресте, возле Господа распятого. Теперь пришло время, тебе восстать возле Господа воскресшего.

– Если не я тот Злодей, то кто? Меня зовут не Аспид? – спросил он у Хлои.

– Ты не был рожден, потому у тебя нет имени. Ты будешь противостоять Зверю, в устах которого будет заключена алчная ложь, а твоими устами будет проповедоваться святая правда. Тем самым ты сохранишь многих людей от его пагубного влияния. Ты объединишь Божий народ, будешь смывать с умов людских метку Зверя. Теперь в тебе нет греха. Скоро ты предстанешь пред ним, и он убоится тебя. Но поражение Злодей примет от Господа. Зверь погубит тебя,

но прежде ты сотворишь много праведных дел.

– Мне странно слышать это. Но я верю тебе, ибо знаю кто ты. Ты не лжепророк. – сказал юноша. – Я приму сей бремя. Но прежде покажи себя в истинном обличье.

– Тогда повернись к окну и закрой глаза. – сказала Хлоя.

Он повиновался, прикрыв веки. И когда прозрел, в отражении стекла, сквозь зеркало, увидел девушку, облаченную в белоснежную тунику, ее спина и плечи обнажены и из лопаток произрастают два белых крыла до самого пола, отчего перышки ласково касаются ее пят. Свечение исходило и распространялось подобно северному сиянию. Завороженный он развернулся, бесстрастно прильнул к эфирному видению, обнял руками ее стройную талию, прижавшись грудью к ее белоснежной спине. Крылья расправились и укрыли их обоих.

– Ответь мне. Можно ли любить свою девственность? – спросил он.

– Люби, так, как я тебя люблю. – искренно ответила она. – Я всегда рядом с тобой, я буду вкладывать в твои уста верные слова, в твое сердце милосердные чувства, а в душу твою праведные помыслы. Но ты больше не увидишь меня воочию. Увидишь меня только тогда, когда окончится твой путь. Когда исполнится твое предназначение.

– Аромат твоих волос, я всегда ощущал. Ты пришла ко мне на свидание тогда на мосту, а я так ошибся. Извини меня.

– Это потому что принесла тебя в мир именно я. Ты не был рожден, потому для людей ты всегда будешь словно неживым, чуждым. Они будут внимать доброму духу твоего голоса, невольно самим сердцем. Поэтому ты помнишь Небеса, поэтому только ты видишь меня. Отныне твоя жизнь изменится. В год черной змеи, преодолев скорбные времена, ты явишься людям, и мир узнает тебя, познает твою безграничную любовь. – ее глас стал угасать подобно свече. – Я буду рядом с тобой везде и всюду, покуда не исполнится предначертанное...

Он хотел было возразить ей, но Ангел растворился неведомым светочем, и в его объятьях заключился только воздух. Только благодостный аромат девы никогда не покидал просторы его легких, там близко сердце и оно вкушало ту сладостную амброзию любви.

Отныне весь мир преобразился, приобрета иней цвет, иную гармонию звуков, палитру судеб и будущих свершений.

В комнату не стучась, вошла сестра баронессы, произнеся ему укор.

– Сынок, вот ты где. Вновь разговариваешь со своей воображаемой подружкой. – она надулась. – Побегали скорее, что ты стоишь как вкопанный, время завтрака давным-давно подошло. Эстебан так рано уехал, что мы все толком не выспались.

Так вот значит, как моя жизнь изменится. – подумал юноша. – Я сын сестры баронессы, а Хлои вовсе никогда не существовало. Младенцем в кроватке я лежал один, я разговаривал сам с собой. Так они видели. Но я видел Ангела.

В гостиной был накрыт стол, здесь находились барон и баронесса, Джорджиана, Сара, и приехавший Олаф. Наследник вернулся из армии, с намерением вести порядочную мирную жизнь, работая у отца. Баронесса зачислила Сару в приходскую школу для девочек, дабы та обучилась этикету, домоводству, различным наукам и ремеслу, подходящему для ее рук и ума. Джорджиана полюбила рабочего молодого человека, и тот полюбил хозяйскую дочь, но баронесса не противилась скоропалительному решению дочери. Скоро должна была состояться свадьба, на которую барон обещал не скупиться.

– Твоя любимая девушка, какова она? Ты так много говоришь о ней, а мы ее даже не видели. – с обидой обратилась к юноше баронесса.

“О насколько вы наивно бездуховны и ограничены. Потому я призван сокрушать цинизм ваш, явив любовь истинную целомудренную. Вы будете нападать на меня, дабы я усомнился в любви своей божественной. Вы подобно злым духам будете говорить о потерянной юности, о том что я якобы буду сожалеть о потерянном удовольствии в старости, но я чувствую то, что вы не чувствуете, вижу то, что вы не видите. Вы хотите приобщить меня к своей брэнной суете, но

без духовности, в вас правит пустота, вы неистово спешите в вечную муку, и потому ваши слова также пусты, как и ваши черствые сердца”. – подумал Аспид. – “Так было раньше, но отныне настали иные времена. И своей любовью я излечу вас. Я буду кроток подобно Богу, безмолвен, мой голос будет тих и немощен, в то время как вы будете кричать на меня, ругать меня, даже проклинать, пусть так, я для вас всё равно неведом. Я буду любить, и тем изменю вас, любовью поведу вас по пути истинному.

Несчастнейший из людей, он даже не подозревал, что любовь его ничтожна, как и он сам. Всю свою земную жизнь он будет любить человечество, и каждого человека как неповторимое единое уникальное творение Творца, но его никто не полюбит. Только Бог любит его, раз даровал ему душу, существование, предназначение. Любовь его будут считать иллюзией, над ним будут насмехаться, осуждать, но он, простит каждого. Он не родился, значит, он и не умрет. Приведенный в мир Ангелом, он покинет обиталище брэнное влекомый Ангелом. Безвестность станет его величием, а страдание любовью. И в конце перед началом, слезы великого униженного пастыря исправят мир. Лишь о том он мечтал, храня мечту спасения всего человечества. Но надежда, о это величайшее Божье утешение, она не покинет его до самого смертного часа, до исхода безмятежного.

Счастливейший из людей, он даже не догадывался, насколько сильно окружающие любят его, как ближние восхи-

щуются им, как трепетно сохраняют его малое сердце. Поддерживают всегда, даже там где это неуместно. Сожалеют и скорбят о его благородном выборе, самой душой приклоняются пред его жизнью иноверной, благодарят за свет правдивый, который он в себе не различает, подобно луне отражающей лучи солнечные.

Когда не любишь себя, не видишь любовь в других, со временем он осознает эту истину, а пока, отвечает на каждый вопрос заданный ему как всегда божественно пространно.

– Моя любимая Ангел. Поэтому мы редко видимся, но в то же время мы одно целое. – ответил он.

Все пристально посмотрели на юношу, недоумевая, шутит ли он или говорит правду. Словно далее должна последовать колоннада типичных колких слов, укоров или протестов.

Но он, склонив главу, спокойно произнес.

– Любите свою девственность.

Автор книги Козлов Евгений Александрович

Рукопись написана в 2012г.

Повесть отредактирована автором и опубликована в декабре 2021 г.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.